

КРИСТОФЕР
ПАОЛИНИ

ЭРАГОН

БРИСИНГР

Наследие

Кристофер Паолини

Эрагон. Брисингр

«РОСМЭН»

2008

УДК 821.111(73)-312.9-93
ББК 84(7Сое)

Паолини К.

Эрагон. Брисингр / К. Паолини — «Росмэн», 2008 — (Наследие)

ISBN 978-5-353-04135-1

В третьей книге тетралогии К. Паолини «Наследие» легендарный Всадник Эрагон продолжает сражаться с ургалами и раззаками, беззаветно служить варденам и народу Алагейзии и учиться у гномов и эльфов. А в трудную минуту вспоминает советы своего наставника Брома. Вот только Бром, оказывается, не просто наставник... Тайну эту до поры до времени хранила от Эрагона даже верная дракониха Сапфира.

УДК 821.111(73)-312.9-93

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-353-04135-1

© Паолини К., 2008

© Росмэн, 2008

Содержание

Краткое изложение первой и второй частей тетралогии «Наследие»	6
Врата смерти	11
У лагерного костра	17
Штурм Хелгринда	35
Расставание	47
Всадник и раззак	54
Пеший поход	59
Испытание Длинных Ножей	73
Крылатая вестница	84
Спасение и бегство	94
Деликатный вопрос	110
Настоящий волк	117
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Кристофер Паолини

Эрагон

Брисингр

Роман

*Я, как всегда, посвящаю эту книгу моей семье.
А также Джордану, Нине и Сильви – ярким звездам нового поколения.*

*Атра эстерни оно тхельдуин!
Что на языке эльфов означает:
«Да сопутствует вам удача!»*

* * *

Christopher Paolini
Brisingr

*This edition is published by arrangement with Random House Children's Books,
a division of Random House, Inc.*

*Все права на книгу на русском языке принадлежат издательству
«РОСМЭН». Ничто из нее не может быть перепечатано, заложено в
компьютерную память или скопировано в любой форме – электронной,
механической, фотоконии, магнитофонной записи или какой-то другой – без
письменного разрешения владельца.*

Наш адрес в Интернете: www.rosman.ru

Text copyright © 2008 by Cristopher Paolini

Jacket art copyright © 2005 by John Jude Palencar

© Издание на русском языке. ЗАО «РОСМЭН», 2009

Краткое изложение первой и второй частей тетралогии «Наследие»

Эрагон, пятнадцатилетний парнишка с небогатой фермы, к своему величайшему изумлению, находит в горном массиве Спайн прекрасно обработанный синий самоцвет необычайной величины и относит его домой. Он живет с дядей и двоюродным братом Рораном неподалеку от небольшой деревушки Карвахолл. Дядя Гэрроу и его рано умершая жена Мэриэн воспитывали Эрагона с рождения. Его мать, Селену, родную сестру Гэрроу, не видели с тех пор, как мальчик появился на свет, а об отце и вовсе ничего не известно.

Через некоторое время на камне появляется трещина, и оказывается, что это не камень, а яйцо, из которого вылупляется крошечный дракончик. Когда Эрагон прикасается к нему, на ладони у него остается светящаяся серебристая метка. А чуть позже между мальчиком и драконом возникает прочная мысленная связь, благодаря которой Эрагон становится одним из легендарных Всадников. Он называет своего дракона, точнее, дракониху, Сапфирой в честь другого знаменитого дракона, о котором узнает от деревенского сказителя Брома.

Орден Всадников был создан несколько тысячелетий назад, сразу после великой войны между эльфами и драконами, чтобы эти народы никогда больше не враждовали друг с другом. Таким образом, Всадники стали не только хранителями мира в Алагейзии, но и просветителями, целителями, естествоиспытателями, а также величайшими магами, ибо тесная связь с драконом каждому из них давала власть над магическими искусствами. Под руководством Всадников и под их защитой страна переживала свой золотой век.

Когда в Алагейзии появились первые люди, некоторые из них тоже стали членами благородного ордена Всадников. Миновало немало мирных лет и десятилетий, но однажды воинственным ургалам удалось убить дракона, принадлежавшего молодому Всаднику по имени Гальбаторикс. Обезумев от горя – ибо нового дракона Всадники ему дать отказались, – Гальбаторикс начинает вынашивать план уничтожения ордена.

Выкрадв другого дракона и назвав его Шрюкн, Гальбаторикс с помощью черной магии подчиняет его себе, а затем собирает отряд из тринадцати Всадников-предателей, которые получают в народе прозвище Проклятые, подрывает основы ордена, убивает его предводителя, эльфа Враиля, и объявляет себя правителем Алагейзии. Его действия вынуждают эльфов отступить в чашу заповедного соснового леса Дю Вельденварден, а гномов укрыться в своих туннелях и пещерах; ни один из этих народов более не осмеливается покидать свои тайные убежища. Сотню лет продолжалось сопротивление различных народов власти Гальбаторикса; за это время от различных причин погибли все Проклятые Всадники. И вот в этот-то неустойчивый период и появляются на сцене Эрагон и Сапфира.

Через несколько месяцев, после того как Сапфира вылупляется из яйца, в Карвахолле появляются чужаки, похожие на двух жутких черных жуков. Это раззаки. Они ищут некий «синий камень», а на самом деле – яйцо Сапфиры. Эрагону и Сапфире удастся спастись, но раззаки сжигают ферму и убивают Гэрроу.

Эрагон дает клятву выследить и уничтожить раззаков. Когда он покидает Карвахолл, местный сказитель Бром, которому известно о существовании Сапфиры, нагоняет его и просит взять с собой. Несколько позже Бром дарит Эрагону красный меч Заррок, некогда принадлежавший одному из Всадников, хоть и отказывается объяснить, откуда у него этот меч.

За время долгих скитаний Эрагон многому учится у Брома, в том числе фехтованию и искусству владения магией.

Вскоре след раззаков теряется, и Бром предлагает Эрагону посетить город Тирм, где живет его старый друг Джоад: Бром надеется, что Джоад сможет подсказать им, как отыскать

логово раззаков. В Тирме они узнают, что раззаки живут где-то в окрестностях города Драс-Леоны. Там же, в Тирме, Эрагон знакомится с колдуньей и травницей Анжелой, которая предсказывает ему судьбу; а также он получает два весьма странных совета на будущее от кота-оборотня Солебума.

По пути в Драс-Леону Бром признается Эрагону, что является агентом варденов – большой группы повстанцев, борющихся за свержение Гальбаторикса, – и говорит, что скрывался в Карвахолле, ожидая появления нового Всадника. Двадцать лет назад Бром вместе с Джоадам выкрал у Гальбаторикса яйцо Сапфиры и во время этого похищения убил Морзана, первого и последнего из Проклятых. Теперь на свете осталось всего два драконьих яйца, и оба они хранятся у Гальбаторикса.

Неподалеку от Драс-Леоны раззаки устраивают засаду, и Бром, защищая Эрагона, получает смертельное ранение. Раззаков отгоняет прочь загадочный молодой человек по имени Муртаг. Перед смертью Бром признается Эрагону, что и он когда-то был Всадником, а его дракона, погибшего в бою, тоже звали Сапфира.

После этого Эрагон и Сапфира решают присоединиться к варденам, но в городе Гиллиде Эрагон попадает в плен к слуге Гальбаторикса, ужасному шейду Дурзе, но с помощью Муртага он бежит из тюрьмы, прихватив с собой еще одну пленницу – эльфийку Арию, которая долгое время была послом эльфов в лагере варденов. Дурза отравил Арию магическими снадобьями, она на грани смерти, и ей необходима срочная медицинская помощь.

Преследуемые отрядом ургалов, четверо беглецов спешат в тайное убежище варденов в Беорских горах, вершины которых вздымаются в небеса чуть ли не на десять миль. Обстоятельства заставляют Муртага, который не имеет намерения вступать в организацию варденов, рассказать Эрагону, что он, Муртаг, сын того самого Проклятого Морзана; что он осуждает своего покойного отца за совершенные им злодеяния и потому, отказавшись от покровительства самого Гальбаторикса, бежал из его дворца, желая самостоятельно выбрать свой жизненный путь. А еще он сообщает Эрагону, что меч Заррок некогда принадлежал Морзану.

Рогатые чудовища ургалы устраивают Эрагону и его друзьям засаду, но в критический момент на помощь путешественникам, спасая их, приходят вардены, живущие в Фартхен Дуре, огромной поллой горе, представляющей собой кратер бывшего вулкана; там же находится и подземная столица гномов Тронжхайм. В Фартхен Дуре Эрагона отводят к предводителю варденов Аджихаду, а Муртага, узнав с помощью магии о его кровном родстве с Морзаном, сажают в темницу.

Эрагон знакомится также с королем гномов Хротгаром и дочерью Аджихада Насуадой. Затем его подвергают особой проверке двое весьма злобных колдунов, прозванных Двойниками и находящихся на службе у Аджихада. В Фартхен Дуре Эрагон и Сапфира благословляют одну девочку-сиротку, но делают это крайне неумело. Арию тем временем вардены успешно исцеляют от отравления.

Внезапно приходят вести о том, что по прорытым гномами туннелям к городу приближается армия ургалов. Во время сражения с ургалами Эрагон разлучается с Сапфирой и вынужден в одиночку сражаться с шейдом Дурзой. Дурза, будучи гораздо сильнее любого из людей, легко берет верх над Эрагоном и наносит ему мечом страшную рану, разрубив спину от плеча до бедра. И, когда до гибели Эрагона остается буквально несколько мгновений, Сапфира и Ария проламывают крышу парадного зала Тронжхайма и разбивают гигантский Звездный Сапфир, имеющий шестьдесят футов в поперечнике. Это настолько отвлекает Дурзу, что Эрагон успевает нанести ему смертельный удар прямо в сердце. Освободившись от чар, которыми их сдерживал Дурза, ургалы тут же отступают в подземные туннели.

Лежа в бесспамятстве после битвы, Эрагон вступает в мысленную связь с неким существом, которое называет себя Тогира Иконока, «изувеченный, но целостный». Он предлагает

Эрагону ответить на все его вопросы и сообщает, что искать его нужно в Эллесмере, столице эльфийского государства.

Когда Эрагон приходит в себя, то, обнаружив у себя на спине огромный безобразный шрам, в ужасе понимает, что ему удалось-таки победить Дурзу, но произошло это исключительно благодаря случайному везению, а потому ему необходимо еще поучиться. Он твердо решает непременно отыскать этого Тогиру Иконоку и стать его учеником. Так кончается первая книга.

А вторая книга начинается с тех событий, что имели место через три дня после победы Эрагона над Дурзой.

Вардены приходят в себя после страшной битвы; Аджихад, Муртаг и Двойники бросаются в погоню за укrywшимися в подземных туннелях ургалами. Там на них внезапно нападает отряд ургалов, и Аджихад погибает, а Муртаг и Двойники исчезают в неизвестном направлении. Вардены собирают Совет Старейшин, где верховной правительницей варденов назначается Насуада, дочь Аджихада. И Эрагон присягает ей на верность.

Эрагон и Сапфира решают, что им необходимо уехать в Эллесмеру и начать обучение у «изувеченного, но целостного». Незадолго до их отправки в эльфийскую столицу король гномов Хротгар предлагает Эрагону стать членом его клана, Дургримст Ингеитум. Эрагон принимает это предложение, которое дает ему полные и законные права в королевстве гномов и возможность участвовать в заседаниях их Совета.

В Эллесмеру Эрагон и Сапфира отправляются в сопровождении Арьи и Орика, приемного сына Хротгара. По пути они останавливаются в одном из древних городов гномов, Тарнаге, и Эрагон узнает, что далеко не все гномы относятся к нему и Сапфире достаточно дружелюбно; особенно неприязненно воспринимают их представители клана Слезы Ангуин, ибо Проклятые некогда перебили большую часть их сородичей.

Эрагон и Сапфира прибывают затем в эльфийский лес Дю Вельденварден и в чудесном городе Эллесмере знакомятся с королевой эльфов Имиладрис, которая, как они узнают впоследствии, является матерью Арьи. Они также знакомятся с «изувеченным, но целостным»: это древний эльф по имени Оромис, некогда тоже бывший Всадником. Оромис и его дракон Глаэдр в течение последних ста лет скрывали свое существование от Гальбаторикса, все это время не оставляя попыток уничтожить ненавистного правителя.

И Оромис, и Глаэдр, изувеченные в сражениях, страдают от старых ран и уже не могут сражаться. У Глаэдра нет одной лапы, а Оромис, попав в плен к Проклятым, был сломлен ими и лишился способности управлять магической энергией; кроме того, после перенесенных страшных пыток он подвержен припадкам слабоумия.

Эрагон и Сапфира начинают свое обучение. Их учителя, Оромис и Глаэдр, занимаются с ними как вместе, так и порознь. Эрагон многое узнает об истории народов, населяющих Алагейзию, постигает мастерство фехтовальщика и учит древний язык, которым пользуются маги. Во время занятий этим языком он с ужасом обнаруживает, какую ошибку совершили они с Сапфирой, благословив ту сиротку в Фартхен Дуре: желая сделать так, чтобы все беды обошли девочку стороной, он, неправильно произнеся всего лишь одно слово, сделал ее «щитом от всех бед» для остальных людей и тем самым, собственно, ее проклял.

Сапфира быстро делает успехи, учась у Глаэдра. А вот Эрагону сильно мешает шрам, оставленный мечом Дурзы. Эта отметина не только обезобразила ему спину; она порой лишает Эрагона сил, вызывая болезненные спазмы. Он понимает, что вряд ли сумеет преуспеть в магии и фехтовании, если подобные приступы будут у него продолжаться.

Вскоре Эрагон осознает, что окончательно влюбился в Арию. Он признается ей в любви, однако она отвергает его и вскоре покидает Эллесмеру, возвращаясь к варденам.

Во время эльфийского обряда Агэти Блэдрен, или Клятвы Крови, Эрагон претерпевает некую мистическую трансформацию: он превращается в некое существо, полуэльфа, не являясь при этом ни эльфом, ни человеком. Во время обряда исчезает и его болезненный шрам на спине, а сам он обретает ту сверхчеловеческую силу, какой обладают и эльфы. Меняются даже черты его лица, и теперь его облик отчасти напоминает эльфийский.

Как раз в это время Эрагон узнает, что вардены вот-вот вступят в великую битву с армией Империи и очень нуждаются в их с Сапфирой помощи. Пока Эрагон находился у эльфов, Насуада перевела всех варденов из Фартхен Дура в Сурду, государство, расположенное близ южных границ Империи и сохранившее полную независимость от Гальбаторикса.

Эрагон и Сапфира покидают Эллесмеру вместе с Ориком, пообещав Оромису и Глаэдру, что при первой же возможности непременно вернутся, чтобы завершить свое обучение.

Между тем жизнь двоюродного брата Эрагона Рорана также полна приключений. Гальбаторикс послал в Карвахолл раззаков и большой вооруженный отряд на поиски Рорана; он желает взять Рорана в плен и использовать в качестве приманки для Эрагона. Но Рорану удается скрыться в близлежащих горах. Он и другие жители Карвахолла пытаются отогнать солдат от деревни. Разгорается настоящая война, и многие крестьяне погибают. Слоан, деревенский мясник – который ненавидит Рорана и препятствует его помолвке со своей дочерью Катриной, – выдает Рорана раззакам, и эти чудовищные черные люди-жуки нападают на них с Катриной прямо в спальне. Рорану с боем удается прорваться и бежать, однако раззаки берут в плен Катрину.

Роран убеждает жителей Карвахолла покинуть деревню и искать убежища у варденов в Сурде. Они направляются на запад, к побережью, надеясь, что оттуда морем смогут добраться до Сурды. Роран проявляет себя как настоящий вожак и благополучно выводит односельчан по тайным горным тропам через Спайн на берег моря. В портовом городе Тирме они встречаются с Джоадам; тот сообщает Рорану, что Эрагон стал Всадником, и объясняет, что Гэрроу был убит потому, что в тот раз раззаки искали в Карвахолле Сапфиру и Эрагона. Джоад предлагает Рорану и его односельчанам свою помощь; он уверяет Рорана, что как только они благополучно доберутся до Сурды и воссоединятся с варденами, Роран сможет, заручившись поддержкой Эрагона, попытаться спасти Катрину. В итоге Джоад и жители Карвахолла захватывают корабль и отплывают в Сурду.

Эрагон и Сапфира прибывают к варденам в тот момент, когда те уже готовятся к битве. Эрагон узнает, что стало с той девочкой, которую он столь неудачно «благословил», перепутав слова древнего языка: ее имя Эльва, и хотя по всем показателям она должна быть еще ребенком, да и выглядит она годика на четыре, но у нее голос и повадки умудренной опытом женщины. Чары, невольно наведенные на Эльву Эрагоном, вынуждают бедняжку чувствовать боль каждого, кого она видит, кто находится от нее в относительной близости. Она бросается им помогать, а если пытается воспротивиться этой душевной потребности, то каждый раз безмерно страдает.

Вардены, Эрагон и Сапфира встречаются с имперскими войсками на Пылающих Равнинах. Это весьма обширное пространство, окутанное паром и дымом, которые вырываются из постоянно курящихся гейзеров и вулканов. Ко всеобщему удивлению, на поле брани появляется еще один Всадник верхом на красном драконе. Он убивает короля гномов Хротгара и вступает в поединок с Эрагоном верхом на Сапфире. Когда же Эрагону удастся сбить с него шлем, он с ужасом узнает в своем сопернике Муртага.

Оказывается, Муртаг не погиб во время вторжения ургалов в Фартхен Дур. Это нападение вообще было подстроено предателями Двойниками для того, чтобы убить Аджихада, захватить в плен Муртага и доставить его к Гальбаториксу. Гальбаторикс вынуждает Муртага присягнуть ему на верность, произнося клятву на языке древних. Тем самым он превращает Муртага и его дракона Торна, недавно вылупившегося из яйца, в своих рабов. Муртаг уверен,

что данная им клятва никогда не позволит ему послушаться Гальбаторикса, хотя Эрагон умоляет его забыть о прошлом и присоединиться к варденам.

Муртаг, обретший невероятную силу, теперь вполне способен сокрушить Эрагона и Сапфиру, однако во имя прежней дружбы он решает отпустить их. Но отбирает у Эрагона меч Заррок, утверждая, что этот меч по праву принадлежит ему, как старшему сыну Морзана, и открывает Эрагону еще одну тайну: оказывается, они с Эрагоном братья, и матерью их была Селена, ставшая наложницей Морзана. О происхождении Эрагона Муртаг узнал от Двойников, а те выяснили все, копаясь в памяти Эрагона в тот день, когда он впервые прибыл в Фартхен Дур.

Совершенно ошеломленный откровениями Муртага и сведениями о столь близком родстве с ним, Эрагон вместе с Сапфирой возвращается к варденам и вскоре встречается с Рораном и жителями Карвахолла, которые прибыли на Пылающие Равнины как раз вовремя, чтобы принять участие в страшной битве с врагом. Роран сражается поистине героически, и ему удается убить проклятых Двойников.

После боя Эрагон и Роран выясняют отношения и мирятся; Роран понимает, что Эрагон не виноват в гибели Гэрроу, а Эрагон клянется помочь Рорану спасти Катрину, плененную раззаками.

Врата смерти

Перед Эрагоном высилась темная башня; там таились чудовища, зверски замучившие Гэрроу, который был для него как отец.

Эрагон лежал на животе, прячась за редкими стеблями высокой травы, которой поросла вершина холма, за колючими кустиками и кактусами, похожими на бутоны роз. Колючая трава колола ладони, стоило ему пошевелиться в попытке получше разглядеть Хелгринд, который был похож на огромный черный кинжал, пронзивший чрево земли.

Вечерело, и среди невысоких холмов пролегли длинные узкие тени; где-то далеко на западе ярко светилась, отражаясь в небесах, поверхность озера Леона, и казалось, что вдоль линии горизонта кто-то провел сверкающую золотую полосу.

Слева Эрагон слышал ровное дыхание своего двоюродного брата Рорана, вытянувшегося рядом с ним на траве. Дыхание его, самое обычное и почти неслышное, Эрагону казалось неестественно громким, поскольку теперь слух его чрезвычайно обострился; и, надо сказать, это была далеко не единственная перемена, произошедшая в нем после прохождения эльфийского обряда Агэти Блэдрен, или праздника Клятвы Крови.

Сейчас, правда, ему было не до своих новых ощущений; он внимательно следил за длинной вереницей людей, движущихся к подножию холма Хелгринд и явно прибывших из Драс-Леоны, находившейся в нескольких милях отсюда. Во главе этой странной процессии шли двадцать четыре человека, мужчины и женщины, в толстых кожаных доспехах. Двигались они как-то неровно, да и походка у многих была чрезвычайно странная – кто прихрамывал, кто волочил ноги по земле, а некоторые на каждом шагу подскакивали и извивались; многие были на костылях, а кое-кто передвигался на четвереньках, поскольку не успевал за остальными на своих странно коротких ногах. В итоге Эрагон все же рассмотрел этих людей как следует и понял, что все это вполне объяснимо: просто у каждого из участников процессии не хватало руки, или ноги, или того и другого сразу. Их предводитель, гордо выпрямив спину, восседал на носилках. Носилки несли шестеро рабов, тела которых были обильно смазаны маслом и блестели. А позу предводителя Эрагон счел в высшей степени удивительной, ибо у этого мужчины (или женщины, этого он так и не понял) имелись только лишенное конечностей туловище и голова, на которой красовался низко надвинутый на лоб шлем в форме гребня фута в три высоты.

– Это жрецы Хелгринда, – шепнул он Рорану.

– А магией они пользоваться умеют?

– Возможно. Я не решаюсь мысленно обследовать Хелгринд, пока они оттуда не уйдут, ибо, если эти жрецы все-таки окажутся магами, они тут же меня обнаружат, каким бы легким ни было мое мысленное прикосновение к ним.

Позади жрецов тащились, построившись по двое, молодые люди в золотистых одеждах. Каждый из них нес прямоугольную металлическую раму с двенадцатью поперечными перекладинами, с которых свисали металлические колокольчики размером со спелую брюкву. Половина этих юношей, делая шаг вперед с правой ноги, с силой встряхивала эти рамы, и колокольчики звенели довольно громко и весьма немusыкальнo; вторая половина «музыкантов» в то же время делала шаг с левой ноги. Громкий звон, более всего похожий на похоронный, но отнюдь не столь мелодичный, разносился по окрестным холмам и полям. «Музыканты» сопровождали рыдания колоколов пронзительными криками, стонами и рыданиями, явно пребывая в некоем религиозном экстазе.

В хвосте этой нелепой процессии тащились жители Драс-Леоны: представители знатных семейств, купцы, торговцы, несколько офицеров высокого ранга и пестрое собрание горожан менее удачливых и богатых – рабочие, нищие и солдаты пехоты.

Интересно, подумал Эрагон, а губернатор Драс-Леоны, Маркус Табор, тоже где-то здесь?

Остановившись у отвесного, покрытого каменистыми осыпями склона Хелгринда, жрецы встали полукругом возле огромного валуна цвета ржавчины. Вершина камня блестела, как полированная. Когда же этого чудовищного алтаря достигла вся длинная вереница людей и застыла перед ним, существо на носилках шевельнулось и запело. Пение это было столь же немзыкальным, сколь немзыкальным был и перезвон колоколов на марше. Завывания шамана подхватывали, повторяли и уносили прочь порывы резкого ветра, но Эрагон все же уловил кое-какие слова древнего языка, странным образом измененного, даже исковерканного, с нелепыми ударениями; казалось, его перемешали с языком гномов и ургалов и объединили эту языковую мешанину с помощью древнего диалекта родного языка самого Эрагона. Но и то немногое, что он сумел понять, заставило его содрогнуться; это была некая клятва, и в ней говорилось о таких вещах, о которых лучше не знать. В ней звучала вся та злобная ненависть, что скопилась в течение долгих веков в темных душах этих жрецов, точно в подземных пещерах, и лишь теперь с исчезновением Всадников этой ненависти позволили, наконец, вырваться на волю и расцвести буйным цветом. Слова этой клятвы вызывали ощущение пролитой крови и безумия, они напоминали о страшных обрядах, отправляемых в безлунные ночи.

А под конец этой чудовищной мессы двое прислужников метнулись вперед и, приподняв верховного жреца – или жрицу, что тоже было вполне возможно, – с носилок перенесли его и усадили на полированную вершину алтаря. Затем верховный жрец что-то коротко приказал им. Блеснули два стальных клинка, и ручейки крови, брызнув из обоих плеч жреца, потекли по его телу-обрубку, по доспехам из толстой кожи и стали собираться на поверхности валуна в лужу, медленно стекая затем на землю.

К валуну подскочили еще двое жрецов и стали собирать алую жидкость в бокалы, наполняя их до краев и передавая другим членам братства, которые с жадностью пили кровь верховного жреца.

– Фу! – еле слышно выдохнул Роран. – Ты забыл упомянуть, что эти мерзкие калеки, эти жирные, скудоумные уроды еще и *каннибалы* впридачу.

– Не совсем. Мяса своих братьев они вроде бы не едят.

Когда все присутствующие «промочили глотки», прислужники, подобострастно кланяясь, вернули верховного жреца на носилки и перевязали ему плечи полосками белой ткани, сквозь которую моментально проступили пятна свежей крови.

Страшные раны, казалось, никак не действовали на это невероятное существо, лишенное конечностей. Жрец, повернувшись лицом к своим последователям, губы которых от выпитой крови были красны, как клюква, провозгласил:

– Теперь вы стали мне истинными братьями и сестрами, ибо отведали сок жил моих под сенью могущественного Хелгринда! Кровь вызывает к крови, и если когда-либо вам или вашей семье понадобится помощь, сделайте сперва все, что в ваших силах, для нашего храма и для тех, кто признает власть нашего ужасного господина и повелителя... А теперь, дабы подтвердить дважды и трижды нашу преданность ему и нашему Триумвирату, повторяйте за мной слова священных Девяти Клятв... Клянемся Гормом, Илдой и Фелл Ангравой с должным почтением по меньшей мере трижды в месяц в сумеречный час приносить нашему великому и ужасному повелителю клятву верности и некую собственную жертву, дабы утишить его извечный голод... Клянемся в точности соблюдать все предписания, изложенные в священной книге Тоск... Клянемся всегда носить на теле своем наш брегнир, всегда воздерживаться от дюжины дюжин и от прикосновения веревки со многими узелками, пока она не порвется...

Внезапный порыв ветра унес в сторону слова верховного жреца, и остальная часть обязательств осталась для Эрагона неясна. Зато, к своему ужасу, он увидел, что каждый из присутствующих на церемонии вытащил по небольшому кинжалу с изогнутым лезвием, а затем все они стали наносить себе удары этим ножом по сгибу руки у локтя, орошая алтарь собственной кровью.

Через несколько минут рассерженный ветерок улегся, и Эрагон снова услышал жреца:

– И те вещи, которых вы давно и страстно желаете, будут даны вам в дар как вознаграждение за ваше послушание... Наше преклонение беспрекословно и абсолютно. Мы исполнили свой обет. Однако же, если среди вас есть такие, у кого хватит мужества, чтобы показать нам истинную глубину своей веры, пусть выйдут вперед!

И все собравшиеся с застывшими, неподвижными лицами дружно шагнули вперед; это, очевидно, и был тот момент, которого они ждали.

Довольно долго все молчали; казалось, они уже будут разочарованы в своих ожиданиях, но тут один из последователей культа, темноволосый юноша, вырвался вперед с криком: «Я готов! Я сделаю это!» С радостным ревом его братья по вере вновь, точно дикари, зазвенели своими колоколами, подстегивая собравшихся и приведя их этим звоном в такой экстаз, что они стали подпрыгивать и вопить, точно безумцы. Эта дикая музыка даже в душе Эрагона вызвала странное возбуждение – несмотря на отвращение от вида кровавого обряда – и пробудила в нем некие первобытные, буйные чувства.

Сорвав с себя золотистые одежды и оставшись в набедренной повязке, темноволосый юноша вспрыгнул на алтарь, разбрызгивая кровь, пролитую верховным жрецом. Он повернулся лицом к Хелгринду и стал исполнять какой-то ритуальный танец, дрожа, извиваясь, словно пораженный параличом, и стараясь попадать в ритм громкому перезвону металлических колоколов. Голова его вращалась как бы сама собой, и казалось, вот-вот она оторвется от шеи; в уголках губ выступила пена; руки извивались, точно змеи. Он обливался потом, и его обнаженное тело блестело в закатных лучах, точно бронзовая статуя.

Звон колоколов вскоре достиг какого-то совершенно сумасшедшего темпа; одна нота словно налезала на другую, не давая той отзвучать, и в этот момент молодой человек выбросил вперед руку. Один из жрецов тут же вложил в нее рукоять некоего странной формы клинка, широкое плоское лезвие которого было острым только с одной стороны, а с другой было снабжено зубцами и напоминало крыло дракона. Клинок был небольшим, фута два с половиной, и его лезвие длинным стержнем крепилось к рукояти, украшенной чешуйчатой резьбой и остаточной кросс-гардой. Это оружие было явно предназначено для одной-единственной цели: насквозь прорубать доспехи, а вместе с ними и кости с сухожилиями столь же легко, как если бы им вспарывали кожаный бурдюк.

Юноша поднял страшный клинок, направив его острие к вершине Хелгринда, затем упал на колени и с нечеловеческим воплем рубанул лезвием по своему правому запястью.

Кровь оросила не только алтарь, но и каменистую насыпь вокруг.

Эрагон поморщился и отвел глаза, хотя не слышать пронзительных криков несчастного было невозможно. На поле брани Эрагону доводилось видеть и более страшные ранения, однако было нечто неправильное, уродливое в этом сознательном стремлении искалечить себя, когда и без того бед и увечий хватает даже в повседневной жизни.

Зашуршала жесткая сухая трава – это приподнялся и завозился Роран, сердито бормоча какие-то ругательства, которые заглушала его густая борода.

Пока один из жрецов перевязывал рану юноши – явно останавливая кровотечение с помощью магического заклятья, – второй отвязал от носилок верховного жреца двух рабов и приковал их цепями за щиколотки к железной петле, намертво вделанной в алтарный камень. Затем прислужники извлекли из-под своих одежд многочисленные свертки и сложили их горкой на землю, но на расстоянии, недоступном прикованным рабам.

Обряд подходил к концу; жрецы и их свита покинули Хелгринд и направились в сторону Драс-Леоны, завывая и звоня в колокола. Ставший теперь одноруким, последователь культа, спотыкаясь и пошатываясь, брел следом за носилками Верховного Жреца, и на лице его играла блаженная улыбка.

– Ну что ж... – сказал Эрагон, наконец-то позволяя себе выдохнуть, когда процессия скрылась за дальним холмом.

– Что? – спросил Роран.

– Я побывал и у гномов, и у эльфов, но нигде не видел ничего подобного, хоть сколько-нибудь похожего на те дикие вещи, которые совершают эти люди, точнее, эти человеческие существа!

– По-моему, они такие же чудовища, как и раззаки. – Роран мотнул подбородком в сторону Хелгринда. – А теперь, когда они ушли, можешь ты попробовать узнать, там ли Катрина?

– Сейчас. Но приготовься бежать, если что.

Закрыв глаза, Эрагон медленно направил свои мысли вовне, осторожно перемещая их и как бы ощупывая ими, точно щупальцами, души различных живых существ. Просачиваясь сквозь пространство, как вода сквозь песок, он касался своим мысленным взором перенаселенных городов, созданных насекомыми, суетливых ящериц и спешащих по своим неотложным делам змей, которые моментально прятались среди теплых камней; он проникал в души певчих птиц и бесчисленного множества млекопитающих. Впрочем, насекомые, звери и птицы были чрезвычайно заняты в преддверии близившейся ночи; некоторые уже успели удалиться в свои гнезда и логова, другие же, ведущие ночную жизнь, еще только пробуждались, готовясь к новой охоте или пастыбе.

Способность устанавливать мысленную связь, как и способность чувствовать, естественно уменьшалась с расстоянием, и к тому времени, когда мысленный «щуп» Эрагона добрался до подножия Хелгринда, он уже мог воспринимать только мысли наиболее крупных животных, да и то довольно слабо.

Но он продолжал свой осторожный поиск, готовый в любую минуту прекратить его, если случайно коснется мыслей тех, на кого они с Рораном, собственно, и затеяли охоту: раззаков и их сородичей, этих гигантских летхрблака, служивших раззакам скаковыми лошадьми. Эрагон решился на эту мысленную разведку, обнаруживая тем самым свое присутствие, только потому, что знал: никто из раззаков не способен воспользоваться магией. Эрагон также не верил и в то, что раззаки способны проникать в чужие мысли и использовать это в свою пользу. Впрочем, и раззакам, и летхрблака подобные умения были совершенно ни к чему, ведь одного их зловонного дыхания хватило бы, чтобы заставить оцепенеть даже самого крупного из великанов.

И все же Эрагон, безусловно, рисковал. Однако ему, Рорану и Сапфире просто необходимо было знать, где находится невеста Рорана – Катрина. Скорее всего, раззаки заключили ее в темницу именно в Хелгринде, и, узнав это, они с Рораном сразу поняли, что им делать дальше – попытаться спасти девушку или же поймать кого-то из раззаков и подвергнуть его жестокому допросу.

Эрагон обследовал души живых существ очень долго и очень тщательно, так что, когда он, наконец, вернулся «в себя», Роран смотрел на него, точно голодный волк. В его серых глазах горели гнев, надежда и отчаяние, которое было столь велико, что казалось, он вот-вот взорвется и подожжет все вокруг невообразимо мощным огнем своей души, так что расплавятся даже скалы.

Уж это-то Эрагон понимал отлично.

Отец Катрины, мясник Слоан, некогда предал Рорана, отдав его на растерзание раззакам. Однако раззаки так и не сумели взять Рорана в плен и вместо него увели с собой Катрину. Они взяли ее прямо в спальне и сразу же вместе с нею исчезли из долины Паланкар, оставив там многочисленное войско Гальбаторикса и предоставив ему возможность убивать и брать в рабство жителей Карвахолла. Оказавшись не в состоянии сразу последовать за Катриной, Роран все же сумел – и как раз вовремя! – убедить односельчан покинуть свои дома и последовать за ним через горы Спайна, а затем на юг, вдоль побережья Алагейзии, туда, где они воссоедини-

лись с войсками варденов. Во время этого долгого путешествия жителям Карвахолла довелось претерпеть немало страшных бед и тягот. Однако, как ни крути, а исход их странствий был благополучен; к тому же Роран воссоединился с Эрагоном, который знал, где находится логово раззаков, и пообещал брату помощь в спасении Катрины.

Успех сопутствовал Рорану только потому, как сам он признавался впоследствии, что сила любви заставила его делать такие вещи, которых опасались и избегали другие;

только благодаря своей любви он и одержал верх над врагами.

Сходное чувство владело теперь и Эрагоном.

Он, не задумываясь о собственной безопасности, готов был ринуться навстречу любой беде, если она грозила кому-то из близких ему людей. Рорана он любил, как родного брата; а поскольку Катрина была возлюбленной и невестой Рорана, то и она была дорога Эрагону, он и ее считал членом своей семьи. Такое отношение к семье было тем более важно, что Эрагон и Роран оказались последними в своем роду. Эрагон отрекся от Муртага, своего сводного брата по матери, так что они с Рораном были теперь единственными родными друг другу людьми. Ну, и еще Катрина.

Благородные чувства были не единственной силой, двигавшей братьями. Была у них и еще одна цель: *отомстить*! Даже стремясь вырвать Катрину из лап раззаков, они оба – простой смертный и могущественный Всадник – одинаково сильно хотели уничтожить сверхъестественных слуг короля Гальбаторикса и отомстить правителю Империи за убийство Гэрроу, отца Рорана и дядю Эрагона, которому он тоже полностью заменил отца.

По всем этим причинам та мысленная разведка, которую осуществлял сейчас Эрагон, и была столь важна для обоих братьев.

– По-моему, я ее чувствую, – сказал наконец Эрагон. – Но все же не уверен – уж больно мы далеко от Хелгринда, да и я никогда прежде не вступал с нею в мысленную связь. И все-таки мне кажется, что она там, в этом проклятом замке или храме; причем, по-моему, прячут ее где-то ближе к вершине этой чертовой скалы.

– Она здорова? Не ранена? Черт побери, Эрагон, ничего не скрывай от меня! Они ее мучили?

– Нет, в данный момент от боли она не страдает... А больше я пока ничего не могу сказать; мне и так потребовалось слишком много сил, чтобы уловить хотя бы слабый отблеск ее сознания. Я не могу на таком расстоянии мысленно разговаривать с нею. – Эрагон не стал говорить Рорану, что заметил рядом с Катриной и еще кое-кого, чье присутствие чрезвычайно его встревожило. – Но вот кого я совсем там не обнаружил, так это раззаков и этих мерзких летучих мышей, летхрблака! Уж если я каким-то образом и умудрился проглядеть самих раззаков, то уж их родичи настолько велики, что их жизненная сила должна была бы сверкать, как тысяча светильников, как это происходит, например, у Сапфиры. Но кроме светлого разума Катрины и еще нескольких довольно туманных вспышек света, Хелгринд полностью погружен во тьму, он черен, черен, черен!

Роран нахмурился, стиснул левую руку в кулак и гневно погрозил гигантской скале, постепенно таявшей в сумерках по мере того, как на небе гасли пурпурные отблески заката. Затем тихим и ровным голосом, словно разговаривая с самим собой, он сказал:

– Это неважно, прав ты или ошибаешься.

– Вот как? А почему?

– Сегодня мы атаковать уже не осмелимся; ночью раззаки сильнее всего, и, если они действительно где-то поблизости, было бы глупо сражаться с ними в столь невыгодных для нас условиях. Согласен?

– Да.

– Значит, подождем рассвета. – И Роран указал Эрагону на рабов, прикованных к алтарю. – Если эти несчастные к этому времени исчезнут, станет ясно, что раззаки приходили

за ними, а стало быть, нам надо действовать согласно нашему плану. Если же рабы останутся на месте, нам придется, проклиная свое невезенье, смириться с тем, что раззаки исчезли, снова удрав от нас. Потом мы освободим этих рабов, вытащим из Хелгринда Катрину и полетим назад, к варденам, пока Муртаг снова не начал на нас охоту и не прижал к земле. Но я в любом случае сомневаюсь, что Катрину надолго оставят без призора, особенно если Гальбаторикс требует сохранить ей жизнь, чтобы впоследствии ее можно было использовать как приманку для меня или для тебя.

Эрагон кивнул. Ему, правда, хотелось освободить несчастных рабов прямо сейчас, но он понимал: в таком случае противник сразу догадается, что у алтаря кое-чего не хватает. Кроме того, он не сомневался, что если раззаки все-таки явятся за своим ужином, то они с Сапфирой успеют вмешаться и не дадут мерзким тварям утащить этих людей.

Сражение в открытую между драконом и такими чудовищами, как эти летхрблаки, разумеется, привлечет внимание любого на много лиг вокруг, и вряд ли, думал Эрагон, нам с Сапфирой или Рораном удастся выжить, если Гальбаториксу станет известно, что мы без поддержки варденов проникли в его Империю.

Он отвернулся, стараясь не смотреть в сторону прикованных к священному камню рабов. Ради их же блага, думал он, пусть раззаки сейчас окажутся по другую сторону Алагейзии! Или, по крайней мере, пусть им сегодня не захочется есть!

Не говоря друг другу ни слова, Эрагон и Роран, как по команде, поползли назад, спускаясь с вершины того холма, где прятались. У подножия они встали на четвереньки и, по-прежнему не поднимая головы, бросились бежать между двумя рядами холмов, пока лощина, по которой они бежали, постепенно не превратилась в узкое, прорытое горным потоком ущелье с глинистыми берегами.

Прячась за узловатыми кустиками можжевельника, торчавшими на склонах ущелья, Эрагон осторожно поднял голову и посмотрел вверх сквозь колючие ветки. На бархатно-синем небе зажигались первые звезды, которые показались ему холодными и острыми, точно льдинки. Затем после короткой передышки они с Рораном, стараясь не поскользнуться на влажной земле и не упасть, рысцой поспешили к разбитому ими лагерю.

У лагерного костра

Небольшая кучка тлеющих углей вздрагивала, точно бьющееся сердце огромного зверя. Время от времени над костром взлетала стайка золотистых искр, освещая лес вокруг и вновь исчезая в раскаленном нутре догорающего костра.

В неярких красноватых отблесках возникали то клочок каменистой земли, то свинцового оттенка куст можжевельника, а потом все снова тонуло во мраке.

Эрагон сидел, грея босые ноги у костра и с наслаждением опершись о мощную теплую лапу Сапфиры, покрытую жесткой чешуей. Роран сидел, как на насесте, на огромном пустотелом, выбеленном солнцем и ставшем твердым как камень стволе какого-то древнего дерева. Каждый раз, стоило ему шевельнуться, ствол издавал такой противный скрип, что Эрагону хотелось уши заткнуть.

Какое-то время в ложине царили тишина и спокойствие. Даже угли перестали потрескивать и тлели молча; Роран собрал для костра только старые сухие ветки, чтобы дымного хвоста не заметили недруги или просто излишне любопытные.

Эрагон только что закончил рассказывать Сапфире о событиях минувшего дня. Обычно ему это никогда не требовалось, ибо обмен мыслями и ощущениями происходил у них, как обмен слоями воды в пределах берегов одного и того же озера. Но в данном конкретном случае это оказалось необходимым, потому что Эрагон, совершая мысленную разведку близ Хелгринда и в самом логове раззаков, тщательно закрыл свою душу от любого проникновения.

После довольно продолжительной паузы Сапфира зевнула, демонстрируя ряды устрашающе острых клыков, и заметила:

«Возможно, эти раззаки – существа действительно очень жестокие и злобные, но куда сильнее меня впечатляет их способность заколдовать свою добычу настолько, что люди сами хотят, чтобы их съели. Они великие охотники, раз умеют это делать... Возможно, и я когда-нибудь попробую так действовать».

«Только не с людьми. Пробуй, например, на овцах», – сказал Эрагон.

«Люди, овцы – какая разница?» – И Сапфира рассмеялась своим глубоким горловым смехом – казалось, по ее длинной шее точно гром прокатился.

Чуть отклонившись вперед, чтобы во время этого приступа смеха острые чешуи Сапфиры не впивались ему в спину, Эрагон поднял свой посох, лежавший рядом на земле, и стал крутить его в ладонях, любуясь игрой света на переплетении корней, превращенном в набалдашник, на металлическом ободке и остром шипе в нижнем конце посоха.

Роран сунул ему в руки этот посох, сделанный из боярышника, перед их отлетом из лагеря варденов и сказал:

– Вот, держи. Это Фиск мне вырезал, когда раззак меня в плечо укусил. Я знаю, ты потерял свой меч, так, может, хоть этот посох тебе пригодится... Если ты захочешь раздобыть себе другой клинок, это само собой хорошо, но я точно знаю: нет ничего лучше, чем в разгар боя как следует врезать противнику крепкой, хорошей дубинкой.

И Эрагон, вспомнив о посохе, с которым Бром никогда не расставался, решил отказаться от нового меча в пользу этой узловатой, но необычайно крепкой деревяшки. Утратив Заррок, он пока не испытывал желания обзаводиться другим, заведомо менее могущественным мечом. В первую же ночь он с помощью нескольких заклинаний укрепил и свой посох из боярышника, и рукоять молота, которым был вооружен Роран, чтобы предохранить их оружие от любых повреждений, так что сломаться молот и посох теперь могли разве что при самых невероятных обстоятельствах.

Вихрь мыслей и видений, точно сорвавшись с поводка, пронёсился в мозгу Эрагона: хмурое оранжево-алое небо, которое водоворотом вращалось вокруг него, когда Сапфира ныряла, преследуя Всадника на красном драконе, а ветер так и свистел в ушах, и пальцы немели, сжимаемая рукоять меча, со звоном ударявшего по лезвию другого меча, когда он уже на земле рубился с тем Всадником... А потом он сорвал с него шлем и увидел лицо своего бывшего друга, своего верного спутника Муртага, которого считал мертвым... Ему никогда не забыть, какая усмешка играла на губах Муртага, когда он отобрал у него меч Заррок и заявил, что этот красный меч по праву наследования принадлежит ему, поскольку именно он – старший из них, двух родных братьев...

Эрагон растерянно заморгал, не сразу осознав, где находится; в ушах его все еще звучал яростный шум той схватки, в ноздрях чувствовался страшный запах крови, слегка заглушенный ароматом горящих в костре можжевельных веток. Эрагон даже языком по зубам провел, чтобы избавиться от противного привкуса крови во рту.

Муртаг!

Одно это имя вызывало целую бурю чувств в душе Эрагона. С одной стороны, он действительно полюбил Муртага. Ведь это Муртаг спас их с Сапфирой от раззаксов после того, самого первого и столь неудачного посещения Драс-Леоны; Муртаг рисковал своей жизнью, помогая Эрагону бежать из тюрьмы в Гиллиде, и в высшей степени достойно вел себя во время битвы при Фартхен Дуре; да и потом, несмотря на все мучения, которым его, несомненно, подвергли в Урубаене, он предпочел так интерпретировать приказы Гальбаторикса, что в итоге отпустил Эрагона и Сапфиру после сражения на Пылающих Равнинах, а не взял их в плен. Эрагон понимал: вины Муртага нет в том, что Двойники обманом увели его с собой; что красный дракон Торн, вылупившись из яйца, избрал его своим Всадником; что Гальбаториксу стали известны его и Торна истинные имена, и он использовал их, чтобы вынудить обоих присягнуть ему на верность, причем дать клятву на языке древних.

Нет, ничто из этого не могло быть поставлено Муртагу в вину. Просто он – жертва судьбы, он стал ее жертвой с того дня, как появился на свет.

И все же... Муртаг, может, и служил Гальбаториксу против своей воли, может, он и избегал тех жестокостей, которые заставлял его совершать этот злобный правитель, но какая-то часть его души все же явно стремилась удержать обретенную им власть и могущество. Ведь во время недавнего сражения между варденами и имперскими войсками на Пылающих Равнинах Муртаг сам выбрал себе жертву – короля гномов Хротгара и сам убил его, хотя Гальбаторикс ему такого приказа не давал. Да, он отпустил Эрагона и Сапфиру, но лишь после того, как одержал над ними победу в жестокой схватке, после того, как заставил Эрагона молить его о свободе.

Но самое большое удовольствие Муртаг, безусловно, получил, увидев, как сильно он опечалил Эрагона, сообщив ему, что оба они – сыновья Морзана, первого и последнего из тринадцати Проклятых Всадников, которые предали своих братьев по ордену и выдали их Гальбаториксу.

И теперь, через четыре дня после того сражения, у Эрагона возникло иное объяснение случившемуся: а что, если Муртагу доставляет наслаждение видеть, как кто-то еще взваливает на плечи ту же страшную ношу, какую и ему пришлось носить всю свою жизнь?

Эрагон не был полностью уверен в своей правоте, но подозревал, что Муртаг все же с радостью принял свою новую роль; так, пес, которого то и дело беспричинно секли, в один прекрасный день бросается на своего хозяина. Муртага секли без конца, и теперь у него возникла реальная возможность нанести ответный удар тому миру, который был к нему так жесток, который уделил ему столь ничтожно мало доброты.

И все же независимо от того, сколько добрых чувств еще жило в сердце Муртага, отныне они с Эрагоном приговорены быть смертельными врагами, ибо клятва, данная Муртагом на языке древних, навечно связала его с Гальбаториксом нерушимыми узами.

Ах, если б тогда Муртаг не ринулся вместе с Аджихадам в подземные туннели Фартхен Дура! Ах, если б сам я оказался чуточку проворнее и опередил этих проклятых Двойников! – думал Эрагон.

«Эрагон!» – услышал он мысленный призыв Сапфиры.

Он взял себя в руки и кивнул, благодаря ее за то, что она прервала его мрачные размышления. Он очень старался поменьше не думать о Муртаге и о том, что у них, возможно, общие родители, однако подобные мысли частенько настигали его и именно в тот момент, когда он меньше этого ожидал.

Стараясь дышать медленно и размеренно, Эрагон постарался сосредоточиться на том, что происходит в настоящий момент, но не смог.

Наутро после той страшной битвы на Пылающих Равнинах – когда вардены занимались перегруппировкой своих рядов и готовились преследовать имперскую армию, которая уже отступила на несколько лиг вверх по течению реки Джиет, – Эрагон отправился к Насуаде, рассказал ей и Арье о том, в какое затруднительное положение попал Роран, и попросил разрешения помочь своему двоюродному брату. Но потерпел неудачу. Обе женщины яростно этому воспротивились, а Насуада даже заявила, что «подобный заячий план в случае неудачи будет иметь катастрофические последствия для всей Алагейзии!»

Их спор затянулся, и в итоге пришлось вмешаться Сапфире, которая, издав такой рев, что содрогнулись стенки командного шатра, сердито сказала:

«Я ранена, я устала, а Эрагон тут изливает перед вами душу, причем крайне неумело. Неужели нельзя объясниться более разумным способом, а не орать друг на друга, точно стая галок? Не умеете? Ну, тогда послушайте меня».

Да уж, подумал тогда Эрагон, трудно спорить с драконом.

Речь Сапфиры также показалась ему весьма запутанной и сложной, отягощенной массой ненужных подробностей, однако суть ее сводилась к вполне ясным вещам. Сапфира дала понять, что поддерживает Эрагона, потому что понимает, как много для него значит то, что он предлагает, а сам Эрагон поддерживал Рорана, потому что любит его и считает его своим братом, а также потому, что знает: Роран все равно последует за Катриной. Однако же совершенно ясно и Эрагону, и ей, Сапфире, что в одиночку Рорану никогда с раззаками не справиться. Кроме того, пока Катрина находится в плену, Роран – а значит, и Эрагон, – чрезвычайно уязвимы для всевозможных манипуляций со стороны Гальбаторикса. Например, если Гальбаторикс пригрозит, что убьет Катрину, Роран, безусловно, подчинится любым его требованиям, ибо у него не будет иного выхода.

Таким образом, сказала Сапфира, лучше все-таки заткнуть подобную брешь, прежде чем ею успеют воспользоваться враги.

Что же касается временных обстоятельств, то все вполне удачно. Ни Гальбаторикс, ни раззаки не ожидают нападения в самом центре Империи, поскольку вардены сражаются с армией Гальбаторикса на юге, близ границы с Сурдой. Муртага и Торна видели летящими в направлении Урубаена – там их, несомненно, подвергнут суровому наказанию и, скорее всего – с этим согласились и Насуада с Арьей, – впоследствии Гальбаторикс направит их на север, дабы они сразились там с королевой Имиладрис и ее войском, как только эльфы нанесут первый удар и тем самым обнаружат свое присутствие. Кроме того, было бы очень неплохо как-то обезвредить раззаков, пока те не начали вновь терроризировать варденов, полностью лишая самообладания многих из них.

Затем Сапфира указала, причем в самых дипломатичных выражениях, что, если Насуада предъявит свои права сюзерена и запретит Эрагону участвовать в этой вылазке против раззавков, это может отравить их дальнейшие взаимоотношения разногласиями и затаенной враждой, что весьма пагубно скажется на достижении варденами их конечной цели.

«Но, – сказала под конец Сапфира, – выбор, разумеется, за тобой, Насуада. Если ты так уж хочешь, то можешь заставить Эрагона остаться здесь. А я, поскольку обязанности Эрагона особенно меня не касаются, все же решила, что последую за Рораном. По-моему, это будет отличное приключение».

Слабая улыбка тронула губы Эрагона, когда он вспомнил эту сцену.

Доводы Сапфиры и ее нерушимая логика убедили Насуаду и Арью дать Эрагону разрешение последовать за Рораном в Хелгринд, хоть они и высказали массу неудовольствия по этому поводу.

Впрочем, последние слова Насуады несколько озадачили Эрагона: «Мы решили довериться вашим суждениям, Эрагон и Сапфира. Но ради успеха вашего и нашего дела мне бы очень хотелось, чтобы все прошло удачно, и я очень на это надеюсь». Но сказала она это таким тоном, что Эрагон остался в неуверенности, чего в ее словах больше: искреннего пожелания им успеха или некоей скрытой угрозы.

Конец того дня Эрагон провел за сборами в путь, заготовляя дорожные припасы и вместе с Сапфирой изучая карты Империи. Он также подумал и о том, какие заклинания могут ему понадобиться, чтобы не дать Гальбаториксу и его приспешникам отследить действия Рорана в магическом кристалле.

Наутро Эрагон и Роран сели Сапфире на спину, и она сразу взлетела выше оранжевых облаков, что тянулись над Пылающими Равнинами к северо-востоку. Она без передышки летела весь день, а когда солнце пересекло небосклон и исчезло за горизонтом, отдыхать не стала, а снова бросилась вперед, сверкая чешуей в последних красноватых отблесках заката.

Первый этап их путешествия завершился на границе Империи. В этих местах обитало крайне мало людей, и они незаметно повернули там на запад, к Драс-Леоне и Хелгринду. Но с тех пор летели только ночью, дабы избежать невольного внимания жителей мелких деревень, разбросанных по бескрайним заросшим травой равнинам, что расстилались на их пути к конечной цели.

Эрагону и Рорану приходилось кутаться в меховые плащи и прятать руки в шерстяные перчатки, ибо Сапфира предпочитала лететь выше самых высоких горных вершин, покрытых вечными льдами, и воздух там был невероятно холодным и разреженным, он прямо-таки застревал по пути в легкие, но делать было нечего. Иначе любой фермер, вышедший посмотреть на приболевшего жеребенка, любой остроглазый стражник или любопытный ночной сторож могли случайно взглянуть вверх и заметить летящего в небесах дракона, хотя Эрагону казалось, что с земли Сапфиру, летевшую на такой высоте, можно было бы принять разве что за орла.

И повсюду Эрагон видел свидетельства продолжающейся войны: армейские лагеря, скопления повозок с провизией и оружием, отряды людей в железных ошейниках, которых гнали из родных селений сражаться за Гальбаторикса. То, какие невероятные средства были задействованы в этой войне против варденов, поистине приводило его в трепет.

Под конец второй ночи вдаль показался Хелгринд; его покрытые трещинами колонны выглядели особенно грозными в пепельных предрассветных сумерках. Сапфира приземлилась в низине, где они и устроили лагерь. Почти весь следующий день они проспали, а уж потом приступили к разведывательным действиям.

Янтарные и красные искры взвились снопом и закружились в воздухе, когда Роран подбросил в затухающий костер очередную валежину. Поймав взгляд Эрагона, он только пожал плечами:

– Холодно.

Ответить Эрагон не успел, услышав легкий свистящий звук: с таким звуком вынимают из ножен меч.

Он не стал раздумывать и бросился в противоположном направлении, перекатился через голову, встал на четвереньки и поднял свой крепкий посох из боярышника, чтобы отразить удар. Роран проявил не меньшую прыть. Он успел схватить свой щит, скатился с бревна, на котором сидел, и вытащил из-за пояса молот – и все это в считанные секунды.

Оба замерли, ожидая нападения.

Сердце Эрагона бешено стучало в груди, мышцы были так напряжены, что дрожали, когда он всматривался во тьму, надеясь заметить хоть малейшие признаки движения.

«Я ничего не чувствую», – сообщила ему Сапфира.

Несколько минут прошли без каких-либо последствий, и Эрагон, мысленно обследовав близлежащую территорию, пробормотал изумленно:

– Никого! – Затем, проникнув в те глубины своей души, где происходило его соприкосновение с магией, он воскликнул: – Брисингр раудхр! – И неяркий красноватый волшебный огонек, вспыхнув в нескольких футах от него, повис над землей на уровне глаз, освещая низину своим зыбким светом. Эрагон чуть шевельнулся, и огонек в точности повторил его движения, словно связанный с ним невидимыми нитями.

Вместе с Рораном он двинулся туда, откуда донесся тот подозрительный звук. Ущелье там сворачивало к востоку, и они передвигались очень осторожно, держа в руках оружие и то и дело останавливаясь, готовые в любой момент перейти к обороне. Примерно через десять ярдов Роран поднял руку, призывая Эрагона остановиться, и указал на грубую глиняную тарелку, лежавшую на траве. Тарелка казалась здесь совершенно и подозрительно неуместной. Опустившись на колени, Роран потер по ее поверхности кусочком глины, и они услышали тот же свистящий звук, что и в первый раз.

– Ее, должно быть, уронил кто-то из тех, что делали приношения у алтаря, – сказал Эрагон, изучая стены ущелья. И погасил волшебный огонек.

Роран кивнул и встал, отряхивая колени.

Направляясь назад, к Сапфире, Эрагон размышлял над тем, с какой скоростью они отреагировали на случившееся. Сердце его по-прежнему билось с болезненным напряжением, руки дрожали, и он все еще готов был в случае чего сорваться с места и, ринувшись неведомо куда, пробежать без остановки несколько миль. Раньше мы бы никогда не стали так дергаться, думал он. Причина столь невероятной нервозности была, впрочем, самой обычной: каждое из сражений отщипывало по кусочку от их умения владеть собой, постепенно оголяло их нервы, и при малейшем волнении оба они реагировали чересчур остро.

Рорана, должно быть, терзали похожие мысли, потому что он спросил:

– Ты их видишь?

– Кого?

– Тех людей, которых когда-то убил? Они приходят к тебе во сне?

– Иногда.

В неровном свете почти погасшего костра грубоватое лицо Рорана казалось несколько зловещим из-за густых теней, что пролегли у него в углах губ, на лбу и под глазами, прикрытыми полуопущенными веками. Он вдруг промолвил – медленно, словно с трудом:

– А я никогда не хотел быть воином! Я, конечно, мечтал о кровавых сражениях и воинской славе, когда был мальчишкой, но единственное, что было для меня важно даже тогда, это земля. Наша земля и наша семья... А теперь я убил уже... Я убивал, убивал, убивал... А ты, наверное, и еще больше! – Взгляд его устремился куда-то вдаль, словно он увидел там нечто такое, чего не дано видеть более никому. – Вот, например, те двое из Нарды... Я ведь тебе рассказывал?

Он рассказывал, но Эрагон, желая дать ему выговориться, лишь молча покачал головой.

– Это были стражники. Они стояли у главных городских ворот... Вдвоем, как всегда. И у того, что стоял справа, были совершенно седые волосы. Я хорошо его запомнил, потому что он был еще совсем молод, никак не больше двадцати четырех или двадцати пяти лет. Они были в форме армии Гальбаторикса, но, судя по выговору, родились оба в Нарде. И явно не были настоящими воинами. Скорее всего, они просто решили защитить свой город и свои дома от ургалов, пиратов, бандитов... За это их даже пальцем тронуть было нельзя! Клянусь, Эрагон, мы и не собирались никого убивать! Однако в тот момент у меня не было выбора. Меня разыскивали, а эти стражники меня узнали. И я воткнул этому седому в горло кинжал. Прямо под подбородок... Так отец свиней у нас на ферме забивал. А второму я расколол череп. И до сих пор чувствую, как хрустнули его кости... Знаешь, я помню каждый нанесенный мною удар – с тех пор, как солдаты Гальбаторикса явились в Карвахолл, и до сражения на Пылающих Равнинах... Порой я закрываю глаза, но не могу уснуть: передо мной стоит тот пожар, который мы устроили в доках Тирма. Боги, как ярко горит этот огонь в моей памяти! В такие минуты мне кажется, что я схожу с ума.

Эрагон вдруг заметил, что с такой силой стиснул набалдашник посоха, что у него костяшки пальцев побелели, а на запястьях вздулись вены.

– О да, – сказал он, помолчав, – сперва это были просто ургалы, затем – люди и ургалы, а теперь, во время той последней битвы... Я, конечно, понимаю, что наше дело правое, но быть правым совсем не легко. Из-за той роли, которую мы с Сапфирой призваны играть, вардены требуют, чтобы мы всегда были в первых рядах и уничтожали врага отряд за отрядом. И мы уничтожали. Уничтожаем... – Голос у него сорвался, и он умолк.

«Беспорядки и гибель людей – это спутники любых великих перемен, – сказала Сапфира им обоим. – Именно нам выпало на долю столько испытаний, ибо мы являемся провозвестниками этих самых перемен. Я, конечно, не человек, а дракон, а потому не жалею о гибели тех, кто подвергает нас опасности. Убийство тех стражников в воротах Нарды, возможно, и не достойно восхищения, однако за этот поступок не стоит чувствовать особой вины. Ты, Роран, был просто вынужден так поступить. А когда тебе приходится сражаться с врагом, разве ты не чувствуешь крыльев у себя за спиной? Разве не упиваешься свирепой радостью боя? Разве тебе неведом восторг победы над достойным противником и чувство удовлетворения, когда перед тобой растет гряда тел тех, кто хотел убить тебя и твоих товарищей? Ты, Эрагон, уже испытал все эти чувства. Помоги же мне объяснить твоему брату, что это не так уж плохо».

Эрагон молчал, глядя на светящиеся красным угли. Сапфира сказала чистую правду, но сам он не решался это признать и уже менее всего был готов согласиться с тем, что насилием можно и наслаждаться; ему казалось, что тогда он стал бы презирать самого себя. А потому он молчал. И сидевший напротив него Роран, похоже, испытывал те же чувства.

И Сапфира куда более мягким тоном сказала им обоим:

«Не сердитесь. Я не хотела ни огорчить вас, ни обидеть. Я порой забываю, что вам все еще непривычны, да и изначально несвойственны подобные чувства, тогда как мне самой пришлось сражаться за собственную жизнь, пуская в ход и клыки, и когти, с того самого дня, как я вылупилась из яйца».

Эрагон встал и подошел к сложенным на земле седельным сумкам. Порывшись в одной из них, он вытащил маленький глиняный кувшинчик, подаренный ему Ориком перед расставанием, и сделал пару добрых глотков медового напитка. Ему сразу же стало теплее и спокойнее на душе, и он передал кувшинчик Рорану, который тоже отпил немного.

Когда волшебному напитку удалось немного развеять его мрачное настроение, Эрагон сказал, обращаясь одновременно и к Рорану, и к Сапфире:

– Завтра у нас могут возникнуть серьезные проблемы.

- Что ты имеешь в виду? – насторожился Роран.
- Помнишь, как я сказал, что мы с Сапфирой довольно легко можем справиться с раззаками?
- Конечно.
- «И мы действительно можем», – подтвердила Сапфира.
- Ну, так вот, я все думал об этом, пока мы шпионили поблизости от Хелгринда, и должен сказать, что больше уже в этом не уверен. Существует поистине неисчислимое количество способов использования магии. Например, если мне захочется разжечь огонь, я могу сделать это с помощью того тепла, которое отберу у воздуха или земли; я могу создать пламя из чистой энергии; я могу вызвать молнию; я могу собрать в пучок солнечные лучи и направить их в одну точку; я могу добыть огонь трением; я могу... Ну и так далее.
- И что?
- А то, что, хоть я и могу придумать множество различных заклинаний, чтобы осуществить задуманное, но для того, чтобы мне воспрепятствовать, требуется всего лишь единственное запрещающее заклятье. Если помешать осуществлению самого действия, уже не нужно придумывать заклятья, способные противодействовать каждому из произнесенных мною заклинаний по отдельности.
- Я все еще не понимаю, какое это имеет отношение к завтрашнему дню.
- «А я понимаю, – сказала Сапфира так, чтобы ее „слышали“ оба брата. И тут же пояснила: – Это означает, что в течение последних ста лет Гальбаторикс...»
- Вполне мог защитить раззаков особыми охраняющими чарами...
- «Которые способны воспрепятствовать воздействию...»
- Самых разных магических заклятий. Так что мне, возможно, не удастся...
- «Уничтожить раззаков ни одним из...»
- Тех смертоносных заклинаний, которым меня обучили Бром и эльфы, и ни один из известных нам приемов боя...
- «Может оказаться против них непригодным. И возможно...»
- Нам придется...
- Хватит! – воскликнул Роран. Лицо его исказила даже не улыбка, а болезненная гримаса. – Пожалуйста, прекратите! У меня просто голова раскалывается, когда вы начинаете вот так говорить.
- Эрагон умолк. Он даже рот открыл от удивления; ведь до этого момента он даже не подозревал, что они с Сапфирой говорят по очереди, подхватывая мысль друг друга, но один вслух, а другая мысленно. Это его даже обрадовало: значит, они достигли некоей новой общности и теперь действуют как единое целое, что, безусловно, делает их обоих намного сильнее. Его, впрочем, несколько встревожила мысль о том, как подобное партнерство должно по природе своей умалять личные достоинства каждого из сообщников, но он отогнал эту мысль, усмехнулся и сказал Рорану:
- Извини, я об этом не подумал. В общем, тревожит меня вот что: если у Гальбаторикса хватило ума и прозорливости принять определенные меры предосторожности, тогда уничтожить раззаков можно будет только с помощью большого войска. Если это так...
- То завтра я вам буду только помехой.
- Глупости. Ты, возможно, действуешь медленнее, чем раззаки, но у меня нет сомнений, что эти твари очень даже опасаются твоего оружия, Роран Молотобоец. – Похоже, эта похвала была Рорану приятна, и Эрагон продолжил: – Самая большая опасность для тебя заключается в том, что раззаки или их «летучие мыши», эти летхрблака, попытаются отделить тебя от нас с Сапфирой. Так что, чем ближе мы будем держаться друг к другу, тем для всех нас безопаснее.

Мы с Сапфирой постараемся не давать этим чудовищам скучать, однако кое-кто из них может все же проскользнуть мимо нас незамеченным. Четверо против двоих – соотношение неплохое, но когда ты самходишь в ту четверку.

А Сапфире Эрагон мысленно сказал:

«Если бы у меня был меч, то, не сомневаюсь, я и сам смог бы уничтожать раззаков, но, боюсь, одного посоха будет недостаточно, чтобы одолеть двух тварей, которые к тому же быстры, как эльфы».

«Но ведь ты сам настоял на том, чтобы использовать вместо настоящего оружия эту сухую палку, – сказала Сапфира. – Помнишь, я предупреждала тебя, что этого мало для сражения с раззаками?»

Эрагон нехотя согласился, заметив уныло:

«А если еще и мои заклятья нас подведут, если мы окажемся более уязвимыми, чем я рассчитывал... В общем, тогда завтрашний день и вовсе может закончиться очень плохо».

А Роран, не слышавший этого обмена мнениями, решил возобновить то направление разговора, которое занимало его более всего:

– Эта ваша магия – вещь коварная, насколько я понимаю. – При этих словах Рорана бревно, на котором он сидел, издало жуткий стон.

– Да уж, – согласился Эрагон. – И самое трудное – предвосхитить те заклинания, которые могут быть направлены против тебя; так что я большую часть времени решаю вопрос, как мне себя защитить, если я буду атакован так-то и так-то, и не окажется ли, что мой враг только и ожидает от меня того или иного поступка.

– А ты мог бы и меня сделать столь же сильным и быстрым, как ты сам?

Эрагон несколько минут размышлял над подобной возможностью, прежде чем ответить:

– Нет, я не представляю, как это сделать. Наверное, магическая энергия, необходимая для подобного превращения, должна быть взята из какого-то другого, неведомого нам источника. Мы с Сапфирой, конечно, могли бы дать ее тебе, но тогда мы сами утратим ровно столько же сил, сколько обретешь ты. – Эрагон не стал даже упоминать о том, что можно извлекать энергию также из находящихся поблизости растений и животных, хотя цена за это будет поистине ужасной, ведь за повышение собственных возможностей ты заплатишь смертью братьев своих меньших.

Однако подобные магические приемы хранились в строжайшей тайне, и Эрагон понимал, что не имеет права так легко ее раскрывать даже брату. Может быть, ее и вообще никому не следовало бы раскрывать. Да и ни к чему были бы Рорану эти ценнейшие сведения, ведь все равно на горе Хелгринд почти не было растительности и живых существ, которые могли бы послужить дополнительным источником магической энергии.

– Ну хорошо, а не мог бы ты обучить меня пользоваться магией? – И, заметив, что Эрагон явно колеблется, Роран поспешно прибавил: – Не сейчас, конечно. Сейчас на это времени нет, да я и так понимаю, что за один день магом не станешь. Но, в общем-то, почему бы и нет? Мы с тобой все-таки родственники. У нас немало общей крови. А уж какая для меня была бы польза, если б и я овладел таким замечательным искусством!

– Но я просто не знаю, можно ли просто человека – не Всадника! – научить пользоваться магией, – признался Эрагон. – Меня этому не учили. – Оглядевшись, он подобрал с земли округлый плоский камешек и бросил его Рорану, который ловко его поймал. – Вот, попробуй: сосредоточься и попытайся мысленно заставить этот камешек приподняться над землей хотя бы на фут, а потом скажи: «Стенр рейза».

– Стенр рейза?

– Вот именно. Это значит: «Камень, поднимись!»

Роран, нахмурившись, уставился на камень, лежавший у него на ладони; его напряженная поза очень напоминала Эрагону те уроки магии, которые давал ему беспощадный Бром, и душу его охватила тоска по тем счастливым дням. Брови Рорана совсем сдвинулись, губы открылись в некоем подобии оскала, и он так прорычал: «Стенр рейза!», что Эрагону показалось, что камень сейчас улетит неведомо куда.

Однако ничего не произошло.

Еще сильнее сдвинув брови, Роран повторил команду: «Стенр рейза!»

Но камень даже не шевельнулся.

– Ну ладно, – сказал Эрагон, – ты попробуй, не оставляй попыток. Это единственный совет, который я могу тебе дать. Однако, – и тут он поднял вверх палец, – если тебе вдруг это удастся, то сразу же иди ко мне или, если меня поблизости не окажется, к любому другому магу. Ты запросто можешь убить и себя, и других, если станешь экспериментировать с магией, не понимая ее законов. И в первую очередь запомни вот что: если ты произнесешь заклинание, которое потребует слишком много энергии, но не сумеешь вовремя остановить его действие, то неизбежно погибнешь. Не берись за такие дела, которые тебе не по плечу! Не пытайся, например, вернуть назад мертвых или что-то переделать в природе.

Роран кивнул, по-прежнему не сводя глаз с камня.

– Кстати, помимо магии, есть и нечто куда более важное, чему тебе надо поскорее научиться. Я только что это понял, – сказал Эрагон.

– Вот как?

– Да. Тебе совершенно необходимо научиться скрывать свои мысли от Черной Руки, от Дю Врангр Гата и от им подобных колдунов. Тебе теперь известно очень много таких вещей, которые могут повредить и варденам, и нам с Сапфирой. В общем, я решил: сразу же после нашего возвращения тебе просто жизненно необходимо овладеть подобным умением. Пока ты не научишься защищать свои мысли от всевозможных шпионов, владеющих магией, ни Насуада, ни я, ни кто-либо другой не смогут полностью доверять тебе, а значит, не смогут и делиться с тобой теми сведениями, которые могут оказаться на руку нашим врагам.

– Да, я понимаю. Но почему ты включил в этот список и Дю Врангр Гата? Они ведь служат тебе и Насуаде.

– Служат, да, но даже среди наших союзников есть немало таких, кто отдал бы свою правую руку... – Эрагон поморщился, уж больно эта фраза соответствовала сегодняшней действительности, – чтобы вызнать наши тайные планы. И твои тоже, не сомневайся. Ты теперь не просто человек, Роран, ты стал известной личностью. Отчасти благодаря твоим подвигам, отчасти из-за нашего с тобой родства.

– Я знаю. Это очень странно, когда тебя узнают люди, с которыми ты никогда даже не встречался.

– Вот именно. – Еще немало связанных с этим соображений вертелось у Эрагона на языке, однако он подавил в себе желание развивать далее эту тему, решив отложить подобные разговоры на потом. – Теперь, когда ты знаешь, что такое мысленное соприкосновение разумов, ты, возможно, сможешь и научиться уходить от подобного соприкосновения, а потом потихоньку и сам сумеешь читать чужие мысли.

– Я совсем не уверен, что хотел бы обрести подобную способность.

– Это уже другой вопрос; кроме того, ты еще, вполне возможно, и не сможешь этому научиться. Но так или иначе, прежде чем ты станешь тратить время на выяснение этого, сначала ты должен научиться защищать себя от подобного проникновения в твои мысли.

Роран удивленно приподнял бровь:

– Но как?

– Выбери себе что-нибудь – какой-нибудь звук, мелодию, образ, ощущение, все что угодно, – и позволь этому как бы «распухнуть» у тебя в голове, пусть оно займет все ее внутреннее пространство, вытеснив все прочие мысли.

– И это все?

– Это совсем не так просто, как тебе кажется. Давай, попробуй. Когда будешь готов, дай мне знать, и мы посмотрим, что тебе удалось.

Прошло несколько минут. Затем, повинувшись движению пальцев Рорана, Эрагон вступил с ним в мысленную связь, страшно желая узнать, чего же сумел достигнуть его братец.

И тут он словно налетел на некую невидимую стену, состоявшую из воспоминаний о Катрине, и был остановлен. Ему буквально не за что было уцепиться, он не нашел никакой лазейки или прохода, не смог преодолеть тот мысленный барьер, который Роран воздвиг перед ним. В эти мгновения весь внутренний мир Рорана как бы скрылся за мыслями о Катрине; защита, созданная им, превосходила все то, с чем Эрагону до сих пор приходилось сталкиваться; он не находил ни малейшей возможности узнать, что еще таится в душе его брата, а значит, практически терял возможности управлять им.

Роран чуть шевельнулся, и бревно под ним снова издало резкий противный скрип.

И этот скрип странным образом подействовал: казалось, та стена, возле которой Эрагон беспомощно крутился, мгновенно разлетелась на мелкие осколки; теперь лишь призраки былых опасений блуждали в мозгу Рорана: «Что же это было?.. Черт! Не обращай внимания! Он прорвется! Катрина, помни Катрину! Не обращай на Эрагона внимания. Вспомни ту ночь, когда она согласилась стать твоей женой, вспомни запах травы, аромат ее волос... Это он? Нет! Сосредоточься! И не вздумай...»

Воспользовавшись замешательством Рорана, Эрагон усилил мысленную атаку и обездвижил разум брата, прежде чем тот снова сумел восстановить свою защиту.

«Основную идею ты понял», – мысленно сказал ему Эрагон и тут же прервал связь с ним, продолжив уже вслух:

– Но тебе придется научиться быть более сосредоточенным, особенно на поле брани. Ты должен научиться думать, не думая... освобождать себя ото всех надежд и тревог и держать в голове лишь ту единственную мысль, которая является как бы твоими достижениями. Вот чему меня научили эльфы. И я убедился, что это чрезвычайно полезное умение. Вспоминай какую-нибудь загадку, или стихотворение, или песенку. Или, скажем, какое-то простенькое действие, которое можно повторять снова и снова, и тебе будет гораздо легче удерживать свои мысли под контролем.

– Я над этим непременно поработаю, – пообещал Роран, а Эрагон тихим голосом спросил:

– Ты ведь действительно очень ее любишь? – Это был, скорее, даже не вопрос, а подтверждение того, чем он восхищался и в чем был совершенно уверен. Любовь была слишком тонкой материей, и Эрагон вряд ли решился бы обсуждать ее с Рораном, хотя когда-то в Карвахолле они частенько рассуждали о достоинствах молодых женщин и девушек, сравнивая их друг с другом. – Как это между вами произошло?

– Просто. Она понравилась мне. Я понравился ей. Разве подробности имеют какое-то значение?

– Да ладно тебе, – смутился Эрагон. – Когда ты уходил из Карвахолла в Теринсфорд, я был еще слишком юн и слишком сердит на тебя, чтобы об этом спрашивать. Но с тех пор прошло уже так много времени, а увиделись мы с тобой только четыре дня назад. Я просто хочу понять...

Роран прищурился, улыбнулся, и вокруг его глаз собрались веселые морщинки; он потер виски и сказал:

– Да тут и рассказывать особенно нечего. Я всегда был к ней неравнодушен. До того как я повзрослел, это особого значения не имело, но после обряда посвящения я стал задумываться,

кого же мне выбрать в жены, кого я хотел бы видеть матерью моих детей. И вот однажды мы пришли в Карвахолл, и я увидел Катрину; она остановилась возле дома Лоринга, чтобы сорвать мускусную розу, росшую у стены под крышей. Она улыбалась, глядя на цветок... И такая это была нежная улыбка, такая счастливая, что я в ту же минуту решил: хочу, чтобы она все время так улыбалась, хочу видеть эту улыбку до конца дней своих! – Глаза Рорана увлажнились от нахлынувших чувств, но слезы так и не пролились, а высохли сами собой. – Вот только, боюсь, это мне как раз и не удалось.

Сочувственно помолчав, Эрагон снова спросил:

– Значит, ты за ней ухаживал? Ну, я помню, как ты через меня передавал ей приветы, а что еще ты делал?

– Ты как будто совета у меня спрашиваешь?

– Да нет... Тебе показалось...

– Да ладно уж, – усмехнулся Роран. – Я же знаю, когда ты врешь. У тебя на физиономии сразу появляется на редкость глупая улыбка, а уши краснеют. Может, эльфы тебя и изменили немного, но это-то в тебе так и осталось. Что у тебя с Арьей?

Проницательность Рорана встревожила Эрагона.

– Ничего! Ты что? Или на тебя полнолуние так действует? Что за глупый вопрос?

– Не ври, Эрагон. Ты же каждое ее слово ловишь, точно бриллиант, ты с нее глаз не сводишь, и взгляд у тебя при этом такой, точно ты с голоду умираешь, а она – это роскошный ужин, только до стола с ним тебе никак не дотянуться.

Перо темно-серого дыма вылетело из ноздрей Сапфиры, когда она слабо, как-то придушенно фыркнула.

Но Эрагон даже головы в ее сторону не повернул и сказал очень серьезно:

– Арья – эльфийка.

– И очень красивая. Остренькие ушки и раскосые глаза – это такая мелочь по сравнению с прочими ее прелестями. Видел бы ты сейчас себя: больше всего ты на кота похож, который на сметану облизывается!

– Арье более ста лет.

Эти слова Эрагона подействовали на Рорана самым неожиданным образом; он сразу посерьезнел, брови его поползли вверх, и он сказал:

– Просто не могу в это поверить! Судя по внешности, это цветущая молодая женщина!

– Увы, это правда.

– Ну что, раз так, пусть так и будет. Значит, именно эта причина и есть для тебя самая главная? Вернее, для твоего разума? Но ведь сердце редко слушается голоса разума, Эрагон. Так ты влюблен в нее или нет?

«Куда уж больше! Если он влюбится в нее еще сильнее, – сказала им обоим Сапфира, – я сама попытаюсь „поцеловать“ эту Арию!»

«Сапфира!» – Рассердившись не на шутку, Эрагон даже стукнул дракониху по лапе.

А Роран, решив больше не поддразнивать брата, серьезно спросил:

– Тогда ответь на мой самый первый вопрос и расскажи, что у вас с Арьей происходит. Ты хоть раз говорил с нею или с кем-то из ее родных? Я на собственном опыте убедился, что не годится откладывать подобные разговоры.

– Говорил, – сказал Эрагон, не сводя глаз с полированного набалдашника своего посоха. – Да, я говорил с нею.

– И что из этого вышло? – Поскольку Эрагон не отвечал, Роран позволил себе воскликнуть с притворным отчаянием: – Ну, знаешь, из тебя ответы вытаскивать потруднее, чем нашу Бирку из грязи! – Эрагон не выдержал и хихикнул, вспомнив о Бирке, одной из страшно ленивых тягловых лошадей у них на ферме. – Сапфира, ты не поможешь мне разгадать эту загадку? Иначе, боюсь, мне никогда не дождаться от него нормальных разъяснений.

– Ничего из этого не вышло. То есть совсем ничего. Я ей не нужен. – Эрагон сказал это совершенно бесстрастным тоном, словно рассказывая о неудаче кого-то другого, хотя в душе у него бушевали такие мучительные страсти, что он почувствовал, как Сапфира пытается утишить эту его душевную боль.

– Прости, – сказал Роран.

Эрагон, чувствуя противный холод в душе, хрипло пробормотал:

– Ничего. Как видишь, и такое случается.

– Я понимаю, что, может, сейчас об этом говорить и не стоит, – начал Роран, – но я уверен: ты еще встретишь другую женщину, которая заставит тебя забыть эту Арию. Девушек на свете сколько хочешь. Да и многие замужние женщины, спорить готов, были бы счастливы, если бы Всадник обратил на них внимание. Так что ты с легкостью найдешь себе чудесную жену среди первых красавиц Алагейзии...

– А что бы ты сделал, если бы Катрина отвергла твои ухаживания? – прервал его Эрагон.

От этого вопроса Роран просто дара речи лишился; было ясно: он и представить себе не может, что такое возможно, и не знает, как реагировал бы, случись это на самом деле. Но Эрагон не унимался:

– Похоже, все вы – и ты, и Ария, и многие другие – уверены, что я ничего не понимаю и пребываю в каком-то любовном угаре, однако же уверяю тебя, я совершенно не сомневаюсь, что в Алагейзии полно прекрасных и достойных женщин, и очень хорошо понимаю, что человек способен влюбляться не один раз в жизни. Скорее всего, если б мне всю жизнь довелось провести в обществе придворных дам короля Оррина, я, возможно, уже начал бы ухаживать за одной из них. Однако мой жизненный путь оказался не так прост. Даже если не учитывать того, могу я или нет запросто отказаться от любви к одной женщине и отдать свою любовь другой, – а сердце, как ты сам справедливо заметил, обладает весьма переменчивым нравом, – остается еще один серьезный вопрос: а стоит ли это делать?

– Твоя речь в последнее время стала столь же витиеватой, как переплетенные корни ели, – заметил Роран. – Пожалуйста, перестань говорить загадками.

– Хорошо. Тогда так: кто из представительниц прекрасного пола способен сразу – хотя бы поверхностно – понять, кто я, что собой представляю и сколь велики мои возможности? Кто из них, узнав об этом, согласился бы разделить со мной мою непростую жизнь? Не сомневаюсь, таких найдется очень и очень немного, и все они должны если не обладать магической силой, то хотя бы понимать, что это такое. Но даже в этой группе «избранных» много ли ты найдешь женщин, обладающих бессмертием?

Роран расхохотался; его грубоватый хохот гулко разнесся по всему ущелью.

– Ты бы еще потребовал луну с неба или чтобы солнце оказалось у тебя в кармане... – Он вдруг перестал хохотать, напрягся и как-то неестественно замер, словно собираясь прыгнуть вперед. – Так ты... Не может быть!

– Но это так.

Роран мотал головой, тщетно пытаясь найти нужные слова.

– Это что же, часть тех перемен, которые произошли с тобой в Эллесмере? Или, может, это оттого, что ты стал Всадником?

– Да, это потому, что теперь я – Всадник.

– Значит, и Гальбаторикс до сих пор жив именно поэтому?

– Ну да.

Ветка, которую Роран подбросил в костер, зашипела и затрещала, роняя в раскаленные угли капли воды или древесного сока, каким-то чудом уцелевшие на жарком солнце, но теперь в один мир превратившиеся в пар.

– Все это сразу как-то... умом не понять, – пробормотал Роран. – Смерть – это ведь вроде как часть нашего существования. Она направляет нас. Она делает из нас людей. Но она

же порой приводит нас и к безумию. Разве можно оставаться человеком, когда знаешь, что у твоей жизни нет смертельного исхода?

– Я, конечно, не являюсь абсолютно неуязвимым, – пожал плечами Эрагон. – Меня все-таки можно убить и мечом, и стрелой. И неизлечимую болезнь я по-прежнему могу подхватить.

– Но если тебе удастся избежать всего этого, ты будешь жить вечно?

– Если останусь жив, то, наверное, да, буду жить вечно. В общем, мы с Сапфирой еще долго продержимся.

– По-моему, это и благословение, и проклятье.

– О да! Ты прав. А потому я и не могу, будучи в здравом уме, жениться на женщине, которая успеет состариться и умереть, а сам я при этом останусь почти таким же, каким был и прежде. Это было бы в равной степени жестоко по отношению к нам обоим. Кроме того, мне кажется просто ужасной мысль о том, чтобы брать себе в жены одну женщину за другой, меняя их, точно туфли, в течение долгих столетий.

– А разве ты не можешь с помощью магии сделать кого-то из них бессмертной? – спросил Роран.

– Можно выкрасить седые волосы в черный цвет, можно с помощью определенных ухищрений разгладить морщины на лице, убрать с глаз катаракты и даже, если уж очень хочется чуда, дать шестидесятилетней женщине то тело, какое было у нее в девятнадцать лет. Однако эльфы так и не сумели открыть способ сохранения души человека, не разрушая его памяти о прошлом. А кто, скажи, захочет стереть свое прошлое, саму свою сущность в обмен на бессмертие? Ведь даже если будет уничтожена память о нескольких последних десятилетиях жизни, это будет уже совсем другой человек. Да и умудренный опытом разум в юном теле – это тоже не выход; ведь даже при самом лучшем здоровье та плоть, из которой созданы мы, люди, способна продержаться всего лет сто или чуть больше. Да и просто взять и остановить чье-то старение тоже невозможно. С этим тоже связано множество неразрешимых проблем... Ах, уверяю тебя: и эльфы, и люди уже тысячу раз пытались найти различные способы обмануть смерть, но ни один из них не оказался успешным.

– Иными словами, – сказал Роран, – для тебя безопаснее любить Арию, не оставляя свое сердце свободным для любви к обычной женщине?

– Ну, скажи честно: на ком еще я могу теперь жениться, кроме эльфийки? – с легким раздражением спросил Эрагон. – Особенно если учесть те изменения, что уже произошли в моей внешности. – Он с трудом подавил желание коснуться заостренных концов своих ушей – эта привычка появилась у него совсем недавно. – Находясь в Эллесмере, я с легкостью воспринял то, что сотворили со мной драконы. И потом, я получил от них немало и совсем иных даров. Да и эльфы после Агэти Блэдрен стали гораздо дружелюбнее ко мне относиться. Я осознал, насколько *другим* я стал теперь, лишь вернувшись к варденам. И это не дает мне покоя. Ведь я больше уже не человек, но я еще и не совсем эльф. Я так, нечто среднее, помесь, полукровка...

– Ну, хватит! Выше нос! – сказал Роран. – Может, и не стоит тебе так убиваться. А уж тревожиться насчет вечной жизни точно не стоит: в конце концов, Гальбаторикс, Муртаг, раз-таки или еще кто-то из слуг Империи в любой момент могут проткнуть нас мечом или стрелой. Мудрый человек не станет думать о будущем; он будет наслаждаться сегодняшней жизнью, пока у него есть такая возможность; он будет любить, пить, веселиться...

– Представляешь, что сказал бы тебе на это Гэрроу?

– Да уж! Он бы показал нам, где раки зимуют!

Оба рассмеялись, и вновь молчание, которым и без того слишком часто прерывалась их беседа, повисло над костром. Очередная пауза возникла, с одной стороны, из осторожности, заботы и хорошего знания друг друга, а с другой – из-за тех многочисленных различий, которые судьба подарила этим двум молодым людям, некогда жившим общей жизнью и бывшим как бы всего лишь двумя вариациями одной и той же мелодии.

«Вам бы надо поспать, – сказала братьям Сапфира. – Уже поздно, а завтра надо встать как можно раньше».

Эрагон поднял глаза к черному куполу небес, определяя время по тому, насколько успели сдвинуться к горизонту звезды, и понял, что сейчас куда более поздний час, чем ему казалось.

– Здравый совет, – сказал он. – Хотя жаль, что нельзя еще хотя бы несколько дней отдохнуть, прежде чем атаковать Хелгринд. После сражения на Пылающих Равнинах мы с Сапфирой остались совершенно без сил и не успели еще прийти в себя, как пришлось лететь сюда. А я еще в последние два вечера занимался тем, что пополнял запасы магической энергии в поясе Белота Мудрого... В общем, у меня еще мышцы во всем теле ноют, а ран и синяков не сосчитать. Вот, посмотри... – И, распустив завязки на манжете левого рукава, он подтянул повыше мягкую эльфийскую ткань, в которой смешаны шерсть и крапивное волокно, и показал Рорану зловещего вида длинный желтоватый синяк в том месте, где о его руку ударился вражеский щит, сломавшись при этом.

– Ха! – воскликнул Роран. – И эту жалкую отметину ты называешь синяком? Да я куда сильнее покалечился, когда сегодня большой палец на ноге вывихнул. погоди, сейчас я покажу тебе увечье, которым мужчина действительно может гордиться. – Он расшнуровал свой левый башмак, стащил его с ноги и, закатав штанину, продемонстрировал Эрагону широкую черную полосу, толщиной с большой палец Эрагона, тянущуюся через икроножную мышцу. – Это я на древко копья напоролся, когда на меня один из вражеских воинов прыгнул.

– Впечатляет, но у меня есть и кое-что получше. – Скинув теплую котту, Эрагон вытащил из штанов нижнюю рубаху и закатал ее, чтобы Рорану была видна опухоль у него на ребрах и точно такая же на животе. – Стрелы, – пояснил он и, засучив правый рукав, продемонстрировал «великолепный» кровоподтек, полученный, когда он рукой в доспехах отбил вражеский меч.

Теперь очередь была за Рораном, который, сняв рубаху, показал целую россыпь синезеленых пятен неправильной формы размером с большую золотую монету на всем боку от левой подмышки до основания хребта; эти синяки были следствием его падения на грудь камней и искореженного оружия.

Эрагон осмотрел порезы и синяки Рорана и, усмехнувшись, заявил:

– П-ф-ф! Да это же просто царапины! Булавочные уколы! А может, ты заблудился и в темноте налетел на розовый куст? Вот у меня действительно шрамы! – Он скинул башмаки, снял штаны, оставшись только в рубашке и шерстяных рейтузах, и продемонстрировал Рорану внутреннюю сторону своих бедер. – Ну, перещеголай это, если сможешь! – Ляжки его действительно были исполосованы разноцветными шрамами так, что кожа напоминала поверхность какого-то экзотического фрукта, который созревает неровными пятнами – от зеленого оттенка до ядовито-пурпурного.

– Ого! – воскликнул Роран. – Что это с тобой случилось?

– Я вскочил на Сапфиру, когда мы в воздухе сражались с Муртагом и Торном. Именно тогда я и ранил Торна. Сапфира ухитрилась поднырнуть под меня и поймать до того, как я шмякнулся об землю, но и ей на спину я шлепнулся несколько более жестко, чем хотелось бы.

Роран поморщился; его даже передернуло, когда он представил себе, как можно пораниться об острые шипы и чешуи на спине у дракона.

– И что, – спросил он, – эти шрамы покрывают тебя до самых...

– Увы.

– Должен сказать, что такого я действительно никогда не встречал. Замечательные шрамы! Тебе следует ими гордиться. Это же просто подвиг – заполучить такое ранение, да еще и в таком... исключительном месте!

– Рад, что ты это оценил по достоинству.

– Ладно, – сказал Роран, – шрамов у тебя, может, и больше, однако раззаки нанесли мне очень неприятную рану, и такой у тебя точно не было. Ведь, насколько я понял, драконы

удалили тот шрам у тебя на спине? – Говоря это, Роран расстегнул рубашку, стащил ее с себя и придвинулся ближе к костру, чтобы Эрагону было лучше видно.

Глаза Эрагона невольно расширились от изумления. Он с трудом подавил желание вскрикнуть от ужаса и очень старался казаться спокойным, уверяя себя, что это ему просто кажется и на самом деле ничего страшного тут нет. Однако чем дольше он изучал увечье, полученное Рораном, тем более неуверенно себя чувствовал.

Длинный бугристый шрам, красный, блестящий и, возможно, скрывавший внутреннее воспаление, окольцовывал правое плечо Рорана, начинаясь от ключицы и завершаясь где-то примерно на середине плечевой кости. Было очевидно, что разтаки вырвали у Рорана часть мышцы и разорванным концом так и не удалось как следует срастись, ибо весьма неприятного вида опухоль торчала пониже шрама, где обрывки сухожилий свернулись клубком, а выше виднелась глубокая, в полдюйма, впадина.

– Роран! Надо было тебе давным-давно показать мне это! Откуда же я мог знать, что разтаки так тебя искалечили... Ты этой рукой двигать-то можешь?

– Вбок или назад могу, – сказал Роран, – но вперед я могу поднять ее только... ну, до середины груди. – Он поморщился и опустил руку. – Впрочем, и это довольно трудно. К тому же мне все время приходится шевелить большим пальцем, иначе у меня вся кисть мертвоет. В общем, я стараюсь, если надо, размахнуться, отвести руку назад, а там уж пусть она сама старается попасть на то, что я пытаюсь схватить. Я до крови сбивал костяшки пальцев, пока этим трюком овладел.

Эрагон покрутил в руках свой посох, потом мысленно спросил Сапфиру:

«Как ты думаешь, стоит мне...»

«По-моему, ты должен».

«Но завтра мы можем об этом пожалеть».

«У тебя будет куда больше причин жалеть, если Роран погибнет, будучи не в силах как следует управляться со своим молотом. Поищи дополнительную энергию вокруг, тогда избежишь собственного переутомления».

«Ты же знаешь: я это ненавижу! Меня тошнит даже при мысли об этом».

«Ничего не поделаешь: твоя жизнь важнее жизни муравья», – возразила Сапфира.

«Но не с точки зрения муравья».

«Ну, ты пока еще не муравей, так что не болтай лишнего! Это тебе совершенно не идет».

Вздохнув, Эрагон опустил свой посох и поманил Рорана к себе:

– Ладно, я сейчас исцелю эту твою штуку.

– Ты можешь это сделать?

– Естественно.

Лицо Рорана мгновенно вспыхнуло от радостного возбуждения, но потом он заколебался, встревоженно посмотрел на Эрагона и спросил:

– Прямо сейчас? А разумно ли это?

– Как говорит Сапфира, лучше уж мне исцелить тебя, пока у меня есть такая возможность и пока твое ранение не стоило тебе жизни и не навлекло на всех нас опасность.

Роран придвинулся к нему, и Эрагон приложил свою правую ладонь на красный шрам, одновременно расширив свое сознание настолько, что почувствовал разом все души растений и животных, населявших ущелье, исключив, правда, тех, кого счел слишком слабыми и не способными пережить то заклятье, которое собирался применить.

Затем он принялся выпевать слова древнего языка. Заклятие было длинным и сложным, ибо исцеление подобного шрама требовало гораздо больше сил и времени, чем выращивание

кусочка новой кожи. Эрагон полагался на те целебные магические формулы, запоминанию которых посвятил в Эллесмере столько месяцев.

Серебряная метка на ладони Эрагона, его Гёдвей Игнасия, вспыхнула и засветилась, точно раскаленное добела железо, когда он выпустил магию наружу. Секундой позже он невольно три раза простонал, умирая вместе с двумя маленькими птичками, гнездившимися в ближайшем кусте можжевельника, и змеей, спрятавшейся среди камней. Он видел, что Роран, закинув голову и оскалив зубы, с трудом сдерживает вопль; его терзала страшная боль, ибо плечевые мышцы и сухожилия сами собой задвигались, извиваясь и становясь на место под вздыбленной кожей.

А затем все кончилось.

Эрагон судорожно вдохнул воздух и опустил голову на руки, пользуясь этой возможностью, чтобы скрыть залитое слезами лицо. Лишь немного придя в себя, он посмотрел на результаты своих усилий и увидел, что Роран не только легко пожимает плечами, но и запросто может вытянуть руки и покрутить ими в воздухе. Раненое плечо теперь выглядело таким же широким и округлым, как и здоровое – результат многих лет, проведенных за вкапыванием столбов на сторожевых постах, тасканием каменных глыб и забрасыванием вилами на сеновал тюков сена. Невольно Эрагон почувствовал легкий укол зависти. Он, возможно, стал теперь сильнее Рорана, но тело у него далеко не такое красивое и мускулистое, как у брата.

– Отлично! – улыбнулся Роран. – По-моему, оно теперь совсем, как прежде. А может, и лучше. Спасибо!

– Пожалуйста.

– Я такого странного чувства никогда не испытывал. На самом деле мне казалось, что я сейчас просто из кожи вылезу. Боль была просто невыносимая, и все внутри жутко чесалось! Я едва удерживался, чтобы кожу ногтями не разодрать...

– Достань мне кусок хлеба из сумки, ладно? Я что-то проголодался.

– Но мы же только что поужинали.

– Обязательно надо перекусить, если магией воспользуешься. – Эрагон шмыгнул носом, вытащил носовой платок и высморкался. Потом снова шмыгнул носом. То, что он сказал, было не совсем правдой. Его терзали воспоминания о той дани, которую ему пришлось собрать с окружающей природы, применив это целительное заклятие; он попросту боялся, что его вывернет наизнанку, если он немедленно не займет чем-нибудь свой желудок и не перестанет думать об отнятых им жизнях.

– Ты не заболел, а? – с тревогой спросил Роран.

– Нет. – И снова вспомнив о тех смертях, которые вынужден был причинить, Эрагон потянулся за кувшином с медовым напитком и отпил несколько глотков, надеясь отогнать волну тяжелых мыслей.

Что-то очень большое, тяжелое и острое буквально припилило его руку к земле. Он поморщился и, подняв глаза, увидел, что в его руку впился один из страшных, почти белых когтей Сапфиры. Ее тяжелое веко словно щелкнуло, опустившись над сверкающим огромным зрачком. Она не сразу убрала коготь, а лишь слегка приподняла его, как люди приподнимают палец, давая Эрагону возможность выдернуть руку из-под ее лапищи. Он судорожно сглотнул и тут же схватился за свой посох из боярышника, стараясь не думать больше о спасительном крепком напитке и сосредоточиться на том, что было им всем насущно необходимо, а не погружаться в собственные внутренние проблемы.

Роран вытащил из сумки неровно отрезанную краюху хлеба, помолчал и, чуть улыбнувшись, предложил:

– Может, съешь немного оленины? У меня тут еще осталось. – И он протянул Эрагону можжевелевый прутик с нанизанными на него тремя золотистыми поджаренными кусками мяса. Для сверхчувствительного носа Эрагона этот соблазнительный запах показался особенно

насыщенным. Он напомнил ему о тех вечерах, которые он провел в Спайне, и о том, как зимой, бывало, они втроем, он, Роран и Гэрроу, собирались у очага и радовались тому, что они вместе и в тепле, а пурга снаружи может сколько угодно злиться и завывать. У него потекли слюнки. – Мясо еще теплое. – И Роран помахал прутиком у Эрагона перед носом.

Но Эрагон все же решил отказаться.

– Нет. Дай мне просто хлеба.

– Ты уверен? Оленина очень вкусная: не слишком жесткая да и зажарилась отлично. А уж какая сочная! Ну, откуси хоть кусочек! Похоже на то замечательное рагу, которое Илейн готовит.

– Нет, мне нельзя.

– Уверен, тебе понравится.

– Роран, перестань меня дразнить и передай мне хлеб.

– Ага! Вот ты немного разозлился и сразу стал лучше выглядеть! Может, тебе вовсе и не хлеб был нужен, а кое-что для поднятия настроения?

Эрагон сердито глянул на Рорана и выхватил у него хлеб.

А Роран лишь еще больше развеселился и, глядя, как жадно Эрагон отрывает зубами куски хлеба, сказал:

– Уж и не знаю, как ты только держишься на одних фруктах, овощах и хлебе! Мужчина должен есть мясо, если он хочет, чтоб у него силы были. Неужели ты по мясу совсем не ску-чаешь?

– Скучаю и куда сильнее, чем ты можешь себе представить.

– Так зачем же так себя мучить? Каждая тварь в мире ест других живых тварей – даже если это всего лишь растения – просто чтобы жить. Так уж мы устроены. Ни к чему, по-моему, отрицать то, что заведено самой природой.

«Я говорила ему примерно то же самое, – заметила Сапфира, – но он меня не послушался».

Эрагон пожал плечами:

– Мы с тобой это уже обсуждали. Ты можешь поступать как хочешь. Я не стану советовать ни тебе, ни кому бы то ни было еще, как вам следует жить. Однако же я, пребывая в здравом уме, не могу съесть существо, чьи мысли и чувства только что разделил.

Кончик хвоста Сапфиры подрагивал, задевая торчавшую из земли вершину каменной глыбы, исхлестанной непогодой, отчего вся ее чешуя позванивала.

«Ах, он совершенно безнадежен! – воскликнула она и, вытянув шею, сняла с прутика, который держал в руке Роран, кусочек оленины, а потом съела и все остальное вместе с прутиком, который так и хрустнул на ее зазубренных клыках. – М-м-м, – промычала она, облизываясь, – ты ничуть не преувеличивал, Роран. Какой вкусный и сочный кусочек! Такой нежный, такой соленький, такая улада для языка, что мне даже хочется поизвиваться от наслаждения. Ты бы готовил это для меня почаще, Роран Молотобоец, а? Только в следующий раз постарайся зажарить сразу несколько оленей, иначе я как следует не наемся».

Роран растерялся, не зная, в шутку или всерьез она высказывает подобное пожелание, а если всерьез, то стоило бы, наверное, вежливо отвернуться от столь неожиданной и довольно обременительной обязанности. Он бросил на Эрагона такой умоляющий взгляд, что тот не выдержал и расхохотался – уж больно жалобное было у Рорана выражение лица, на котором так и читались все его мрачные предчувствия.

Мощные раскаты смеха Сапфиры, сливаясь с хохотом Эрагона, гулко раскатились по ущелью. Зубы драконихи так и сверкали безумным малиновым светом в отблесках догорающего костра.

Часом позже все трое улеглись спать; Эрагон лежал на спине, вытянувшись вдоль горячего бока Сапфиры и завернувшись в несколько одеял, поскольку ночь была холодная. Вокруг стояла полная тишина. Казалось, некий волшебник зачаровал и землю, и небо, и все в этом мире погрузил в вечный сон, чтобы оно так и осталось недвижимым и неизменным под внимательным взором звезд.

Эрагон, не шевелясь, мысленно окликнул драконицу:

«Сапфира!»

«Да, маленький брат?»

«А что, если я прав и он действительно в Хелгринде? Я не знаю, что мне тогда делать... Скажи, как мне поступить? Ты ведь останешься рядом со мной, что бы я ни решил?»

«Я всегда буду с тобой, маленький брат. А теперь спи. Все будет хорошо».

Успокоенный, Эрагон стал смотреть в темную пустоту меж звезд и, постепенно замедляя дыхание, впал в некий транс, который теперь заменял ему сон. Он по-прежнему полностью сознавал все, что творится вокруг, но как бы спал наяву, и на фоне белых звездных скоплений брели, сменяя друг друга, его странные сны наяву, по своему обыкновению играя для него непонятный призрачный спектакль.

Штурм Хелгринда

С рассвета прошло не более четверти часа, когда Эрагон проснулся и перевернулся на спину. Он вскочил, дважды щелкнул пальцами, чтобы разбудить Рорана, и принялся скатывать одеяла, готовясь в путь. Роран тоже мгновенно поднялся и собрался.

Братья посмотрели друг на друга: оба дрожали от возбуждения.

– Если я погибну, – сказал Роран, – ты позаботишься о Катрине?

– Конечно.

– Тогда скажи ей, что я шел в бой с радостью в сердце и ее именем на устах.

– Скажу.

Эрагон быстро пробормотал какую-то длинную фразу на древнем языке. Вчерашней потери сил он уже почти не ощущал.

– Вот. Это заклинание очистит воздух перед нами и защитит нас от парализующего воздействия ядовитого дыхания раззакров.

Из седельной сумки Эрагон достал свою металлическую кольчугу, завернутую в мешковину. На сверкающей кольчуге еще виднелась запекшаяся кровь, что осталась после битвы на Пылающих Равнинах; эта кровь, пот и грязь позволили крошечным пятнышкам ржавчины прокрасться меж переплетенных колец кольчуги, однако же сама кольчуга была ничуть не повреждена, а все бывшие прорехи Эрагон старательно залатал перед их полетом на территорию Империи.

Эрагон надел рубаху, кожаные доспехи и поморщился: к коже буквально прилип жуткий запах смерти и отчаяния. Затем он надел ручные и ножные латы и водрузил на голову несколько помятый шлем, под который надел сперва мягкую стеганую шапочку, а затем еще и кольчужную. Свой собственный шлем, который он завоевал в Фартхен Дуре и который гномы украсили гребнем Дургримст Ингеитум, он потерял, как и свой щит, во время воздушного боя Сапфиры с Торном. На руки Эрагон надел латные перчатки.

Роран тоже оделся сходным образом и дополнил свою экипировку еще и деревянным щитом. Поверхность щита была обита мягким металлом, так что меч врага сразу же застревал в нем. А вот у Эрагона не было никакого щита; в левой руке он держал свой посох из боярышника, который требовал, чтобы в случае необходимости обе его руки были свободны, иначе ему было бы не выпустить наружу магию посоха.

За спину Эрагон закинул колчан со стрелами, подаренный ему королевой Имиладрис. Помимо двадцати тяжелых стрел с дубовым древком и оперением из серых гусиных перьев в колчане был спрятан лук с серебряной отделкой, который королева сама создала ему своим пением из тисового дерева. Тетива была уже натянута, и лук был полностью готов к бою.

Сапфира нетерпеливо скребла когтями землю.

«Давайте! Нам пора!»

Подвесив сумки с припасами и имуществом к ветвям высокого можжевельника, Эрагон и Роран уселись Сапфире на спину. Они не тратили время на седлание драконихи: в ту ночь она специально не снимала седла. Старая кожа седла сильно нагрелась и стала почти горячей. Эрагон крепко ухватился за шип на шее Сапфиры, торчавший прямо перед ним, а Роран, сидевший сзади, одной мощной рукой обнял Эрагона за талию, а вторую опустил на рукоять молота.

Подсохшая глина хрустнула под тяжестью Сапфиры, когда она низко присела и в один прыжок достигла верхнего края ущелья, где некоторое время балансировала, раскрывая мощные крылья. Тонкая мембрана крыльев еле слышно загудела, когда Сапфира взмахнула ими и рванулась к солнцу. Распростертые крылья сразу стали похожи на два прозрачных синих паруса.

- Не сжимай меня так крепко, – проворчал Эрагон.
- Извини, – сказал Роран. И слегка отпустил руку.

Дальнейшие переговоры стали совершенно бесполезными, ибо Сапфира, достигнув максимальной высоты, снова со свистом взмахнула крыльями и взмыла еще выше. С каждым подобным «прыжком» они оказывались все ближе к легким перистым облачкам, плывшим высоко над землей.

Когда Сапфира резко свернула к Хелгринду, Эрагон глянул налево и обнаружил, что отсюда хорошо виден широкий простор озера Леона, находившегося в нескольких милях от их лагеря. Над водой висела плотная пелена серого, призрачного утреннего тумана, просвеченного лучами зари, и казалось, что над водой кто-то зажег бесовские огни. Эрагон попытался разглядеть дальний берег озера, но даже со своим ястребиным зрением не сумел это сделать; не сумел он увидеть и южные отроги Спайна у них за спиной, о чем в душе пожалел. Он так давно не видел этих гор его детства!

На севере виднелась Драс-Леона – груда неких геометрических фигур, громоздившихся на фоне стены тумана, подступавшего с запада. Одно из наиболее крупных зданий Эрагон узнал: это был тот самый храм, где на него напали раззаки; его ребристый шпиль возвышался над городом, точно острие копья.

И где-то внизу, на проносившейся мимо земле находились – Эрагон это знал точно – останки того лагеря, где раззаки смертельно ранили Брома. И он на мгновение позволил гневу и той тоске, что снесла его душу с того печального дня, а также – мучительным воспоминаниям, связанным со зверским убийством Гэрроу и сожжением их фермы, полностью завладеть его душой, ибо все это лишь придавало ему мужества, будя страстное желание, нет, даже страстную мечту встретиться с раззаками в честном бою.

«Эрагон, – сказала ему Сапфира, – сегодня нам не нужно сдерживать себя и скрывать свои мысли друг от друга, верно?»

«Верно, если только на поле брани не появится еще один маг».

Сноп солнечных лучей возник над горизонтом, ибо солнце наконец взошло, и мгновенно вся мрачная местность внизу вспыхнула всеми цветами радуги: туман превратился в ослепительно-белую вуаль, вода стала ярко-синей, земляной вал и каменная стена, окружавшая центральную часть Драс-Леоны, оказались тускло-желтого оттенка, деревья вспыхнули всеми оттенками зеленого, а земля – местные красноземы – пурпурным и оранжевым. Хелгринд, однако же, остался точно таким, как всегда: черным.

Эта огромная каменная гора или скала быстро увеличивалась, ибо они мчались прямо к ней. Даже воздух вокруг нее, казалось, способен был ошеломить любого.

Резко нырнув вниз, к подножию Хелгринда, Сапфира так круто повернула влево, что Эрагон и Роран, наверное, свалились бы с нее, если бы благоразумно не привязали ноги к стременам. Дракониha мигom облетела ту, похожую на фартук каменистую осыпь и жуткий алтарь, где жрецы Хелгринда отправляли страшный обряд. Ветер, попадая Эрагону под шлем во время крутых виражей Сапфиры, так свистел, что чуть не оглушил его.

- Ну что? – крикнул Роран, которому, видно, было плоховато.
- Те рабы у алтаря исчезли!

И Эрагона вновь вдавило в седло, ибо Сапфира, резко набрав высоту, стала по спирали облетать верхнюю часть Хелгринда, пытаясь отыскать вход в логово раззаков.

«Даже дырки, в которую древесная крыса могла бы пролезть, я тут не вижу!» – сердито сообщила она и, сбавив скорость, почти повисла в воздухе над перемышкой, соединявшей третью, самую низкую из четырех вершин с неким выступом на соседней вершине, находившимся чуть выше. Зубчатые стены крепости-горы отражали гулкое хлопанье драконьих крыльев, и

это эхо в итоге не превратилось в неумолчный гром. У Эрагона от ветра так слезились глаза, что он почти ничего не видел.

Сеть странных белых жилок пронизывала нагромождения камней и мощные опоры колонн – это иней выступил сквозь трещины в сплошной скальной породе. А более ничто не нарушало мрачного великолепия этих черных, как чернила, исхлестанных ветрами крепостных стен. Ни одного деревца не росло меж этих скал, ни одного кустика, ни одной травинки; там не было даже лишайников; даже орлы не осмеливались гнездиться на полуразрушенных выступах этой чудовищной твердыни. Полностью соответствуя своему названию, Хелгринд был вратами смерти и, точно в плащ, был одет в острые, как бритва, как зубья пилы, складки и эскарпы, утесы и выступы; он высился над равниной, точно костлявый призрак, восставший из ада, чтобы уничтожить все вокруг.

Направив свои мысли в глубь цитадели, Эрагон подтвердил для себя одно: двое людей наверняка заключены в темницы Хелгринда, но никакого присутствия тех рабов, которых вчера принесли в жертву у алтаря, он там не почувствовал, а также, к своему огорчению, не смог определить и местонахождение раззаков и летхрблака. «Если их здесь нет, то где же они?» – думал он. Вновь мысленно обследовав внутренность Хелгринда, он обнаружил нечто, ранее ускользнувшее от его внимания: один-единственный цветок, горечавку, которая цвела не более чем в пятидесяти шагах от них там, где по всему должна была бы быть неприступная, непроходимая голая скала. Но как же она получает достаточно света, чтобы жить и цвести?

На его вопрос ответила Сапфира. Приземлившись, как на насест, на осыпающийся острый выступ чуть правее цветка, она чуть не потеряла равновесие и даже захлопала крыльями, чтобы удержаться на выступе. И тут краешек ее могучего крыла вместо того, чтобы просто скользнуть по незыблемой стене Хелгринда, вдруг словно утонул в скале – стал невидимым, а потом снова появился.

«Сапфира, ты видела?!»

«Естественно».

Наклонившись вперед, Сапфира сунулась мордой в сторону этой загадочной скалы, затем застыла на расстоянии пары дюймов от ее поверхности, словно ожидая подвоха или ловушки, и полезла дальше. Чешуя за чешуей ее голова и шея, казалось, погружаются в глубины Хелгринда, и в итоге Эрагону стали видны только основание ее шеи, торс и крылья.

«Да это же просто иллюзия!» – воскликнула Сапфира.

Одним мощным прыжком она поднялась с выступа и просунула все свое тело вслед за головой куда-то внутрь. Эрагону пришлось собрать все свое мужество, чтобы не закрыть лицо руками в безнадежной попытке защитить себя, когда покрытый трещинами утес вдруг устремился им навстречу.

А уже через мгновение он обнаружил перед собой сводчатые стены огромной пещеры, освещенной проникающими туда лучами утреннего солнца. Чешуя Сапфиры, отражая эти лучи, отбрасывала на скальную породу тысячи дрожащих и мечущихся голубоватых отблесков. Сколько Эрагон ни вертелся во все стороны, он так и не смог обнаружить позади никакой стены – только широкий вход в пещеру и прекрасный вид на равнину внизу, открывавшийся с этой высоты.

Эрагон хмыкнул и поморщился. Ему было даже немного стыдно. Ведь ему и в голову не пришло, что Гальбаторикс вполне мог скрыть логово раззаков с помощью магии. «Вот дурак! – ругал он себя. – Такой простой загадки разгадать не сумел!» Ведь то, что он так недооценил простой прием Гальбаторикса, вполне могло привести их всех к гибели.

Роран выругался и сказал:

– Ты уж предупреждай меня, когда вы в следующий раз вздумаете что-то подобное делать!

Наклонившись вперед, Эрагон принялся расстегивать ремешки, высвобождая ноги из стремян, а заодно изучая внутренность пещеры в ожидании внезапной опасности.

Вход в пещеру имел неправильную овальную форму и был в высоту футов пятьдесят, а в ширину – все шестьдесят. От входа внутреннее помещение сразу начинало расширяться, а задняя стена пещеры виднелась на расстоянии доброго выстрела из лука за грудой крупных каменных обломков, прислоненных друг к другу и представлявших собой довольно странную, неустойчивую геометрическую конструкцию. Весь пол был покрыт сетью глубоких царапин и борозд – свидетельств того, что летхрблака множество раз взлетали отсюда, приземлялись здесь и ходили, царапая пол своими когтистыми лапами. Пять низких коридоров, похожих на пять таинственных замочных скважин, пронизывали стены пещеры, а шестой проход был прямым, как стрела, и достаточно широким, чтобы по нему могла пройти даже Сапфира. Эрагон тщательно обследовал эти туннели, однако в глубине их стояла непроницаемая тьма, и они казались абсолютно пустыми – в этом он убедился и с помощью быстрого мысленного обследования. Станные, какие-то бессвязные звуки, похожие на шепот, доносились из глубин Хел-гринда; казалось, некие неведомые твари копошатся там, в глубине горы, в темноте, где безостановочно капает и сочится вода. К этому хору шепотов и затаенных звуков примешивалось ровное мощное дыхание Сапфиры, которое в этом пустом просторном помещении казалось особенно громким, поскольку было усилено эхом, отдающимся от стен.

Однако же самой отличительной чертой этой пещеры был царивший в ней запах. В основном это был могильный запах холодного камня, но к нему примешивался запах плесени, сырости и, что было гораздо страшнее, отвратительная сладковатая вонь разлагающейся плоти.

Освободив, наконец, ноги от ремешков, Эрагон сел в седле боком и приготовился спрыгнуть на пол. Роран сделал то же самое, но с другой стороны.

Прежде чем отпустить шип на шее Сапфиры, Эрагон прислушался и услышал среди прочих обманчивых шорохов и шепотов некое отчетливое цоканье, словно кто-то стучал по камням множеством молоточков. Затем эти звуки смолкли и повторились полсекунды спустя.

Эрагон внимательно прислушался, глядя в ту сторону, откуда они доносились. То же самое сделала и Сапфира.

Огромное извивающееся тело чудовища возникло у выхода из просторного прямого туннеля. На них смотрели огромные черные глаза, выпуклые и лишенные ресниц и век. Грозно щелкал клюв в семь футов длиной. Крылья кошмарной летучей мыши были сложены за спиной. На голом торсе перекачивались под шкурой шары мощных мускулов. Когти торчали, точно железные крючья.

Сапфира шарахнулась в сторону, пытаясь уйти от первого удара, но ей это не удалось. Чудовищная тварь обрушилась ей на правый бок с силой горной лавины.

Что в точности произошло далее, Эрагон так и не понял, ибо нападение летхрблака заставило его пролететь несколько ярдов по воздуху, и он едва ли успел о чем-то подумать. Этот полет завершился столь же внезапно, как и начался, когда нечто твердое и плоское ударило его в спину, и он рухнул на пол, сильно ударившись головой.

От этого столкновения у него словно вышибло из груди весь воздух. Он так и остался лежать на боку с гудящей головой и судорожно открытым ртом, тщетно пытаясь возобновить контроль над непослушными конечностями.

«Эрагон!» – крикнула Сапфира.

Тревога в ее голосе прибавила Эрагону сил, как ничто другое. Когда руки и ноги его вновь ожили, он первым делом схватил свой посох, валявшийся рядом. Воткнув шип, имевшийся на нижнем конце посоха, в ближайшую трещину, он встал и пошатнулся. Перед глазами заплескали алые искры. Голова кружилась; он был настолько ошеломлен, что просто не знал, в какую сторону ему смотреть.

Сапфира и летхрблака, сцепившись клубком, катались по пещере, царапая и кусая друг друга, отчего, казалось, закачался даже сам Хелгринд. Шум они производили невообразимый, но Эрагону казалось, что дерутся они абсолютно молча: уши его отказывались слышать. И все же подошвами он чувствовал, как вздрагивает пол пещеры, когда эти громадные существа бросались друг на друга, грозя сокрушить любого, кто окажется поблизости.

Сноп голубого огня вырвался из пасти Сапфиры, окутав левую сторону огромной башки чудовищной «летучей мыши»; пламя было настолько мощным, что могло бы, наверное, расплавить сталь. Однако оно не причинило особого вреда этому монстру раззаков, и он, не растерявшись, ловко «клянул» Сапфиру в шею, заставив ее прекратить выдыхать пламя и защищаться.

Точно выпущенная из лука стрела, из туннеля вылетел второй летхрблака и ринулся на Сапфиру с фланга. Разинув свой узкий длинный клюв, он издал столь ужасный дрожащий вопль, что у Эрагона волосы встали дыбом, а внутри все похолодело. Он даже зарычал от возбуждения и обрадовался, что, по крайней мере, слышит хотя бы это.

Теперь, когда в пещере было уже двое летхрблака, вонь там стояла такая, словно кто-то бросил полдюжины фунтов гнилого мяса в бочку с помоями и поставил эту смесь на жаркое летнее солнце, чтобы за недельку как следует протухла.

Эрагон сильно прикусил губу; в горле у него прыгал противный комок, и он старался думать о чем угодно, лишь бы его не начало выворачивать наизнанку.

В нескольких шагах от него безжизненной грудой лежал у стены пещеры Роран, тоже отброшенный туда после столкновения Сапфиры с первым летхрблака. Но вскоре Эрагон увидел, что Роран шевельнул рукой, затем встал на четвереньки, а потом поднялся и во весь рост. Глаза его, впрочем, смотрели весьма туманно, и шатался он, как пьяный.

У Рорана за спиной из ближайшего бокового туннеля показались двое раззаков. В своих уродливых руках-лапах они держали длинные светлые клинки явно древнего происхождения. В отличие от своих родителей или родичей, раззаки были примерно того же роста и обличья, что и люди. Эбеновый панцирь покрывал их тела с головы до ног, но его почти не было видно, ибо даже в Хелгринде раззаки не снимали своих длинных черных рубаш и плащей.

Двигались они с ошеломительной быстротой, но движения у них были резкие и какие-то ломаные, как у насекомых.

Но самое странное, мысленно Эрагон по-прежнему не чувствовал ни присутствия раззаков, ни присутствия летхрблака. Неужели и эти твари – всего лишь иллюзия? Но нет, это уж полная чушь: плоть, которую Сапфира разрывала своими когтями, была вполне реальной. И тут ему в голову пришло еще одно объяснение: наверное, мысленно почувствовать их присутствие вообще невозможно. Наверное, раззаки способны скрывать свое присутствие от тех, на кого они охотятся, подобно тому, как пауки скрывают свое присутствие от мух. Если это так, то становится понятно, почему раззакам так отлично удавалась охота на магов и волшебников, а также на Всадников, бывших противниками Гальбаторикса, хотя сами они и не были способны пользоваться магией.

Вот черт! Эрагон с удовольствием прибавил бы и более цветистые ругательства, но пора было действовать, а не проклинать свое невезение. Бром утверждал, что раззаки при ясном свете дня ему не соперники, но даже если это действительно так – особенно если учесть, что Бром потратил десятилетия, изобретая заклятия, которые можно использовать против раззаков, и научил им Эрагона, – все же было ясно: не имея преимущества внезапности, он, Сапфира и Роран будут вскоре оттеснены к выходу и вынуждены бежать, спасая жизнь себе, а не Катрине.

Подняв правую руку над головой, Эрагон крикнул: «Брисингр!» – и швырнул огненный шар в раззаков. Те пригнулись, и огненный шар разлетелся по полу пещеры на тысячу осколков, пару раз вспыхнул и погас. Это заклятье оказалось глупым и детским; оно явно не могло нане-

сти этим тварям сколько-нибудь заметного ущерба, особенно если Гальбаторикс действительно обеспечил раззаков столь же мощной защитой, что и летхрблака. И все же Эрагон счел свою первую попытку в высшей степени удовлетворительной. К тому же огненный шар настолько отвлек внимание раззаков, что Эрагон успел метнуться к Рорану и встать с ним спиной к спине.

– Придержи их минутку подальше от меня! – крикнул он, надеясь, что Роран его слышит. Слышал он или нет, не важно; во всяком случае, догадался и, прикрывшись щитом, поднял молот, готовясь к сражению.

Те страшной силы удары, которые наносили летхрблака, почти прорвали ту магическую защиту, которую Эрагон установил вокруг Сапфиры. Проклятые «летучие мыши» уже успели нанести несколько длинных, хотя и не слишком глубоких царапин на лапах драконихи, а также раза три долбанули ее своими клювищами, и эти небольшие, но очень глубокие раны причиняли Сапфире сильную боль.

Она в ответ буквально спустила всю плоть с ребер одного из летхрблака, а у второго откусила фута три от его страшного хвоста. Кровь этих тварей, к полному изумлению Эрагона, оказалась металлического голубовато-зеленого оттенка, похожего на ярь-медянку.

Вдруг «летучие мыши» перестали нападать и принялись кружить вокруг Сапфиры, то и дело делая выпады и явно пытаясь взять ее измором или же при первой возможности умертвить ударами своих жутких клювов.

Однако Сапфира оказалась куда лучше летхрблака снаряжена для открытого боя благодаря своей мощной чешуе, которая была значительно толще и прочнее серой шкуры «мышей», да и клыки дракона куда страшнее в ближнем бою, чем клювы этих крылатых тварей. Но, несмотря на все это, Сапфира лишь с огромным трудом удерживала обоих монстров на должном расстоянии, тем более что относительно низкий потолок пещеры не давал ей ни как следует взлететь, ни хотя бы подпрыгнуть и напасть на противника сверху. Эрагон опасался, что даже если дракониха и выиграет это сражение, то мерзкие твари успеют сильно ее искалечить до того, как она их прикончит.

Передохнув несколько секунд, Эрагон произнес одно-единственное заклинание, в котором содержалось все двенадцать способов убийства, которым научил его Оромис. Он был очень осторожен и произносил заклинание не сразу, а по частям, чтобы иметь возможность перенаправить его магическую силу, если сюда ворвутся еще какие-то стражи Гальбаторикса. Кроме того, произнесенное быстро, это заклинание способно было полностью истощить его собственные силы.

И осторожность сыграла ему хорошую службу. Уже начав произносить заклинание, он довольно быстро понял, что оно не оказывает никакого воздействия на летхрблака, и прекратил свои попытки. Он не то чтобы рассчитывал сразу победить этих тварей с помощью смертоносных слов древнего языка, но все же решил попробовать, дабы использовать любой, даже самый крошечный шанс, который Гальбаторикс по незнанию или беспечности упустил из виду, защищая неведомыми чарами летхрблака и их омерзительное потомство.

У него за спиной Роран громко вскрикнул: «Есть!» И мгновением позже один из мечей глухо ударился о его щит, вслед за этим зазвенели ячеи его кольчуги, а потом с колокольным звоном второй меч ударил Рорана по шлему.

И Эрагон понял, что слух его явно восстанавливается.

Раззаки снова и снова наносили удары, но каждый раз их мечи отскакивали от щита Рорана, или же они буквально на волосок промахивались, метя ему в лицо или в руку. Причем как бы ни были быстры их удары, как бы ни был медлителен сам Роран, явно не способный сразу нанести контрудар, но древним мечам раззаков никак не удавалось поразить его. Мерзкие твари шипели от ярости и отчаяния; их страшные пасти с жесткими клацающими челюстями изрыгали вполне человеческие проклятия, которые звучали на редкость нелепо.

Эрагон усмехнулся. Все-таки кокон тех чар, которыми он окутал Рорана, свое дело сделал. Он надеялся, что эта невидимая защита продержится, пока он не найдет способ как-то остановить летхрблака.

И тут оба летхрблака взвизгнули в унисон. От этих чудовищных звуков у Эрагона потемнело в глазах, и, казалось, зашаталась даже сама земля. На несколько мгновений он был как бы парализован, но потом встряхнулся, как собака, освобождаясь от магического воздействия этих гневных криков и воспринимая их теперь всего лишь как пронзительные вопли детей, которым причинили сильную боль.

Эрагон незамедлительно принялся выпевать очередное заклинание, стараясь делать это как можно быстрее и не совершать ошибок в произнесении слов древнего языка. Каждая фраза, которую он произносил, а их было очень много, содержала некие чары, способные мгновенно убить; и каждый из способов умерщвления отличался ото всех предыдущих. Пока Эрагон исполнял свое импровизированное соло, Сапфира успела получить еще одну резаную рану на левом боку. В ответ она сломала своему противнику крыло, в ключья разодрав когтями тонкую летательную мембрану. От кольчуги Рорана то и дело отлетали звенья, попадая в Эрагона, поскольку раззак сражался с бешеным упорством и быстротой, без конца нанося мечами колющие и рубящие удары. Тот из них, что был покрупнее, стал потихоньку обходить Рорана, явно стремясь напасть на Эрагона с фланга.

И тут среди всего этого грохота, когда сталь звенела о сталь и глухо стучала по дереву, а когти скрежетали по камням, послышался звук, какой издает меч, прорубая кольчугу и вонзаясь в плоть. Роран дико вскрикнул, и Эрагон почувствовал, как кровь брата брызнула ему на правую голень.

Краем глаза Эрагон видел, как раззак сторбленной тенью метнулся к нему, размахивая широким мечом с зазубренными краями и явно намереваясь перерубить его пополам. Мир вокруг, казалось, сжался в комок и повис на острие этого меча; лезвие меча сверкало искрами, точно выточенное из хрусталя, а каждая нанесенная им царапина казалась дорожкой ртути в ярком свете зари.

У Эрагона хватило времени еще только на одно заклинание, а потом пришлось все свое внимание переключить на раззак, чтобы не дать ему воткнуть этот страшный меч куда-то между печенью и почками. Эрагон временно отказался даже от попыток остановить атаку летхрблака и вскричал: «Гаржзла, летта!» – что означает: «Свет, погасни!»

Сказано, конечно, было весьма неуклюже, да и заклинание, созданное слишком поспешно, было неудачно сформулировано, но все же подействовало. Вытаращенные глаза летхрблака стали похожи на зеркала полусферической формы и теперь с помощью магии Эрагона лишь отражали свет, а не пользовались им, чтобы видеть. Один из ослепших летхрблака споткнулся и в тщетной попытке нанести очередной удар Сапфире пролетел мимо нее.

А Эрагон своим посохом из боярышника вышиб у нападавшего на него раззак меч и отшвырнул его в сторону, когда этот меч был уже в дюйме от его ребер. Раззак подпрыгнул и, очутившись прямо перед Эрагоном, резко вытянул шею. Эрагон весь сжался, увидев, как из глубин капюшона, скрывавшего голову раззак, вынырнул короткий крепкий клюв и хищно щелкнул в миллиметре от его правого глаза. В клюве, точно безголовая змея, извивался зазубренный ярко-красный язык раззак.

Крепко взявшись обеими руками за середину посоха, Эрагон выбросил его перед собой, сильно ударив раззак по впалой груди, и отбросил чудовищного «жука» на несколько ярдов назад. Раззак упал на четвереньки, а Эрагон ловко развернулся, видя, что вся левая половина тела Рорана мокра от крови, и успел парировать удар второго раззак. Затем, совершив обманный маневр, ударил раззак по мечу и, когда тот попытался снизу ударить его в горло, ловко развернулся и посохом вышиб у него меч, бросился вперед и вонзил острый конец своего посоха раззаку в живот.

Если бы в руках у него был меч Заррок, то раззаку наверняка пришел бы конец. Но теперь внутри у «жука» лишь что-то противно хрустнуло, и он стал кататься по полу пещеры, а потом довольно быстро вскочил на ноги, оставляя на неровном каменном полу пещеры мазки своей «голубой» крови.

«Мне нужен меч», – подумал Эрагон.

Он весь отдался обороне, поскольку теперь вокруг него кружили уже оба раззака; выбора у него не было: оставалось только удерживать свои позиции, давая отпор этому двойному натиску, ибо он не только сражался с этими падальщиками, вооруженными страшными клювами и крючковатыми когтями, но и защищал ослабевшего от потери крови Рорана. А потому Эрагон стал беззвучно произносить то заклинание, которое только что отлично сработало против летхрблака, но раззаки не давали ему покоя, нанося удары то поверху, то понизу, которые он успешно отбивал своим посохом. На удары старинных клинков посох отвечал глухим звуком, но ни одной щербинки не появилось на его заколдованной древесине.

Слева, справа, сверху, снизу – Эрагон, не задумываясь, отражал удары и сам наносил их. Посох из жилистых ветвей боярышника оказался поистине идеальным оружием в сражении с несколькими врагами, поскольку Эрагон мог и сам наносить удары, и блокировать удары противника, действуя обоими концами посоха. Особенно пригодился острый шип на нижнем его конце. Эрагон запыхался, дыхание стало коротким, поверхностным; со лба капал пот, собираясь в уголках глаз; ручейки пота текли по спине; зрение застилал красный туман битвы; в ушах отдавался тяжелый стук сердца.

Эрагон никогда не чувствовал себя таким живым, таким уязвимым и таким напуганным.

Он понимал, что его собственная защита крайне недостаточна. Перед схваткой основное внимание он уделит защитным чарам Сапфиры и Рорана, и теперь его защита быстро слабела; тот раззак, что был поменьше, даже ухитрился ранить его в голень. Жизни это ранение, разумеется, не угрожало, но было все же весьма неприятным, ибо левая нога порой отказывалась слушаться и подгибалась под ним.

Схватившись за тот конец посоха, в который был вделан острый шип, и используя посох как дубинку, Эрагон изо всех сил ударил одного из раззаков по башке. Тот рухнул на землю, но был ли он мертв или же просто оглушен, Эрагон не понял. Бросившись на второго раззака, он принялся наносить удары по его рукам и плечам и с помощью весьма хитрого приема, крутанув в руках посох, ухитрился выбить у своего противника меч.

Но прежде чем Эрагон обезвредил и второго раззака, ослепший летхрблака со сломанным крылом пролетел через всю пещеру и с силой ударился о дальнюю стену, вызвав целый град камней. Все это сопровождалось таким шумом и грохотом, что Эрагон, Роран и раззак невольно вздрогнули, перестали сражаться и повернулись в ту сторону.

Метнувшись следом за искалеченным летхрблака, которого она только что как следует лягнула, Сапфира вонзила свои клыки в его мощную шею. Он задергался, все еще пытаясь освободиться, но Сапфира, резко мотнув головой, сломала ему позвоночник и, подняв голову над окровавленной добычей, наполнила пещеру громогласным победным ревом.

Но и оставшийся в живых летхрблака медлить не стал. Клынув Сапфиру и просунув когти под ее вздыбленные чешуи, он поволок ее за собой, не давая возможности встать на лапы. Они страшным клубком выкатились к выходу из пещеры, покрутились там несколько мгновений и пропали из виду. Теперь сражение происходило уже в воздухе. Это была весьма хитроумная тактическая уловка, ибо теперь летхрблака оказался за пределами действия магии Эрагона, а поскольку Эрагон не мог почувствовать его присутствия, то не мог и повторно укрыть Сапфиру защитными чарами.

«Сапфира!» – крикнул он и услышал ее ответ:

«Позаботься о себе. Этот от меня не уйдет».

Эрагон резко крутанулся на месте и как раз вовремя: он все же успел заметить, как оба раззака исчезают во тьме ближайшего туннеля, причем тот, что поменьше, поддерживает своего собрата. Закрыв глаза, Эрагон быстро определил местонахождение узников Хелгринда, пробормотал что-то на древнем языке и сказал Рорану:

– Я запечатал заклатьем ту темницу, где находится Катрина, так что раззаки не смогут использовать ее как заложницу. Теперь только мы с тобой можем открыть эту дверь.

– Отлично, – сказал сквозь стиснутые зубы Роран. – Ты не мог бы что-нибудь с этим сделать? – И он мотнул подбородком, указывая на обширную рану в боку, которую зажимал окровавленными пальцами. Кровь так и струилась оттуда, капая на пол. Эрагон быстро ошупал рану, и от боли Роран чуть не потерял сознание.

– Повезло тебе, – сказал Эрагон. – Меч только мышцы распорол и угодил в ребро. – Положив одну руку на рану, а вторую на те двенадцать алмазов, что были спрятаны в поясе Белота Мудрого, Эрагон призвал на помощь силы, хранившиеся в этих драгоценных камнях. – Вайзе хайль! – вскричал он. Точно некая зыбь прошла по боку Рорана, и магия камней принялась за дело, соединяя и восстанавливая поврежденную плоть.

Затем Эрагон исцелил собственную рану на левой голени, выпрямился и посмотрел в ту сторону, где исчезла Сапфира. Его связь с нею слабела; она явно улетала все дальше от Хелгринда, преследуя летхрблака и направляясь к озеру Леона. Эрагону очень хотелось броситься ей на помощь, но он понимал, что пока что она справляется и сама.

– Скорей, – сказал Роран. – Они уходят!

– Да, надо спешить.

Схватив посох, Эрагон подошел к темному туннелю, всматриваясь в выступающие из стен камни и ожидая, что раззаки вот-вот выскочат оттуда. Двигался он медленно, стараясь, чтобы его шагов по извилистому туннелю почти не было слышно. Когда же ему случайно пришлось коснуться каменной стены, чтобы не потерять равновесие, он почувствовал, что камень покрыт какой-то отвратительной липкой слизью.

После нескольких поворотов и извивов основная пещера осталась позади, и Эрагон с Рораном оказались в такой крошечной темноте, что даже Эрагон уже ничего не различал впереди.

– Может, у тебя глаза и по-другому видят, но я в такой темноте сражаться не могу, – прошептал Роран.

– Если я зажгу огонь, раззаки близко к нам не подойдут, особенно теперь, когда я знаю, какое заклатье на них действует. Они просто спрячутся и выждут, когда мы уйдем. Нам надо их прикончить, пока есть такая возможность.

– Говори, что мне надо делать? Хотя, скорее всего, я просто налечу в темноте на стену и сломаю себе нос, прежде чем сумею разглядеть этих тварей... Они, кстати, могут подкрасться и сзади, а потом в спину ударить...

– Ш-ш-ш!.. Держись за мой пояс, ступай точно за мной и будь готов в любую минуту присесть.

Эрагон почти ничего не видел, но слух пока ему не изменил, да и обоняние тоже, так что благодаря прочим органам чувств вполне неплохо ориентировался в темноте туннеля. Самая большая опасность, конечно, заключалась в том, что раззаки могли напасть сзади, причем действуя издалека, например с помощью лука. Но Эрагон вполне доверял себе и надеялся, что его органы чувств достаточно остры, чтобы вовремя предупредить о внезапно выпущенной стреле.

Струя воздуха коснулась кожи Эрагона, затем исчезла, затем появилась снова, но уже с другой стороны; казалось, давление воздуха в туннеле то ослабевает, то усиливается через неопределенные промежутки времени, создавая некие невидимые волны, которые он и ощущает, точно легкие порывы ветра.

Их с Рораном дыхание казалось ему очень громким и хриплым, но все же не заглушало те странные и разнообразные звуки и шепоты, что слышались в глубине туннеля. А порой Эрагону отчетливо слышался и стук мелких камешков где-то в скрещенье этих подземных переходов, и равномерное кап-кап – видимо, вода, выступавшая на стенах пещеры, стекала в некое подземное озеро. Слышал он и скрежет растертого почти в песок гравия под подошвами собственных башмаков. А потом где-то далеко впереди послышался какой-то сверхъестественно долгий стон.

Что же касается запахов, то тут ничего нового не было: кровь, сырость и плесень.

Шаг за шагом – Эрагон впереди, Роран сзади – они продвигались в темное нутро Хелгринда. Туннель явно понемногу шел вниз, местами изгибаясь или раздваиваясь, и Эрагон, скорее всего, довольно скоро заблудился бы, если бы мысленная связь с Катриной не вела его, очень четко определяя нужное направление. Боковые ходы оказались особенно низкими и узкими, и один раз Эрагон так сильно ударился головой о потолок, что его вдруг охватил ужас перед этим подземным лабиринтом.

«Я возвращаюсь», – сообщила ему Сапфира, и как раз в эту секунду он поставил ногу на грубо вырубленную ступеньку ведущей вниз лестницы и остановился. Значит, Сапфира цела и, похоже, больше не пострадала. Это очень его обрадовало, и он спросил:

«А как там летхрблака?»

«Плавает кверху брюхом в озере Леона. Боюсь, кое-кто из рыбаков видел наше сражение. Во всяком случае, они вовсю гребли, улепetyвая в сторону Драс-Леоны».

«Ну что ж, ничего не поделаешь. Посмотри, что там, в том туннеле, из которого появились летхрблака. Но будь осторожна! Остерегайся раззаков. Они оба ранены и могут попытаться проскользнуть мимо нас и удрать из Хелгринда через тот вход, которым мы сами воспользовались».

«У них, видимо, есть и другой выход отсюда. Он где-то у подножия Хелгринда».

«Возможно, но вряд ли они способны достаточно быстро туда добраться».

Казалось, они страшно долго, никак не менее часа, провели в темном туннеле, но Эрагон знал, что на самом деле они пробыли там не более десяти-пятнадцати минут и спустились примерно на сотню футов в недра Хелгринда. Остановившись на относительно ровной каменной площадке, он мысленно сказал Рорану:

«Темница Катрины примерно в пятидесяти футах от нас, чуть дальше и справа».

«Мы не можем рисковать, – ответил Роран. – Нельзя освобождать ее, пока мы не знаем точно, живы эти раззаки или где-то прячутся».

«Ну а если они так и не объявятся? Я по какой-то причине совершенно не способен чувствовать их присутствие. Они могут до скончания веков тут от нас скрываться. Ну что, будем ждать невесть сколько или все же освободим Катрину, пока есть такая возможность? Я, кстати, могу установить вокруг нее кое-какую защиту, это спасет ее от многих неприятностей».

Роран несколько секунд молчал, потом все же сказал:

«Ладно, идем за ней».

И они снова осторожно пошли вперед по низкому проходу с грубым щербатым полом. Эрагону приходилось постоянно следить за тем, куда он ступает, чтобы не потерять равновесие.

В результате он чуть не пропустил послышавшийся справа слабый шорох одежды и легкий звон стали.

Он в ту же секунду прижался к стене, заслонив собой Рорана, и нечто острое пронеслось мимо его лица, успев довольно сильно ободрать ему правую щеку. Порез сразу стало жечь, словно туда плеснули кислотой.

– Квейква! – выкрикнул Эрагон. Это слово означало «молния».

Красный свет, яркий, как полуденное солнце, вспыхнул в туннеле и, не имея конкретного источника, сразу осветил все вокруг, не отбрасывая теней, отчего окружающие предметы стали казаться странно плоскими. От яркого света у Эрагона даже слегка закружилась голова, однако на одинокого раззака, что стоял перед ним, свет подействовал гораздо сильнее: он уронил свой лук, закрыл лицо и заверещал громко и пронзительно. Ему ответил точно такой же вопль, и Эрагон понял, что второй раззак у него за спиной.

«Роран!»

Резко обернувшись, Эрагон увидел, что Роран уже сражается со вторым раззаком, с силой размахивая своим молотом. Ошеломленный внезапной вспышкой света, монстр попытался отступить, но в какой-то момент замешкался, и молот упал ему на голову.

– За моего отца! – громко крикнул Роран и ударил снова. – За наш дом! – Раззак был уже мертв, но Роран снова поднял свой молот. – За Карвахолл!

Последний удар расколол панцирь раззака, точно сухую тыкву. В безжалостном рубиновом сиянии расширяющаяся лужа крови казалась фиолетовой.

Описав посохом круг и отбросив в сторону стрелу или меч, которые наверняка были направлены в него, Эрагон повернулся лицом к оставшемуся в живых раззаку и увидел, что туннель перед ним пуст. Он чертыхнулся, пробежал несколько шагов и обнаружил на полу скорчившегося «жука». Размахнувшись посохом, Эрагон что было силы воткнул его в грудь мерзкой твари. Раздался глухой треск.

– Сколько же времени я ждал этого момента! – вырвалось у Эрагона.

– И я тоже.

Братья посмотрели друг на друга.

– Ох! – невольно вскрикнул Эрагон и схватился за раненую щеку, поскольку боль в ней стала вдруг почти нестерпимой.

– Она раздувается! – воскликнул Роран. – Сделай же что-нибудь!

«Раззаки, должно быть, смазали свои стрелы колдовским маслом сейтр», – подумал Эрагон. И, вспомнив, чему его учили эльфы, сперва очистил рану, а потом наложил на нее целебные чары. Затем он несколько раз открыл и закрыл рот, проверяя, хорошо ли работают мышцы лица, и с мрачной усмешкой сказал:

– Можно себе представить, хороши бы мы были без помощи магии!

«Поговоришь позже, – услышал он в ушах голос Сапфиры. – Как только те рыбаки доберутся до Драс-Леоны, прикормленные Гальбаториксом городские заклинатели быстренько сообщат ему, чем мы тут занимаемся. А нам совсем не нужно, чтобы Гальбаторикс обратил свое внимание на Хелгринд, пока мы отсюда еще не убрались».

«Да, ты права», – поспешно согласился Эрагон.

Погасив сверкающее красное сияние, он промолвил: «Брисингр раудхр!» – и перед ним повис маленький красный огонек, как и в прошлые ночи, но на этот раз огонек, точно прищипленный, висел в шести дюймах от потолка, а не сопровождал каждое движение Эрагона.

Теперь, когда у него была возможность осмотреть туннель, Эрагон заметил, что в каменных стенах по обе стороны от него имеется множество дверей, штук двадцать, по крайней мере. Он указал Рорану, куда идти, и сказал:

– Девятая от нас справа. Ты ступай за Катриной, а я проверю остальные темницы. Раззаки вполне могли оставить там кое-что интересное.

Роран кивнул. Присев на корточки, он осмотрел труп раззака, но никаких ключей не нашел и, пожав плечами, сказал:

– Что ж, значит, придется дверь рубить.

Подбежав к указанной двери, он бросил щит на пол и принялся молотом срубить дверные петли. Каждый удар сопровождался невыносимым грохотом, разносившимся по всему лабиринту.

Эрагон ему не помогал. Впрочем, в данный момент его брат в помощи и не нуждался. А Эрагону и без того было чем заняться. Подойдя к первой темнице, он прошептал три слова и, услышав, как замок со щелчком открылся, рывком распахнул дверь. В крошечном помещении была только черная цепь да груда гниющих останков. Это печальное зрелище было совсем не тем, чего он ожидал; однако, уже зная, где находится предмет его поисков, изображал неведение и открывал одну дверь за другой, чтобы не вызывать подозрений со стороны Рорана.

Еще две двери как бы сами собой открылись и закрылись под воздействием магического заклятья. И наконец распахнулась четвертая дверь. Волшебный огонек осветил внутренность темницы, и Эрагон увидел того самого человека, которого, как он надеялся, никогда в жизни больше не увидит: это был Слоан.

Расставание

Мясник сидел, неловко привалившись к стене слева от входа; обе его руки были цепью прикованы к кольцу над головой.

Рваные лохмотья едва прикрывали бледное, истерзанное тело; кости проступали под ставшей полупрозрачной кожей. Синие вены страшно набухли. Запястья были до крови стерты наручниками. Седые остатки волос отвратительными грязными лохмотьями свисали вдоль щек, отчасти скрывая его покрытое оспинами лицо.

Удары молота Рорана заставили Слоана очнуться от забытья; он поднял голову навстречу свету и дрожащим голосом спросил:

– Кто это? Кто там?

Волосы упали с его лица, открывая странно темные глазницы. Эрагон пригляделся: вместо век там теперь виднелось лишь несколько почерневших клочков кожи, под которыми зияли страшные кровавые раны, да и вокруг вся кожа была в ссадинах и порезах.

Эрагон в ужасе понял, что разгадки выклевали Слоану глаза.

Он никак не мог решить, что же ему теперь делать. Этот мясник донес разгадкам, что он, Эрагон, нашел яйцо Сапфиры. Дальше – больше: Слоан зверски убил стоявшего на часах Бирда и пропустил в Карвахолл солдат Империи. Если бы сейчас его судили односельчане, то наверняка признали бы его виновным и приговорили к повешению.

Эрагон не сомневался, что за все эти преступления мяснику полагается смертная казнь. Однако он колебался, понимая, что Роран любит Катрину, а Катрина, что бы ни сотворил Слоан, отца все же, безусловно, любит. Слушать, как в суде Слоану выносят обвинительный приговор и приказывают его повесить, ей было бы слишком тяжело; нелегко это было бы и Рорану. Столь тяжкие переживания могли бы, наверное, даже поселить между ними вражду, которая привела бы их отношения к печальному концу. В общем, Эрагон был уверен: если сейчас они возьмут Слоана с собой, это, конечно же, поселит разногласия между всеми – между ним и Рораном, между Рораном и Катриной, между ними и остальными жителями Карвахолла; кроме того, это может оказаться опасным в том смысле, что ссоры отвлекут их от борьбы с Империей.

«Самое простое решение, – думал Эрагон, – попросту убить Слоана и сказать, что я нашел его в этой темнице мертвым...» Губы его задрожали, ибо ему тяжело было даже про себя произносить этот смертный приговор.

– Чего вам еще от меня надо? – спросил Слоан, вертя головой из стороны в сторону и пытаясь понять, где находится его собеседник. – Я уже и так рассказал вам все, что знаю!

Эрагон проклинал себя за эти неуместные колебания. Вина Слоана сомнению не подлежала; он был убийцей и предателем. Любой судья приговорил бы его к смертной казни.

И все же, несмотря на все эти доводы, он не мог решиться. Слоан сейчас лежал перед ним совершенно беспомощный. Слоана он знал всю свою жизнь, почти с рождения. Может, этот мясник и был человеком крайне неприятным, однако щемящие воспоминания о прошлом, которое отчасти, безусловно, было связано и со Слоаном, не давали ему покоя. Нанести сейчас Слоану смертельный удар было бы все равно что поднять руку на Хорста, или Лоринга, или на кого-то из стариков Карвахолла.

Однако Эрагон вновь приготовился произнести слова смертоносного заклятья.

И вдруг перед его мысленным взором возникло воспоминание о том, как Торкенбранд, тот работородец, которого они с Муртагом повстречали во время своего бегства к варденам, стоял на коленях в дорожной пыли, а Муртаг несся верхом во весь опор, чтобы отсечь ему голову.

Эрагон тогда тоже возражал Муртагу, пытаясь ему помешать, и потом случившееся много дней не давало ему покоя.

«Неужели я настолько переменился, – спрашивал он себя, – что теперь и сам способен совершить точно такое же убийство? Как сказал Роран, я ведь уже убивал... Но ведь только в пылу битвы и никогда вот так...»

Он оглянулся через плечо и увидел, что Роран срубает последнюю дверную петлю в темнице Катрины. Затем, бросив на пол молот, он хотел было ударом плеча вышибить дверь, но передумал и решил попросту приподнять ее в дверной раме. Дверь чуть приподнялась, замерла и опасно качнулась.

– Помоги! Я не хочу, чтобы эта проклятая дверь рухнула на нее! – крикнул Роран.

Эрагон снова посмотрел на мясника. Времени на бессмысленные сомнения больше не было. Приходилось выбирать. Так или иначе, а выбирать ему придется...

– Эрагон!

«Я не знаю, как будет правильно». Эрагон понимал, что уже сама его неуверенность свидетельствует о том, что убить незащищенного Слоана было бы неправильно; впрочем, неправильно было бы и вернуть его варденам. Однако пока что он понятия не имел, как еще можно с ним поступить, какой третий выход, не столь исполненный откровенного насилия, может быть найден из этого положения.

Подняв руку, как для благословения, Эрагон прошептал: «Слитха», и тело Слоана сразу обмякло, наручники на бессильно обвисших руках звякнули, и он погрузился в глубокий сон. Убедившись, что заклинание подействовало, Эрагон снова закрыл дверь в темницу, запер ее и поставил возле нее магическую охрану.

«Ты чем это занимаешься, Эрагон?» – спросила Сапфира.

«Погоди, вот соберемся все вместе, и я все объясню».

«Что объяснишь? У тебя ведь никакого плана нет».

«Дай мне немного времени, и он будет».

– Что там было такое? – спросил у него Роран, когда он явился ему на подмогу.

– Слоан. – Эрагон подпер плечом дверь. – Он мертв.

– Как? – Глаза Рорана расширились от удивления.

– Похоже, они сломали ему шею.

На мгновение Эрагону показалось, что Роран ему не поверил. Затем Роран что-то проворчал и сказал:

– Ну что ж, наверно, так оно и лучше. Готов? Раз, два, три...

Вместе они вытащили тяжеленную дверь из рамы и бросили на пол в коридоре. Гулкое многократное эхо прокатилось по подземным переходам. Не медля ни секунды, Роран бросился в темницу, освещенную одной-единственной тонкой свечой. Эрагон последовал за ним.

Катрина, сжавшись в комок, сидела в дальнем углу железной лежанки.

– Оставьте меня в покое, беззубые ублюдки! Я... – Она вдруг умолкла, увидев Рорана, который шагнул к ней. Лицо ее было совершенно бледным от отсутствия солнечного света и свежего воздуха; на нем виднелись грязные потеки, и все же в эту минуту грязное бледное личико Катрины расцвело таким радостным удивлением и такой нежной любовью, что Эрагон подумал: в жизни не доводилось ему видеть лица прекрасней.

Не сводя с Рорана глаз, Катрина встала и дрожащей рукой коснулась его щеки.

– Ты пришел.

– Я пришел.

Смех, смешанный с рыданиями, вырвался у Рорана из груди, и он заключил ее в свои объятия. Они довольно долго стояли так, крепко прижавшись друг к другу.

Затем, чуть отстранившись, Роран трижды поцеловал ее в губы. Катрина наморщила носик и воскликнула:

– Ну и бородачи у тебя! – Изо всех слов, которые она могла сейчас произнести, эти были самыми неожиданными, да и голос Катрины звучал настолько потрясенно и с таким удивлением, что Эрагон не выдержал и засмеялся.

Катрина, похоже, впервые заметила его присутствие. Она осмотрела его с ног до головы, остановила взгляд на его лице, которое изучала долго и с явным замешательством, потом спросила:

– Эрагон, это ты?

– Я, я.

– Он теперь у нас Всадник, – сказал Роран.

– Всадник? Ты хочешь сказать... – Она запнулась; ее, похоже, ошеломило подобное откровение. Поглядывая на Рорана и словно ища в нем защиты, она подтянула его ближе к себе и спряталась ему за спину, подальше от Эрагона, и спросила у Рорана: – Но как же... как ты нашел нас? Кто с вами еще пришел сюда?

– Все это потом. Нам надо убираться из Хелгринда, пока вся Империя не кинулась за нами в погоню.

– погоди! А что с моим отцом? Вы его нашли?

Роран посмотрел на Эрагона, затем снова на Катрину и мягко сказал:

– Мы пришли слишком поздно.

Катрина вздрогнула, зажмурилась, и одинокая слезинка скатилась по ее щеке.

– Да будет так.

Пока они разговаривали, Эрагон лихорадочно пытался сообразить, как ему избавиться от Слоана. От Сапфиры он свои сомнения старательно скрывал, понимая, что она не одобрит подобных настроений. В голове у него начал зарождаться план. Идея была, конечно, несколько необычная, связанная с определенными опасностями и некоторой неуверенностью, но в данных обстоятельствах лишь такой путь представлялся Эрагону возможным.

Прекратив размышления, Эрагон перешел к действиям. Времени у него было мало, а сделать нужно было очень много.

«Джирда!» – крикнул он, простирая руку, и металлические кандалы на запястьях и щиколотках Катрины, вспыхнув голубым огнем, распались на части. Катрина даже подпрыгнула от изумления.

– Магия... – прошептала она.

– Совсем простенькое заклинание, – заверил ее Эрагон, однако она так и шарахнулась, когда он протянул к ней руку. – Катрина, мне нужно убедиться, что Гальбаторикс или его подручные не наложили на тебя какие-нибудь коварные чары, не заставили тебя поклясться в чем-либо на древнем языке.

– На древнем...

Роран не дал ей договорить:

– Эрагон! Сделай это потом, когда мы разобьем лагерь. Мы не можем здесь оставаться.

– Нет. – Эрагон рубанул рукой по воздуху. – Мы сделаем это сейчас. – Нахмурившись, Роран отошел в сторону и позволил Эрагону положить руки на плечи Катрине. – Ты просто смотри мне в глаза, – сказал он ей. Она кивнула и подчинилась.

Впервые у Эрагона возникла причина применить те заветные заклинания, которым обучил его Оромис. С их помощью можно было отыскать следы деятельности других магов. Эрагон хорошо помнил, какие трудности были у него в Эллесмере с запоминанием магических слов из секретных эльфийских свитков. Да и сейчас он чувствовал, что провалы у него в памяти весьма значительны; в трех случаях ему даже пришлось заменить одно слово другими, синонимичными, дабы иметь возможность завершить заклинание.

Эрагон довольно долго смотрел в блестящие, влажные от слез глаза Катрины, одними губами произнося слова древнего языка и время от времени – с ее разрешения – более тщательно изучая то или иное ее воспоминание, ища улики или следы, оставленные кем-то в ее душе. Он старался быть как можно более нежным с нею, в отличие от Двойников, которые тогда так варварски бесцеремонно вторглись в его память во время примерно такой же процедуры в самый первый день после их с Сапфирой прибытия в Фартхен Дур.

Роран стоял на страже, меряя шагами коридор перед распахнутой дверью. С каждой секундой возбуждение его все нарастало; он крутил в руках свой молот и даже постукивал им себе по ляжке, словно отбивая некий музыкальный ритм.

Наконец Эрагон отпустил Катрину.

– Я закончил, – сообщил он.

– И что ты обнаружил? – шепотом спросила она, обхватив себя за плечи, точно ей холодно, и в тревоге морща лоб. Казалось, она ожидает страшного для себя приговора.

В камере вдруг стало очень тихо. Роран перестал шагать и застыл на пороге.

– Ничего, кроме твоих собственных мыслей. На тебе нет никаких чар, ты чиста.

– Ну конечно, она чиста! – прорычал Роран и снова заключил Катрину в объятия.

Втроем они вышли из темницы.

«Брисингр, йет таутхр», – сказал Эрагон, жестом призывая к себе волшебный огонек, который по-прежнему висел под потолком коридора. Повинуясь его команде, светящийся шарик ринулся к нему и занял место точно у него над головой; там он и оставался все это время, слегка подскакивая и покачиваясь, точно кусок плавника на волнах прибоя.

Эрагон шел впереди, уверенно ведя остальных за собой по путанице туннелей и переходов к той пещере, куда принесла их Сапфира. Проходя мимо покрытой слизью стены, он очень внимательно смотрел по сторонам, ожидая нападения оставшихся в живых раззакров и проверяя крепость охранных чар, которыми воспользовался ради безопасности Катрины. Он слышал, как у него на спине Катрина и Роран обмениваются короткими репликами: «Я тебя люблю... Хорст и все остальные в безопасности... Всегда... Ради тебя... Да... Да... Да... Да...» Доверие и любовь, которые они испытывали друг к другу, были столь очевидны, что Эрагон почувствовал даже некую глухую тоску.

Когда до выхода в большую пещеру оставалось шагов пятнадцать и уже был виден неяркий свет впереди, Эрагон погасил волшебный огонь. Но Катрина, сделав еще несколько шагов, вдруг остановилась, прижалась к стене туннеля и закрыла лицо руками.

– Я не могу. Там слишком светло; больно глазам.

Роран тут же заслонил ее собой, чтобы свет не падал ей в лицо.

– Когда ты в последний раз выходила отсюда?

– Не знаю... – В голосе ее послышалась паника. – Не знаю я! С тех пор как меня сюда притащили, ни разу! Роран, я что, слепну? – Она хлюпнула носом и расплакалась.

Ее слезы удивили Эрагона. Он помнил, какой она всегда была мужественной и стойкой. Но, с другой стороны, эта девочка несколько месяцев провела взаперти, в крошечной темноте, не без оснований опасаясь за свою жизнь. «Я бы тоже, наверное, не в себе был, окажись я на ее месте», – подумал он.

– Нет, с тобой все в порядке. Тебе просто нужно понемногу снова привыкать к солнечному свету. – Роран погладил ее по голове. – Ну, идем же, не надо из-за этого так расстраиваться. Все будет хорошо... Теперь ты в безопасности. В безопасности, Катрина! Ты меня слышишь?

– Да, я тебя слышу.

Хотя Эрагону ужасно не хотелось портить одну из тех чудесных котт, которые подарили ему эльфы, он все же оторвал от ее подола кусок ткани и подал его Катрине:

– Вот, завяжи себе глаза. Сквозь эту ткань ты должна вполне прилично видеть, куда ступить, чтобы не упасть или не налететь на что-нибудь.

Она поблагодарила его и завязала себе глаза.

Они снова двинулись вперед, вышли в залитую кровью и солнечным светом основную пещеру – теперь вонь там стала еще более отвратительной, чем прежде, поскольку от тела мертвой «летучей мыши» исходил просто удушающий смрад, – и почти одновременно с ними у выхода из пещеры появилась Сапфира. Увидев дракона, Катрина затаила дыхание и прижалась к Рорану, прямо-таки вцепившись в его плечо.

– Катрина, – сказал ей Эрагон, – позволь представить тебе моего дракона Сапфиру. Она тебя поймет, если ты захочешь ей что-то сказать.

– Это такая честь, госпожа дракониха! – пролепетала Катрина. И даже попыталась сопроводить свои слова вежливым реверансом.

Сапфира поклонилась в ответ и повернулась к Эрагону:

«Я обследовала гнездо этих летхрблака, но нашла там только кости, кости и еще раз кости, включая и те, что пахнут свежей кровью. Раззаки, должно быть, сожрали тех рабов еще ночью».

«Жаль все-таки, что мы их не спасли».

«Я понимаю тебя, но всех нам в этой войне не спасти».

Указав Катрине на спину Сапфиры, Эрагон сказал:

– Полезай и садись в седло. А я через минуту к вам присоединюсь.

Катрина колебалась. Она посмотрела на Рорана, и тот ободряюще кивнул ей:

– Не бойся. Ничего страшного не случится. Это ведь Сапфира принесла нас сюда. – Роран с Катриной обошли труп «летучей мыши» и осторожно приблизились к Сапфире, которая низко присела, почти касаясь брюхом пола, чтобы девушке легче было влезть ей на спину. Сложив руки «ступенькой», Роран подсадил Катрину, и она взобралась на верхнюю часть ноги Сапфиры, а оттуда, цепляясь за ремешки стремян, как за перекладины веревочной лестницы, влезла наверх и уселась в седло. Роран, передвигаясь с ловкостью горного козла, страховал ее подъем.

Эрагон подошел к Сапфире последним; он осмотрел ее раны, резаные и колотые, и постарался хотя бы немного их залечить, основываясь на том, что чувствовала сама дракониха, а также на результатах своего осмотра.

«Да хватит тебе, – проворчала Сапфира, – можешь проявлять свое внимание сколько угодно, когда мы окажемся вне опасности. Я совершенно не собираюсь истекать кровью».

«Мало ли чего ты не собираешься! У тебя, между прочим, еще и внутреннее кровотечение продолжается. И если я сейчас не остановлю его, у тебя могут возникнуть такие осложнения, которых мне уже не исцелить, и к варденам тогда нам уже будет не вернуться. Не спорь; все равно ты меня не переубедишь, а дело-то совсем пустяковое и времени займет совсем немного».

Эрагону действительно потребовалось всего несколько минут, чтобы как-то восстановить здоровье Сапфиры. Раны у нее оказались довольно серьезными, и успешно завершить заклинания Эрагон смог, лишь существенно опустошив пояс Белота Мудрого, позаимствовав оттуда немало магической энергии, а также воспользовавшись собственным запасом сил и незначительно запасом сил самой Сапфиры. Как только он переходил от более серьезной раны к менее значительной, Сапфира начинала протестовать и говорить, что он ведет себя глупо, и требовать, чтобы он оставил ее в покое, однако он не обращал на ее нытье никакого внимания.

После всех этих целительных процедур Эрагон тяжело опустился на пол, чувствуя себя чрезвычайно утомленным. Ткнув пальцем в след, оставшийся на шкуре Сапфиры от жутких клювов летхрблака, он сказал: «Тебе бы надо попросить Арья или еще кого-то из эльфов про-

инспектировать мою работу. Я старался не упустить ни одной дырки, но все же, возможно, что-то и упустил».

«Я, конечно, весьма ценю твою заботу о моем здоровье, – несколько ядовитым тоном откликнулась Сапфира, – но, по-моему, сейчас не время и не место для любовного сюсюканья. Давай наконец, черт возьми, убираться отсюда!»

«Да, пожалуй, пора». – И Эрагон попятился от Сапфиры в сторону находившегося у него за спиной туннеля.

– Ты что? – вскричал Роран. – Залезай быстрее!

«Эрагон!» – встревожилась и Сапфира.

Эрагон только головой покачал:

– Нет. Я остаюсь здесь.

– Ты... – начал было Роран, но яростный рык Сапфиры не дал ему договорить. Она была хвостом по стенам пещеры и грозно топала когтистыми лапами, так что люди и камни одинаково тряслись, точно в предсмертной агонии.

– Послушайте! – крикнул Эрагон. – Один из раззаков по-прежнему разгуливает на свободе. А еще подумайте о том, что может находиться в глубинах Хелгринда: свитки, зелья, сведения о деятельности Империи – все это может оказать нам неоценимую помощь! Раззаки, возможно, даже свои яйца или личинки здесь хранят. Если это так, то я непременно их уничтожу, пока Гальбаторикс не предъявил на них свои права.

А Сапфире Эрагон мысленно сказал вот еще что:

«Я не могу убить Слоана, но я не могу и позволить Рорану или Катрине его увидеть. И позволить ему умереть от голода в этой темнице я тоже не могу, как не могу и позволить слугам Гальбаторикса вновь забрать его с собой. Прости, но мне придется самому как-то решить этот вопрос».

– Как же ты выберешься за пределы Империи? – спросил Роран.

– Бегом. Я же теперь бегаю очень быстро, как эльфы, ты и сам это знаешь.

Сапфира вильнула кончиком хвоста. Это движение было единственным, что ее выдало, прежде чем она бросилась на Эрагона, пытаясь достать его своей лапой с длинными блестящими когтями. Эрагон успел отскочить и броситься в глубь туннеля буквально за секунду до того, как лапища Сапфиры царапнула по тому месту, где он только что стоял.

Сапфира сумела затормозить перед самым входом в туннель и взревела от отчаяния, поскольку последовать за ним в столь узкий лаз никак не могла. Ее огромная туша загородила собою весь свет. Камни тряслись и падали вокруг Эрагона, когда она терзала вход в туннель своими клыками и когтями, выламывая из стены целые куски гранита. Ее злобно оскаленные острейшие клыки длиной с человеческую руку даже немного испугали Эрагона. Теперь он понимал, что чувствует кролик, спрятавшийся в норке, которую раскапывает голодный волк.

«Ганга! (Уходи!)» – крикнул он.

«Нет!» – Сапфира опустила голову на землю и издала печальный, почти похоронный стон; огромные глаза ее смотрели жалобно.

«Ганга! Я люблю тебя, Сапфира, но ты должна уйти».

Она немного попятилась от входа в туннель и фыркнула; потом замыкала жалобно, как кошка:

«Маленький брат...»

Эрагону страшно не хотелось ее мучить, да и отсылать ее прочь тоже не хотелось, и сердце его разрывалось от горя и сочувствия. Он отлично понимал, какой несчастной сейчас чувствует себя Сапфира. Он читал это в ее мыслях, и ее тоска соединялась с его собственной тоской,

что почти лишило его способности действовать. Однако ему каким-то образом все же удалось взять себя в руки.

«Ганга! – решительно повторил он. – И не возвращайся за мной! И никого другого за мной тоже не присылай. Со мной все будет хорошо, не тревожься. Ганга! Ганга!»

Сапфира взвыла от отчаяния, затем нехотя двинулась к выходу из пещеры. Роран, сидя в седле, крикнул:

– Эрагон, полетели! Не упрямясь! Ты для всех слишком важен, чтобы так рисковать...

Шум и шелест драконьих крыльев заглушили его слова. Сапфира, подпрыгнув, вылетела из пещеры, и на фоне чистого неба ее чешуя вспыхнула, точно россыпь ярко-голубых бриллиантов. И Эрагон подумал: до чего же она великолепна! Такая гордая, благородная, такая прекрасная, прекраснее всех прочих живых существ! Никакой олень, никакой лев не могут сравниться благородством и величием с летящим драконом! И он услышал, как она говорит ему:

«Одну неделю. Одну неделю я буду ждать. Затем я вернусь за тобой, Эрагон, даже если мне придется насмерть сразиться с Торном, Шрюкном и тысячью магов Гальбаторикса!»

Эрагон стоял у входа в туннель, пока Сапфира не исчезла из вида и не прервалась мысленная связь между ними. А потом с тяжелым сердцем, сторбившись и отвернувшись от солнечного света и ото всего яркого и живого, что было снаружи, снова пошел по темным туннелям в недра Хелгринда.

Всадник и раззак

Эрагон сидел, освещенный красным волшебным огнем, в том самом коридоре, где вдоль обеих стен тянулись двери темниц; здесь, видимо, было сердце Хелгринда. Посох лежал у Эрагона на коленях.

Каменные стены отражали звук его голоса, монотонно повторявшего одну и ту же фразу древнего языка. Это было не заклинание, а, скорее, послание оставшемуся в живых раззаку. А говорил Эрагон примерно следующее: «Выходи, о пожиратель человеческой плоти, и давай закончим, наконец, этот поединок. Ты ранен, а я смертельно устал. Твои соплеменники мертвы, но и я один. Мы достойные противники. Обещаю, что не стану ни пользоваться магией, ни загонять тебя в ловушку из тех чар, которые уже создал. Выходи, о пожиратель человеческой плоти, и давай закончим, наконец, наш поединок...»

Ему казалось, что он повторяет это бесконечно долго; время, похоже, остановилось здесь, в освещенном тусклым волшебным светом чреве горы, которая и сама целую вечность оставалась неизменной. В итоге даже значение этих монотонно повторяемых слов стало Эрагону безразличным. А еще через некоторое время умолк и его бушующий разум, и странный покой постепенно охватил его...

Эрагон некоторое время помолчал, затем удивленно открыл рот, закрыл его и весь напрягся.

В тридцати футах от него стоял раззак. Кровь капала с подола его изорванных одежд.

– Мой хоз-з-зяин не ж-ж-желает, чтобы я убил тебя, – прошипел он.

– Но разве для тебя это теперь имеет какое-то значение?

– Никакого. Если я паду от твоего пос-с-соха, пусть Гальбаторикс-с-с с-с-сам с-с-с тобой рас-с-справляется, как хочет. Он куда отваж-ж-жнее тебя.

Эрагон рассмеялся:

– Отважнее? Но ведь среди людей героем считают меня, а не его.

– Глупый мальчиш-ш-шка. – Раззак слегка склонил голову набок, глядя мимо Эрагона на труп второго раззака, лежавший чуть дальше. – Она была моей... нас-с-седкой. Мы вмес-с-сте выс-с-сживали наши яйца... А ты с-с-стал значительно с-с-сильнее с-с-с тех пор, как мы с-с-с тобой впервые встретилис-с-сь, Губитель Шейдов.

– Что ж, мне только это и оставалось – стать сильнее или погибнуть.

– Не хочешь ли заключить со мной договор, Губитель Шейдов?

– Какой еще договор?

– Я пос-с-следний представитель с-с-своей рас-с-сы, Губитель Шейдов. Мы – очень древний народ, и я не хотел бы, чтобы о нас-с-с позабыли. Так вот, готов ли ты внушить людям, чтобы они в своих пес-с-нях и с-с-сказках рас-с-сказывали о том ужас-с-се, который мы вам внуш-ш-шали? Чтобы все помнили, что мы – это СТРАХ!

– С какой стати мне это делать?

Опустив клюв на впалую грудь, раззак некоторое время щелкал им, что-то шипел и пришепetyвал, потом сказал:

– А с такой с-с-стати, что тогда я с-с-скажу тебе кое-что, тебе неизвестное! Да, с-с-скажу.

– Ну, так скажи.

– С-с-сперва дай мне с-с-слово! Иначе ты меня обманешь.

– Нет. Выкладывай свою тайну, а потом уж я решу, давать тебе обещание или нет.

С минуту оба молчали и не двигались. Эрагон в напряжении ждал, готовясь в любую минуту отразить нападение раззака. Последовала еще черед пришепetyваний и щелканий клювом, потом раззак сказал:

– Он почти отыс-с-скал ис-с-стинное имя.

– Кто?

– Гальбаторикс.

– Чье имя?

Раззак даже зашипел от бессильной ярости и отчаяния:

– Я не могу с-с-сказать тебе! Имя! Ис-с-стинное имя!

– Мне этого мало.

– Но я не могу!

– Значит, мы с тобой и не договоримся.

– Будь ты проклят, Вс-с-садник! Будь ты проклят! И чтоб тебе не обрес-с-сти ни корней, ни гнезда, ни покоя в душ-ш-ше на этой твоей земле! Чтоб тебе покинуть Алагейзию и никогда туда не воз-з-звращатьс-с-ся!

Эрагон почувствовал, как у него волосы зашевелились на голове, а по спине от ужаса пополз холодный пот. В ушах у него снова зазвучал голос травницы Анжелы, которая, раскинув кости дракона и предсказывая ему будущее, говорила, что его ждет именно такая судьба.

Широкая, как хвост кобылы, кровавая полоса протянулась по полу у ног раззака, когда он откинул назад тяжело набухший кровью плащ и вытащил из-под него лук с вложенной стрелой. Быстро подняв лук и прицелившись Эрагону в грудь, он выпустил тяжелую стрелу, которая должна была пробить противника насквозь.

Но Эрагону удалось на лету отразить ее с помощью посоха.

Затем, словно эта попытка ровным счетом ничего для него не значила и была всего лишь неким предварительным ритуальным действием, предшествующим началу поединка, раззак склонил голову, положил свой лук на пол, поправил капюшон плаща и медленно, но решительно вытянул откуда-то из недр своих темных одежд древний меч. Эрагон тем временем расставил ноги на ширину плеч и крепко ухватился обеими руками за посох.

Они бросились друг на друга одновременно. Раззак попытался с одного удара разрубить Эрагона пополам, от ключицы до бедра, но тому удалось уйти от удара и, перехватив посох, с силой ударить острым концом раззаку под клюв, пробивая хитиновые пластины, прикрывавшие ему горло.

Сильная судорога прошла по телу раззака, и он рухнул на пол.

Эрагон посмотрел в лишенные век черные глаза ненавистного своего врага и вдруг почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Он резко отвернулся к стене, и его вывернуло наизнанку. Утерев рот, он выдернул посох из тела раззака и прошептал:

– За нашего отца! За наш дом! За Карвахолл! За Брома!.. Я отомстил. И пусть твое тело так и сгниет здесь, проклятый раззак.

Затем Эрагон вытащил из темницы Слоана, который по-прежнему был погружен в зачарованный сон, взвалил его на плечи и пошел обратно во внешнюю пещеру. На обратном пути он, положив мясника на пол, обследовал те туннели и проходы, в которые до этого еще не заглядывал. Там он обнаружил немало всяких смертоносных приспособлений, оружия и ядов, в том числе металлические сосуды с маслом сейтхр, которые немедленно уничтожил, чтобы больше никто не смог воспользоваться этим жутким, разъедающим плоть веществом во имя осуществления неких злокозненных планов.

Горячие солнечные лучи прямо-таки обожгли лицо Эрагона, когда он, спотыкаясь, выбрался из хитросплетения туннелей. Стараясь не дышать, он поспешно миновал зловонную тушу мертвого летхрблака и подошел к самому краю огромной пещеры, глядя с высоты Хелгринда на далекие холмы вниз. На западе виднелся столб оранжевого дыма или пыли над той дорогой, что соединяла Хелгринд с Драс-Леоной, и Эрагон догадался, что это скачет отряд всадников.

Правое его плечо и бок уже ныли от усталости, все-таки весил Слоан немало, и он переложил мясника на другое плечо. Смахнув капли пота со лба, он пытался решить, как же ему

все-таки спуститься отсюда на землю да еще и с такой тушей. До земли от края пещеры было что-то около пяти тысяч футов.

– Это же почти целая миля! – прошептал он. – Если бы здесь была хоть какая-то тропинка, я бы запросто спустился даже со Слоаном на плечах. Значит, придется собрать все силы и опустить нас на землю с помощью магии... Да, разумеется. Однако то, что можно было бы сделать постепенно и без особого вреда для себя, может запросто убить меня, если я вздумаю совершить это в несколько секунд. Как говорил Оромис, тело человека не способно достаточно быстро превращать запасы своей энергии в энергию магическую. Значит, придется действовать по этапам, используя в каждый конкретный момент строго определенное количество сил, а потом ждать, пока они восстановятся... А в общем, эти разговоры с самим собой ничем мне не помогут.

И Эрагон, покрепче ухватив Слоана, устремил свой взгляд на узкий выступ примерно в ста футах ниже края пещеры.

«Будет больно», – успел он подумать, готовясь к прыжку, потом рывкнул:

– Аудр! – и слегка приподнялся над полом пещеры. Затем сказал: – Фрам!

И заклятье вынесло его из пещеры, так что некоторое время он просто висел в открытом пространстве, точно облако в небе. Хотя он и привык к полетам на Сапфире, но все же чувствовал себя весьма неуверенно, не видя под ногами ничего, кроме воздуха.

Затем, управляя потоком магической энергии, Эрагон быстро опустил на выступ, и логово раззакров вновь скрылось за той нематериальной «каменной» стеной. Ноги Эрагона скользили по мелкому щебню на краю выступа, и в течение нескольких показавшихся ему вечностью секунд он, затаив дыхание, тщетно пытался найти более надежную опору, боясь даже посмотреть вниз, ибо малейшего наклона головы было бы достаточно, чтобы он кувырком полетел на землю. Он даже невольно вскрикнул, когда его левая нога соскользнула с выступа, и чуть не упал, но обратиться за помощью к магии не успел: его левая нога внезапно нащупала некую спасительную трещину, и он сунул ее туда, восстановив равновесие. Неровные каменные края трещины больно впились ему в лодыжку там, где она не была прикрыта латами, но Эрагон даже внимания на это не обратил: хорошо было уже и то, что он удержался от падения.

Прижавшись спиной к скале, он поправил на плече безжизненное тело Слоана и подумал: «В общем, не так уж и плохо». Сил он, конечно, потратил немало, но все же не столько, чтобы не иметь возможности продолжать спуск. «Ничего, я смогу», – сказал он себе, жадно вдыхая свежий воздух и выжидая, когда сердце перестанет стучать, как бешеное; у него было такое ощущение, словно он не одну милю пробежал с тушей Слоана на плечах. «Ничего, – повторил он, – у меня все получится, как надо...»

Приближавшиеся к Хелгринду всадники вновь привлекли внимание Эрагона. Теперь они были значительно ближе и мчались по засушливой равнине с такой скоростью, что это его встревожило. «Ага, – догадался он, – получается, что кто быстрее, тот и выиграет. Мне необходимо поскорее убраться отсюда. Среди них наверняка есть маги, а я сейчас не в том состоянии, чтобы вступать в сражение с заклинателями Гальбаторикса». И, глянув на Слоана, он прибавил уже вслух:

– Ну что ж, может, и ты мне чем-то поможешь, а? И это, надо отметить, совсем немного, если учесть, что ради тебя я рискую жизнью, а может, и чем похуже. – Но спящий мясник только башкой поворачивал, не просыпаясь.

Эрагон что-то сердито проворчал и, оттолкнувшись от скалы, воскликнул:

– Аудр! – и снова воспарил, как птица. На этот раз он воспользовался силами Слоана – хоть их и было немного, – а не только своими. И они вместе скользнули вдоль покрытой острыми выступами щеки Хелгринда к следующей площадке, выбранной им для приземления.

Эрагон старался спускаться не отвесно, а как бы зигзагом, и в итоге они оказались практически с противоположной стороны Хелгринда, так что его массивные отроги скрыли их от приближавшихся всадников.

Чем ближе они были к земле, тем медленнее происходил спуск. Эрагон испытывал поистине сокрушительную усталость, так что ему пришлось существенно уменьшить то расстояние, которое он теперь мог преодолеть за один раз, и ему становилось все труднее восстанавливать силы после каждой очередной затраты энергии. Даже поднять палец стало теперь так трудно, что это его раздражало. Голова кружилась, дурнота, душным плащом обволакивая его, туманила мысли и чувства; теперь даже самый твердый камень казался его усталому телу мягким, как подушка.

Когда же Эрагон, наконец, упал на согретую солнцем землю – он был слишком слаб, чтобы удержать себя и Слоана от падения в грязь, – то так и остался лежать ничком, нелепым образом подогнув под себя руки. У себя под носом он видел мелкие камешки с желтоватыми вкраплениями золотистого топаза и не сводил с них полузакрытых глаз. Слоан лежал у него на спине, точно свинцовая чушка. Воздух медленно вытекал из легких Эрагона, и, казалось, вдохнуть он не может ни капли. Все вокруг казалось затянутым какой-то пеленой, точно солнце закрыла темная туча. Сердце билось редкими толчками, то и дело останавливаясь, и удары его больше напоминали предсмертный трепет.

На разумные мысли Эрагон тоже больше не был способен, хотя где-то в глубине души сознавал, что вот-вот умрет. Его это не пугало; напротив, подобная перспектива даже как-то успокаивала: он так устал, что воспринимал возможную смерть всего лишь как избавление от этой ущербной оболочки – его тела – и возможность отдыхать хоть целую вечность. Откуда-то прилетел здоровенный шмель размером с его большой палец. Покружив над головой Эрагона, он обследовал его ухо, затем принялся хоботком ощупывать камни; его привлекали желтые блески топаза. Шмелю, наверное, казалось, что это мелкие ромашки, какие цветут среди здешних холмов. Крылышки шмеля так и сверкали на солнце; каждый волосок на его полосатом тельце был отчетливо виден. Его гудение напоминало сигнал вечерней зори, отбиваемый на барабане. С мохнатых ножек сыпалась цветочная пыльца.

Этот шмель был таким шумным, таким живым и таким красивым, что Эрагону как-то сразу стало легче и вновь захотелось жить. Мир, в котором существовало такое удивительное существо, был прекрасен, и это был его, Эрагона, мир.

Собрав всю свою волю в кулак, он высвободил левую руку, ухватил ею жесткую ветку какого-то росшего рядом кустарника и, точно пиявка, клещ или еще какой-то паразит, высосал из растения жизненную силу, отчего оно сразу помертвело и засохло. Даже столь незначительного притока энергии Эрагону хватило, чтобы действовать более разумно, однако он вдруг испытал настоящий ужас: восстановив в душе желание жить, он не обнаружил ни в себе, ни вокруг ничего, кроме тьмы.

Тогда, чуть продвинувшись вперед, он схватил ветку другого куста и втянул в себя его жизненную силу, за этим кустом последовал третий, затем четвертый и так далее, пока он не почувствовал, что запас энергии в нем почти полностью восстановился. Когда же, встав, он оглянулся на полосу засохших коричневых кустов, тянувшуюся за ним, рот его невольно наполнился горечью.

Эрагон понимал, что в последние часы слишком беспечно обращался с магией, и эта его беспечность могла дорого стоить варденам, ибо он запросто мог сейчас погибнуть. Вспоминая собственное безрассудство, он даже поморщился. «Бром бы мне просто уши надрал, если бы узнал, во что я по собственной неосторожности вляпался», – думал он.

Чувствуя, что вполне пришел в себя, Эрагон подхватил с земли бесчувственное тело Слоана и двинулся на восток, уходя все глубже в заросли молодняка и старательно петляя. Уйдя подальше от Хелгринда, он минут через десять остановился, чтобы посмотреть, далеко ли его

преследователи, и увидел облако пыли у подножия горы; это, видимо, означало, что всадники достигли черной каменной твердыни.

Эрагон улыбнулся. Даже если среди этого отряда и есть маги Гальбаторикса, они слишком далеко от него, чтобы мысленно определить, где они со Слоаном находятся. «К тому времени, как они обнаружат тела раззаков, – решил Эрагон, – надо было бы пробежать про крайней мере лигу, и тогда уж вряд ли кто-то из них сможет меня обнаружить. И потом они наверняка станут искать дракона и Всадника, а не пешего странника».

Довольный тем, что не нужно опасаться сиюминутного нападения, Эрагон двинулся дальше тем же ровным, широким шагом, что и раньше; так, без особого напряжения, он мог идти хоть целый день.

Над головой ослепительно сияло золотисто-белое солнце. Впереди на много лиг расстилалась дикая местность, лишенная каких-либо следов пребывания человека; вблизи не было ни одного селения. А в сердце Эрагона бушевала радость: наконец-то с проклятыми раззаками было покончено!

Наконец-то его жажда мести была полностью удовлетворена. Наконец-то он исполнил свой долг по отношению к Гэрроу и Брому. Наконец-то сбросил с себя тяжкий груз страха и гнева, который так мучительно угнетал его с тех самых пор, как раззаки впервые появились в Карвахолле. На то, чтобы найти их и уничтожить, потребовалось гораздо больше времени, чем он рассчитывал, но теперь дело было сделано, и, надо сказать, это было нелегкое дело. И Эрагон позволил себе расслабиться, наслаждаясь той радостью, которую принесло ему решение столь трудной задачи.

И все же, как ни странно, у вкуса этой его победы был отчетливый горький привкус: неожиданное ощущение потери. Охота на раззаков была одной из последних нитей, связывавших его с прежней жизнью в долине Паланкар, и ему страстно хотелось возобновить эту связь, сколь бы печальные и горькие воспоминания она ни вызывала в его душе. Мало того, выполнение этой задачи дало ему цель в жизни, определив ее направление; ведь именно по этой причине он, собственно, и покинул некогда родной дом. А теперь, когда эта цель была достигнута, в душе у него возникла некая пустота – в том самом месте, где некогда жила его пламенная ненависть к раззакам.

Эрагона это потрясло. Оказывается, ему даже жаль, что с раззаками покончено? И он поклялся в душе, что впредь никогда не совершит подобной ошибки, все свои помыслы связав с одной-единственной конкретной целью и став, по сути, ее рабом. «Я не желаю думать только о том, как мне победить Муртага или Гальбаторикса, чтобы после победы над ними не чувствовать подобной пустоты и отсутствия желания дальнейших перемен в своей жизни! – сказал он себе. – Это может закончиться тем, что я сам попытаюсь продлить этот конфликт до бесконечности, чтобы не думать о том, что будет после его завершения». И Эрагон решил отбросить свои ненужные сожаления и сосредоточиться на том, что теперь ему явно значительно полегчало, ибо он теперь свободен от бесконечных поисков, которые сам себе навязал, и единственные его теперешние обязательства связаны только с тем положением, которое он занимает в борьбе варденов.

Эти мысли взбодрили его настолько, что даже походка его стала более легкой. Теперь, после гибели раззаков, он, наконец, сможет устроить свою жизнь так, как ему самому того хочется, основываясь не на том, кем он был когда-то, а на том, кем он стал – Всадником, повелителем дракона.

Эрагон улыбнулся, глядя вдаль, на неровную линию горизонта, потом весело рассмеялся, не думая о том, что его кто-то может услышать, и быстрым шагом двинулся дальше. Его смех гулко разносился по молодому леску, и все вокруг казалось ему сейчас новым, прекрасным и полным обещаний.

Пеший поход

От голода у Эрагона забурчало в животе.

Он лежал на спине, чуть согнув ноги в коленях и поглаживая расслабленные ляжки. Он слишком долго шел, неся на спине слишком большой груз, и теперь голодное брюхо его бунтовало так, словно в недрах земли гудела мощная подземная река.

Звук был таким громким, что Эрагон вскочил и схватил свой посох.

Ветер просвистел над пустынной местностью. Солнце уже село, и сумерки окутали все вокруг синими и фиолетовыми тонами. Стояла полная тишь, лишь слегка дрожали мелкие травинки да пальцы Слоана то сжимались, то разжимались во сне – видно, ему что-то снилось. Становилось все холоднее; ночь обещала быть не слишком ласковой к путникам.

Эрагон постарался расслабиться; он даже позволил себе слегка улыбнуться.

Впрочем, улыбка быстро сошла с его лица, поскольку он понял, что вызвало у него такой приступ голода. Сражение с раззаками, множество использованных заклятий, целый день быстрой ходьбы, даже бега, с тяжелой ношей на плечах – все это, естественно, отняло у Эрагона столько сил, что он испытывал чудовищный голод и, наверное, слопал бы сейчас все что угодно; он с тоской вспоминал тот пир, который приготовили в его честь гномы, когда он посещал их в Тарнаге. Жаль, что тогда он так мало съел! Вспоминаая, какие запахи исходили от целиком зажаренного гигантского кабана нагры – горячего, сочного, пропитанного медом и специями, исходящего растопленным жиром, – Эрагон невольно глотал слюнки.

Дело в том, что никаких запасов провизии у него с собой не было. Воду, правда, он легко мог отыскать или, в крайнем случае, даже извлечь ее из почвы. А вот найти еду в этих диких, безлюдных местах было не только гораздо труднее, но и ставило его перед такой моральной дилеммой, решения которой он очень старался избежать.

Оромис немало своих уроков посвятил климату и географическим особенностям отдельных частей Алагейзии, так что Эрагон, немного осмотревшись, легко сумел определить, есть ли среди тех растений, что ему попадались, съедобные. К сожалению, таких почти не было, да и в том малом их количестве, на которое он мог рассчитывать, не имелось ни одного достаточно крупного, чтобы извлеченной из него энергии хватило на двоих. Местное зверье наверняка устраивало кладовые, запасаясь впрок семенами и плодами, но Эрагон понятия не имел, где эти потайные кладовые искать. Да и вряд ли какая-то пустынная мышь была способна запасти больше, чем несколько глотков пищи.

Таким образом, у него оставалось два выхода, но ни один из них ему не нравился. Он мог бы – как делал это и раньше – высосать энергию из растений и насекомых поблизости от лагеря. Ценой этому был бы еще один клочок совершенно мертвой земли, где не осталось в живых ничего, даже самых крошечных существ. И хотя это, безусловно, помогло бы Эрагону и далее держаться на ногах, но все же было бы недостаточным, чтобы удовлетворить запросы его невероятно голодного брюха.

А еще, конечно, можно было бы поохотиться.

Эрагон нахмурился и, крутанув в воздухе посох, с силой воткнул его в землю. После того как он столько раз проникал в мысли различных животных и научился понимать их надежды и чаяния, у него вызывала отвращение одна лишь мысль о том, чтобы хоть одно из них превратить в собственную пищу. Тем не менее Эрагон совершенно не собирался ослабеть настолько, что слуги Империи запросто смогли бы взять его в плен только потому, что он решил пощадить какого-то кролика и остаться без ужина. И Роран, и Сапфира прожужжали ему все уши, утверждая, что все живые существа на свете выживают только за счет того, что едят кого-то другого. «До чего же у нас жестокий мир, – думал Эрагон, – и я ничего не могу изменить в его устройстве... Возможно, эльфы и правы, что избегают питаться плотью живых существ, однако

же сейчас моя потребность в ней слишком велика. И если уж обстоятельства подталкивают меня к подобному решению, я не желаю чувствовать себя виноватым. Разве ж это преступление – насладиться вкусом ветчины, или форели, или еще какого-нибудь вкусного кушанья?..»

И он продолжал убеждать себя с помощью различных аргументов, хотя отвращение при мысли о подобной трапезе ему все же полностью подавить не удалось. Еще почти полчаса он столбом стоял на одном месте, не в силах совершить то, что подсказывали ему логика и здравый смысл. Затем, поняв, что уже слишком поздно, он обругал себя за бессмысленную трату времени; ему ведь нужно было пользоваться каждой минутой отдыха, чтобы набраться сил.

Заставив себя совершенно успокоиться, Эрагон стал мысленно ощупывать местность, пока не обнаружил двух крупных ящериц и спрятавшихся в своей подземной норке грызунов, похожих одновременно и на крыс, и на кроликов, и на белок. «Дейя!» – сказал Эрагон и убил ящериц и одного из незнакомых грызунов. Зверьки умерли мгновенно, ничего не почувствовав, но он все-таки скрежетал зубами, мучительно вспоминая, какое яркое пламя охватило их души.

Ящериц Эрагон вытащил руками, перевернув камни, под которыми они прятались. А вот грызуна пришлось вытаскивать из подземной норы с помощью магии. Он действовал очень осторожно, чтобы не разбудить остальных зверьков, когда извлекал тушку их собрата на поверхность; ему казалось чрезвычайно жестоким пугать их тем, что некий невидимый хищник сумел убить кого-то из них в самом что ни на есть потайном их убежище.

Эрагон выпотрошил, освежевал и обмыл тушки ящериц и грызуна, закопал все отходы поглубже, чтобы уберечь от падальщиков. Затем, собрав несколько плоских камней, он сложил нечто вроде небольшого очага, разжег в нем огонь и принялся жарить мясо. Без соли он ничем не мог сдобрить свое жаркое, однако некоторые местные растения, когда он растер их пальцами, придали мясу довольно приятный аромат и, самое главное, отбили запах крови, так что Эрагон как следует натер ими тушки.

Грызун был готов первым, поскольку оказался поменьше ящериц. Приподняв «крышку» своего самодельного очага, Эрагон поднес мясо ко рту и поморщился; он бы, наверное, так и остался бы сидеть, охваченный отвращением, если бы не нужно было присматривать за жарившимися на огне ящерицами. Это отвлекло его настолько, что он подчинился настоятельным требованиям своего голодного организма и стал есть.

Труднее всего было сделать первый глоток. Мясо застревало в горле, а вкус горячего жира показался и вовсе тошнотворным. Эрагона передернуло. Он дважды сглотнул всухую, и тошнота почти прошла. После этого стало легче. Он был даже рад тому, что мясо оказалось почти безвкусным – отсутствие вкуса помогало ему забыть, что именно он ест.

Грызуна он съел целиком, прибавив к нему еще и часть ящерицы. Обглаживая тонкую лапку, он удовлетворенно вздохнул и задумался; ему казалось весьма печальным, что он съел это жаркое почти с удовольствием. Впрочем, слишком уж он был голоден. Ничего, главное все же, что он сумел преодолеть себя и нарушить собственные запреты. «Возможно, – размышлял Эрагон, – когда я вернусь... и если окажусь за столом у Насуады или у короля Оррина, и там подадут мясо... то, может быть – если, конечно, мне самому захочется и будет невежливо отказаться, – смогу съесть несколько кусочков... Я, конечно, не стану есть столько, сколько ел раньше, но не буду и проявлять такую строгость в еде, как эльфы. Умеренность – более мудрая политика, по-моему, чем фанатизм».

Свет костерка падал на руки Слоана, лежавшего примерно в двух футах от огня. Эрагон глаз не мог отвести от этих рук. Длинные костлявые пальцы мясника с опухшими суставами и длинными ногтями были иссечены десятками тонких белых шрамов; ногти, всегда такие аккуратные, за которыми он в Карвахолле тщательно ухаживал, были грязными и обломанными, а некоторые и вырваны. Многочисленные шрамы были свидетельствами тех промахов, которые совершил Слоан за десятилетия своей любви к разделочным ножам. Кожа на руках у него была

морщинистой и старой; взбухшие вены напоминали толстых червей, но сами руки казались еще вполне крепкими и сильными.

Эрагон присел возле мясника на корточки и обхватил колени руками.

– Я же не могу просто взять и отпустить его, – прошептал он, понимая, что если поступит так, то Слоан в итоге вполне сможет выследить, куда отправились Роран и Катрина, а этого ни в коем случае допустить нельзя. Кроме того, даже не имея намерения убить Слоана, Эрагон не сомневался, что мясник должен быть наказан за совершенные им преступления.

Ни Гэрроу, ни Эрагон с Бирдом, например, никогда особенно близки не были, но Эрагон знал, что это хороший человек, честный и надежный; а еще он помнил жену Бирда, Фельду, и их детишек. Да и в доме у них всегда было хорошо, когда Гэрроу, Рорану и Эрагону случалось, задержавшись в Карвахолле, ужинать там и ночевать. А потому гибель Бирда произвела на Эрагона очень сильное впечатление; преступление Слоана казалось ему отвратительным и жестоким; да и семье сторожа было бы важно восстановить справедливость, даже если они об этом никогда и не узнают.

Но что все-таки следует считать для Слоана должным наказанием? «Я отказался быть палачом, – думал Эрагон, – мне хотелось остаться всего лишь судьей. Но что я знаю о законах?»

Поднявшись на ноги, он подошел к Слоану и, наклонившись к самому его уху, сказал:

– Вакна!

Слоан вздрогнул и мгновенно проснулся, скребя по земле жилистыми руками. Остатки его век задрожали, когда он инстинктивно попытался их поднять и осмотреться. Однако же это ему не удалось: он был навсегда заключен в ловушку собственной ночи.

– На вот, поешь, – сказал Эрагон и подтолкнул к Слоану оставшуюся половинку жареной ящерицы. Тот хоть и не мог видеть пищу, но наверняка ее почувал.

– Где я? – спросил Слоан и дрожащими руками принялся ощупывать камни и траву вокруг. Затем коснулся своих израненных запястий и страшно удивился, не обнаружив наручников.

– Эльфы – а также когда-то и Всадники – называли эту местность Мирнатор, – сказал Эрагон. – Гномы называют ее Вергхадн, а люди – Серая Пустошь. Если этого тебе недостаточно, то могу сказать, что мы в нескольких лигах от Хелгринда, где ты сидел в темнице.

Слоан беззвучно прошептал слово «Хелгринд» и спросил:

– Это ты меня спас?

– Я.

– А как же...

– Довольно вопросов. Сперва поешь.

Его резкий тон подействовал на мясника, точно удар кнута; он скорчился и ощупью потянулся к жареной ящерице. Эрагон подтолкнул ее к нему поближе, а сам отошел на прежнее место у сложенного из камней очага и бросил на светившиеся в темноте угли несколько пригоршней земли, чтобы кто-нибудь случайно не заметил их лагерь, хотя вряд ли поблизости был кто-то еще.

После первых осторожных попыток определить, что за еду дал ему Эрагон, Слоан так и впился зубами в ящерицу, стараясь запихнуть в рот как можно больше мяса, и глотал куски, почти не жуя. Он обглаживал каждую косточку дочиста, как человек, который имеет самые лучшие представления о том, как устроены животные и как лучше обчистить их кости. Косточки он аккуратно складывал в кучку слева от себя. Когда последний кусочек хвоста ящерицы исчез в глотке Слоана, Эрагон протянул ему вторую, еще не тронутую рептилию. Слоан буркнул что-то в знак благодарности и продолжил набивать утробу, не делая ни малейшей попытки хотя бы утереть жир с губ и подбородка.

Но вторая ящерица оказалась слишком велика даже для Слоана, и он не смог ее прикончить. Он съел ее почти до половины, а то, что осталось, аккуратно положил на горку обгло-

данных костей. Затем он выпрямился, вытер губы тыльной стороной ладони, заправил за уши отросшие патлы и сказал:

– Спасибо тебе, странный господин, за гостеприимство и доброту. Я так давно как следует не ел, что это твоё угощение кажется мне сейчас дороже даже свободы... Могу ли я спросить, не знаешь ли ты чего о моей дочери Катрине и о том, что с нею случилось? Она вместе со мною была заточена в Хелгринд. – В голосе мясника слышались отзвуки великого множества самых различных и противоречивых чувств: почтительность и страх, готовность подчиниться неведомой силе и надежда, тревога за судьбу дочери и решимость выжить во что бы то ни стало, и решимость эта была столь же неколебима, как горы Спайна. Единственное, что Эрагон рассчитывал услышать, но так и не услышал, это то насмешливое презрение, с каким Слоан обычно разговаривал с ним при встречах в Карвахолле.

– Она сейчас с Рораном.

У Слоана перехватило дыхание.

– С Рораном! Как же он сюда попал? Это что же, раззаки и его в плен взяли? Или...

– Раззаки и те, на ком они ездили, мертвы.

– Неужели это ты их убил? Но как?.. И кто?.. – Слоан на мгновение застыл, словно споря с собственным телом, которым не в силах был как следует управлять, потом щеки и губы его бессильно обвисли, плечи поникли, и он ухватился за ветку куста, чтобы не упасть. Качая головой, он бормотал: – Нет, нет, нет... Нет! Этого не может быть! Раззаки говорили об этом, они требовали ответов, которых у меня не было, но я ведь думал... Да с другой стороны, кто бы поверил?.. – Грудь его вздымалась с такой силой, что Эрагон даже подумал, как бы она не разорвалась. Задышающимся шепотом, словно его только что ударили под дых, Слоан прохрипел: – Неужели... Нет, не может быть! Ты ведь, конечно же, не тот самый Эрагон?

Ощущение неизбежности окутало Эрагона. Он чувствовал себя жалким инструментом в руках судьбы, этого безжалостного повелителя, и ответил соответственно, нарочито замедлив свою речь и каждое слово роняя тяжело, точно удар молота, и отчетливо сознавая свой нынешний статус.

– Да, я тот самый Эрагон. Мало того. Я еще и Аргетлам, и Губитель Шейдов, и Огненный Меч. А дракона моего зовут Сапфира; она известна также под именами Бьяртскулар и Огненный Язык. Нашим учителем мы считаем Брома, который тоже когда-то давно был Всадником; а также мы учились у эльфов и гномов. Мы сражались с ургалами, с шейдом и с Муртагом, сыном Морзана. Мы служим варденам и народу Алагейзии. И это я принес тебя сюда, Слоан, сын Алденса, и намерен судить тебя за убийство Бирда, за предательство жителей Карвахолла, которых ты выдал имперским войскам.

– Ты лжешь! Ты не можешь быть...

– Лгу? – взревел Эрагон. – Нет, мясник, я не лгу! – И он мысленно проник в сознание Слоана, заставив мясника вспомнить все то, что подтверждало справедливость его, Эрагона, слов. Ему также хотелось, чтобы Слоан почувствовал его силу, его нынешнее могущество и понял, что он, Эрагон, уже более не просто человек. И хотя даже самому Эрагону эта последняя мысль не очень-то нравилась, он все же наслаждался тем, как легко сейчас ему управлять сознанием этого человека, столько раз обижавшего и оскорблявшего и самого Эрагона, и его семью и доставившего столько горя жителям Карвахолла. Сознание Слоана он покинул довольно быстро, пробыв там примерно с минуту. Мясника била дрожь, однако на землю он не рухнул и не стал пресмыкаться, как ожидал от него Эрагон. Напротив, через какое-то время Слоан взял себя в руки, и поведение его совершенно переменялось; теперь он был крепок, как кремь, и холодно заявил Эрагону:

– Черт возьми, Эрагон Ничейный Сын, я вовсе не обязан раскрывать перед тобой душу! А впрочем, постарайся понять: все это я сделал только ради Катрины.

– Я знаю. И только по этой причине ты до сих пор еще жив.

– Что ж, делай со мной, что хочешь. Мне все равно, раз она в безопасности. Ну же, давай! Что ты еще можешь со мной сделать? Избить до полусмерти? Жечь каленым железом? Глаза мне уже выкололи, так что осталось только руку отнять. Или, может, ты оставишь меня умирать здесь от голода? Если, конечно, меня снова не возьмут в плен слуги Империи...

– Я еще не решил.

Слоан кивнул, резким движением запахнул свои изорванные лохмотья, пытаясь хоть как-то защититься от ночного холода, и гордо выпрямился, точно взятый в плен воин. Он смотрел безжизненными пустыми глазницами во тьму, окутавшую их лагерь, и ни о чем не молил, не просил его помиловать, не отрицал своих преступлений, не делал попытки подкупить Эрагона. Он просто сидел и ждал, точно в доспехи закованный в абсолютное стоическое молчание.

На Эрагона его мужественное поведение, надо сказать, произвело сильное впечатление.

Темное пространство вокруг них казалось бескрайним, но Эрагону отчего-то представлялось, что оно потихоньку смыкается, точно пытаясь поймать их в невидимые сети, и от этого ощущения необъяснимая тревога, которую он испытывал из-за необходимости делать столь непростой выбор, становилась только сильнее. «Ведь от моего приговора зависит вся его дальнейшая жизнь», – думал он.

На время отодвинув вопрос о наказании Слоана, Эрагон прикинул: а что он, собственно, о нем знает? Этот человек самозабвенно любит свою дочь – собственнической, эгоистичной, какой-то нездоровой любовью, имеющей, впрочем, определенную связь с той ненавистью и страхом, которые он испытывает к Спайну, месту гибели его жены Измиры и вечному источнику его тоски. Он сторонится своих родственников, но очень гордится своей работой и любит ее. А еще Эрагон вспомнил кое-какие истории о трудном детстве Слоана. Впрочем, он и сам очень неплохо знал, каково это – жить в Карвахолле, не имея родителей.

Эрагон так и сяк крутил эти разрозненные сведения и воспоминания, размышляя над их сутью и смыслом и пытаясь пригнать их друг к другу, точно разрозненные детали головоломки. Это плохо ему удавалось, однако он был упорен и вскоре выследил немало связей между событиями и чувствами, наполнявшими жизнь Слоана, и у него получился не совсем ясный, но все же вполне правдоподобный портрет того, кем был этот непростой человек. Вплетя в свой мысленный гобелен последнюю нить, Эрагон почувствовал, что вроде бы стал понимать даже причины предательства Слоана. В общем, теперь он до некоторой степени чувствовал этого человека.

И не только чувствовал; ему казалось, что он его понимает, что ему удалось вычленить те основы, что составляют личность Слоана, те элементы, без которых он оказался бы совершенно иным человеком. И тут ему на ум пришли три слова древнего языка, которые, казалось, полностью вмещали в себя сущность Слоана, и, ни секунды не думая, Эрагон неслышно прошептал эти три слова.

Слоан не мог этого слышать, однако же вздрогнул, впился пальцами в ляжки, и на лице его возникло тревожное выражение.

Холодные мурашки поползли по телу Эрагона, по его рукам и ногам, когда он увидел, как мясник реагирует на его, Эрагона, раздумья. Он даже попытался найти какое-то объяснение подобной реакции, и каждое из этих объяснений оказывалось более невероятным и запутанным, чем предыдущее. Лишь одно из них в итоге показалось ему более-менее приемлемым, но даже и с ним он никак не мог полностью согласиться. Он снова прошептал три заветных слова, и, как и в предыдущий раз, Слоан беспокойно заерзал и почти неслышно пробормотал: «Кто там топчет мою могилу?..»

Эрагон медленно выдохнул, не в силах поверить собственной догадке. Однако проделанный опыт не оставлял места сомнениям: он совершенно случайно угадал *истинное имя* Слоана! Это открытие даже слегка ошеломило его. Знать чье-то истинное имя – тяжкая ответственность, ибо это дает полное право властвовать над тем, кому это имя принадлежит. Подобные

знания таят в себе множество тайных опасностей, а потому эльфы, например, крайне редко открывают кому-то свои истинные имена, а уж если открывают, то только тем, кому доверяют без оглядки.

Прежде Эрагону никогда еще не доводилось узнать чье-то истинное имя. И он всегда думал, что если это случится, то только как некий дар от того, кого он очень любит, ради кого готов даже жизнью своей пожертвовать. То, что он сам и без согласия Слоана узнал его истинное имя, было просто стечением обстоятельств, и Эрагон оказался совершенно к этому не готов, а потому пребывал в неуверенности, не зная, что с этим знанием делать. Особенно его угнетало то, что истинное имя Слоана он мог узнать только в том случае, если понимал этого человека лучше, чем самого себя, тогда как своего собственного имени Эрагон так и не знал, и у него не было на этот счет ни малейших догадок.

Вот что совершенно выбило его из колеи. Он подозревал, зная природу своих врагов, что о себе самом ему известно далеко не все и это вполне может оказаться для него смертельно опасным. И вот сейчас, в эту самую минуту, Эрагон поклялся себе, что непременно уделит значительно больше времени изучению собственного «я» и попытается все же узнать, каково его истинное имя. Он очень надеялся, что в этом ему смогут помочь Оромис и Глаэдр.

Какие бы сомнения, какую бы бурю чувств ни вызвало в его душе случайное обнаружение истинного имени Слоана, это все оказалось для него полезным, ибо дало ему некую подсказку относительно того, как ему поступить с мясником. Однако, хотя общий план действий был ему теперь ясен, он все же некоторое время еще прикидывал, удастся ли ему воплотить этот план в жизнь именно так, как хотелось бы.

Слоан слегка качнул головой и повернулся к Эрагону, когда тот встал и сделал несколько шагов за пределы круга, освещенного слабеньким светом костерка.

– Куда ты идешь? – спросил Слоан.

Эрагон не ответил и ушел во тьму.

Он бродил по этой дикой местности довольно долго, пока не отыскал низкий широкий камень, покрытый пятнами лишайников с чашеобразным углублением посредине.

– Адурна рийза! – сказал он, и вокруг этой естественной каменной чаши возникло множество изящных изогнутых серебристых трубочек, по которым в нее стали по капельке стекать те запасы влаги, что таились в почве. Когда углубление в камне наполнилось водой и эта вода, вызванная силой магического заклятья, стала возвращаться обратно в землю, Эрагон остановил чары.

Он выждал, когда поверхность воды станет абсолютно спокойной и застывшей, как зеркало, и опустился перед камнем на колени. В тихой воде плавали отражения звезд.

– Драумр копа! – сказал Эрагон и прибавил еще несколько древних слов, составлявших заклинание, позволяющее видеть других на расстоянии и говорить с ними. Оромис научил его пользоваться этим «магическим зеркалом» за два дня до того, как они с Сапфирой улетели из Эллесмеры в Сурду.

Вода казалась совершенно черной, а отражавшиеся в ней звезды были похожи на горящие свечи. Вскоре в центре водяного зеркала появилось светлое пятно овальной формы, затем изображение стало более четким, и Эрагон узнал внутреннее убранство большого белого шатра, в котором горел лишенный пламени красный эльфийский светильник эрисдар.

Обычно Эрагону не удавалось даже в «магическом кристалле» увидеть человека или место, которых он никогда прежде не видел, однако эльфийское «говорящее зеркало» обладало возможностью передать нужное изображение любому, кто в него заглянет. Но и «по ту сторону» собеседник Эрагона видел и его самого, и то, что его окружало. Таким образом могли общаться друг с другом даже совершенные незнакомцы, находясь при этом в любом уголке света, что было особенно важно, скажем, во время войны.

В поле зрения Эрагона попал высокий эльф с серебристыми волосами и в доспехах, явно поврежденных в бою. В нем Эрагон узнал лорда Даэтхедра, советника королевы Имиладрис и друга Арьи. Если Даэтхедр и был удивлен, увидев Эрагона, то никак этого не проявил; он лишь поклонился, привычным жестом коснулся двумя пальцами губ и сказал своим певучим голосом:

– Атра эстерни оно тхельдуин, Эрагон Шуртугал.

Эрагон в точности повторил жест эльфа и ответил тоже на древнем языке:

– Атра дю эваринья оно варда, Даэтхедр-водхр.

– Рад узнать, что у тебя все хорошо, Губитель Шейдов, – продолжил на языке эльфов Даэтхедр. – Арья-дрётнингу несколько дней назад сообщила нам о твоей миссии, и мы весьма тревожились о тебе и Сапфире. Я надеюсь, тебе все удалось?

– Да, но у меня возникла некая непредвиденная проблема, и я, если можно, хотел бы получить мудрый совет королевы Имиладрис, ибо не знаю, как мне поступить.

Даэтхедр прикрыл веками свои кошачьи глаза, отчего они превратились в две изогнутые щелки, а на лице его появилось непроницаемое и довольно свирепое выражение.

– Я знаю, ты не попросил бы об этом без крайней нужды, Эрагон-водхр, но имей в виду: снятый с плеча лук может столь же легко и ранить самого лучника, и его врага... А теперь, если угодно, подожди: я справлюсь, согласится ли королева побеседовать с тобой.

– Конечно, я подожду. От всей души благодарю тебя за содействие, Даэтхедр-водхр.

Когда эльф отвернулся от волшебного зеркала, Эрагон невольно поморщился. Ему не нравилась чрезмерная светскость эльфов, но больше всего он ненавидел то, что никогда нельзя сразу разобраться в их витиеватых заявлениях. «Неужели нельзя ответить прямо? О чем он предупреждал меня? То ли о том, что плести заговоры вокруг королевы – дело опасное и напрасное, или же о том, что Имиладрис и есть тот самый снятый с плеча лук, готовый выстрелить? А может, он имел в виду нечто совсем иное?»

Однако же он решил, что все не так уж плохо, раз ему удалось связаться с эльфами. Они окружили свое убежище такими невероятно мощными магическими средствами защиты, что проникнуть в волшебный лес Дю Вельденварден было почти невозможно ни мысленно, ни физически. Пока эльфы находились в своих лесных городах, с ними можно было общаться только посредством посланников. Но теперь, когда они вышли в поход и покинули свои тенистые сосновые леса, их великая магия более уже не являлась столь непреодолимой защитой, вот почему и Эрагону удалось установить с ними связь с помощью волшебного зеркала.

Однако прошла минута, вторая, но Даэтхедр не появлялся. И Эрагон начинал тревожиться.

– Ну же! – шептал он и тут же оглядывался, чтобы убедиться, что никто, ни зверь, ни человек, не подкрался к нему и не подслушивает, пока он смотрит в эту каменную чашу с водой.

Наконец со звуком, напоминающим звук рвущейся материи, распахнулся полог шатра; оттуда стремительно вышла королева Имиладрис и направилась прямо к волшебному зеркалу. На ней были блестящие доспехи, напоминавшие золотистую чешую, кольчуга, поножи и изящный шлем, украшенный драгоценными камнями, из-под которого водопадом падали на плечи ее роскошные черные кудри. Отделанный белым мехом капюшон красного плаща был отброшен, и вся она вообще напоминала Эрагону грозовую тучу, в которой сверкают молнии. В левой руке Имиладрис сжимала обнаженный меч, а правая была как будто в алой перчатке, и лишь через несколько секунд Эрагон понял, что эта рука у нее окровавлена.

Разлетающиеся брови Имиладрис чуть сдвинулись, когда она глянула на Эрагона. Этим жестом она невероятно походила на Арию, хотя ее стать и повадка были куда более царственными, чем у дочери. Имиладрис была одновременно прекрасна и ужасна, точно устрашающая богиня войны.

Эрагон коснулся двумя пальцами губ, затем совершил весьма сложное движение правой рукой, выражая королеве эльфов свою верность и почтение, затем первым, как и полагалось, произнес первую строку их длинного традиционного приветствия, ибо Имиладрис была, безусловно, значительно выше его по положению. Она ответила соответствующим образом, и Эрагон, пытаясь доставить ей удовольствие и продемонстрировать свое знание эльфийских обычаев, завершил этот обмен приветствиями третьей строкой официальной формулы:

– И да пребудет мир в сердце твоём!

Яростное выражение лица Имиладрис несколько смягчилось, слабая улыбка тронула ее губы; она как бы признавала, что разгадала его маневр и благодарна ему за соблюдение всех эльфийских обычаев.

– И в твоём сердце да пребудет мир, Губитель Шейдов. – В низком грудном голосе королевы слышались, казалось, и шелест сосновых игл, и журчание ручьев, и нежная музыка эльфийских тростниковых свирелей. Сунув меч в ножны, она вошла в шатер и остановилась у раскладного походного столика, смывая кровь с руки водой из кувшина. – Боюсь, правда, мир в наши дни трудно достигим.

– Идут тяжелые бои, ваше величество?

– Они грядут вскоре. Мой народ собирается у западных границ Дю Вельденвардена; мы готовимся убивать и умирать, находясь как можно ближе к столь любимым нами деревьям. Эльфы рассеяны по всему свету и не привыкли маршировать рядами и колоннами, как другие народы – чем они, кстати, причиняют земле огромный ущерб, – так что нам требуется время, чтобы собраться вместе, ибо еще далеко не все прибыли из наиболее отдаленных концов Алагейзии.

– Я понимаю. Только... – Эрагон пытался как-то так задать свой вопрос, чтобы не показаться грубым. – Только если сражение еще не началось, то отчего же вся твоя рука в крови?

Страхивая с пальцев капли воды, Имиладрис показала ему свою идеальной формы золотисто-смуглую руку, и Эрагон понял, что именно ее руки служили моделью для той скульптуры – двух переплетенных рук, – что стояла в Эллесмере у входа в его дом-дерево.

– Видишь? Она уже чиста. Кровь оставляет пятна на душе, а не на теле. Я сказала тебе, что нам предстоят тяжелые бои в будущем, а не то, что мы их до сих пор еще не начали. – Она поправила рукав нижней сорочки, натянув его до запястья, а из-под украшенного самоцветами пояса извлекла латную перчатку, расшитую серебряной нитью, и спрятала в нее раненую руку. – Мы рассматривали в качестве первого объекта для атаки город Кевнон. Два дня назад наши разведчики выследили караваны людей и мулов, которые тянутся от Кевнона к лесу Дю Вельденварден. Сперва мы думали, что они просто хотят собрать на опушке срубленные деревья, как делают довольно часто. Мы это терпим, поскольку людям необходим лес, а деревья на опушке молоды и почти не подчиняются нам, да и мы сами не имеем особого желания раньше времени обнаруживать себя. Однако же те караваны на опушке не остановились, а углубились в чащу по тем звериным тропам, которые, очевидно, хорошо знакомы их проводникам. Для порубки они выискивали самые высокие и мощные деревья – деревья, столь же древние, как и сама Алагейзия, деревья, которые уже были взрослыми, когда гномы основали свой город в горе Фартхен Дур. – Голос Имиладрис задрожал от гнева. – По отдельным репликам этих людей мы поняли, зачем они проникли в наш лес и валят эти деревья. Гальбаториксу нужны были самые мощные древесные стволы для изготовления новых осадных и стенобитных орудий, многие из которых он утратил или сильно повредил во время сражения на Пылающих Равнинах. Если бы намерения этих людей были чисты и честны, мы, возможно, и простили бы им потерю одного из патриархов нашего леса. Может быть, даже двух. Но не двадцати восемью!

У Эрагона по спине пополз холодок.

– И что же вы сделали? – спросил он, хотя и так уже знал ответ на свой вопрос.

Имиладрис гордо вскинула голову; лицо ее словно окаменело.

– Я была там вместе с двумя нашими разведчиками. Вместе мы *исправили* ошибку, совершенную этими людьми. В былые годы жители Кевнона гораздо лучше знали, что не стоит вторгаться в наши владения. Сегодня мы им напомнили, почему это так. – Она то и дело невольно потирала правую руку – видимо, та все-таки еще сильно болела. Словно погруженная в собственные мысли, она долго смотрела куда-то в сторону, потом задумчиво промолвила: – Ты уже понял, Эрагон-финиарель, что значит иметь возможность соприкоснуться с жизненной силой тех растений и животных, которые тебя окружают. Представь себе, как, с какой любовью и нежностью ты относился бы к ним, если бы владел этой способностью в течение многих веков. Мы, эльфы, отдаем часть своей энергии, поддерживая жизнь Дю Вельденвардена; этот лес является истинным продолжением нашего тела, нашей души. И если ему наносят ущерб, его наносят и нам... Эльфов трудно вывести из себя и заставить воевать, но если уж это произошло, то мы ведем себя, как драконы, ибо гнев наш поистине не знает пределов. Прошло уже более ста лет с тех пор, как мы, я и большая часть моего народа, проливали кровь в бою. И этот мир забыл, на что мы способны. Наши силы, возможно, несколько ослабели после падения Всадников, но мы по-прежнему вполне способны до конца отомстить за себя; и нашим врагам будет казаться при этом, что против них восстали даже сами силы природы. Мы – Старейший Народ; наши умения и знания намного превосходят умения и знания смертных. И я бы советовала Гальбаториксу и его союзникам быть осторожнее, ибо если эльфы и покинут свой лес – а они вот-вот это сделают, – то вернутся они туда с победой или не вернутся никогда.

Эрагон вздрогнул. Даже во время своего сражения с Дурзой он не чувствовал в своем противнике столь непреклонной решимости и безжалостности. «Да, это, конечно, совсем не люди, – подумал он и сам же над собой посмеялся. – Ну, естественно, нет! И мне надо хорошенько это запомнить! Как бы сильно мы не походили друг на друга внешне – а уж я-то теперь и вовсе выгляжу почти как эльф – мы далеко не одно и то же».

– Но если вы возьмете Кевнон, – сказал он, – то как поступите с тамошними жителями? Они, может, и ненавидят Империю лютой ненавистью, но я все же сомневаюсь, что они так уж сразу захотят подчиниться и довериться вам. Хотя бы потому, что привыкли не слишком доверять эльфам.

Имиладрис только отмахнулась:

– Это совершенно не важно. Как только мы окажемся за городской стеной, то сумеем найти такой способ, чтобы никто даже не вздумал пойти против нас. Мы ведь не впервые будем сражаться с вашим народом. – Она сняла свой шлем, и ее черные, как вороново крыло, кудри рассыпались по плечам и по спине, точно в раму заключив ее тонкое лицо. – Да, между прочим, мне не доставило ни малейшей радости известие о твоём налете на Хелгринд. Насколько я знаю, все завершилось довольно успешно?

– Да, ваше величество.

– Тогда мои возражения лишены смысла. Однако же предупреждаю тебя, Эрагон Шуртугал, не подвергай себя опасности понапрасну, ввязываясь в бессмысленные авантюры. Вынуждена сказать тебе – хоть это и звучит довольно жестоко, но является вполне справедливым, – что твоя жизнь сейчас для всех нас куда важнее, чем личное счастье твоего двоюродного брата.

– Но я дал Рорану клятву, что непременно помогу ему.

– В таком случае ты проявил непростительную беспечность, ибо не учел возможных последствий.

– Неужели ты хотела бы, чтобы я бросил в беде тех, кого люблю? Если бы я это сделал, то поистине был бы достоин презрения и недоверия. Разве после такого поступка мне стали бы верить люди, которые надеются, что я смогу каким-то образом непременно свергнуть Гальбаторикса? А кроме того, пока Катрина была заложницей Гальбаторикса, Роран был весьма уязвимой мишенью для его всевозможных манипуляций. Он ведь мой брат.

Королева приподняла заостренную, как кинжал, бровь.

– Кстати, ты мог бы существенно уменьшить уязвимость Рорана, обучив его кое-каким заклинаниям, языку магии... Это во-первых. А во-вторых, я вовсе не требую, чтобы ты отрекся от своих друзей или родных. Это было бы полным безумием с моей стороны. Но ты должен очень четко сознавать, что именно сейчас стоит на кону: целостность Алагейзии и единство всех ее сил. Если мы сейчас проиграем, то тирания Гальбаторикса распространится на все народы, и тогда его правлению не будет конца. Ты сейчас – как бы наконечник копья, а его древко – это наши совместные усилия; но если наконечник сломается, то и копье отскочит от доспехов противника, а значит, все мы можем погибнуть.

Сухие лишайники заскрипели под пальцами Эрагона, с такой силой он стиснул края каменной чаши, пытаясь подавить желание немедленно возразить Имиладрис и сообщить ей, что у всякого хорошо экипированного воина помимо копья должен быть еще меч и другое оружие. Он был страшно огорчен тем, какое направление приняла их беседа, и хотел как можно скорее переменить тему. Он не устанавливал с королевой эльфов мысленной связи, и теперь она могла отчитывать его, как ребенка. Это его злило, однако он понимал, что если позволит своему нетерпению взять над ним верх, то ровным счетом ничего не добьется и никакого совета от нее не получит, а потому, стараясь держаться спокойно, он ответил:

– Прошу вас, ваше величество, верьте мне. Я всем сердцем разделяю ваши заботы и устремления, ибо они являются и моими. В свое оправдание я могу лишь сказать, что если бы я не помог Рорану, то до конца жизни презирал бы себя, особенно если бы он погиб, пытаясь самостоятельно освободить Катрину. И в таком случае я все равно уже не смог бы никому принести пользу. Не могли бы мы остаться каждый при своем мнении и переменить тему разговора? Ведь ни один из нас другого, похоже, не убедит.

– Хорошо, – кивнула Имиладрис. – Оставим пока эту тему... Но только пока. И не думай, что мы еще не вернемся к этому разговору, Эрагон-Всадник. На мой взгляд, ты слишком вольно относишься к своим, куда более важным, обязанностям, и это очень серьезный вопрос. Я непременно поговорю об этом с Оромисом; пусть он решит, что нам с тобой делать. А теперь рассказывай, зачем тебе понадобился мой совет?

Эрагон даже зубами скрипнул, но все же заставил себя говорить с властной эльфийской королевой в высшей степени почтительно и любезно. Он быстро рассказал ей о событиях минувшего дня, о причинах того, почему он спас Слоана, и о том наказании, которое для него предполагает.

Когда он умолк, Имиладрис ответила не сразу. Она отвернулась от него и принялась мерить шагами свой шатер; движения у нее были гибкие и точные, как у кошки. Затем, резко остановившись, она сказала:

– Ты предпочел остаться один в самом сердце Империи, спасая жизнь убийце и предателю. У тебя не было ни коня, ни припасов, ни оружия; ты был вооружен одной лишь магией, а твои враги преследовали тебя почти по пятам. Насколько я вижу, мои предшествующие упреки в твой адрес оказались более чем справедливыми, ты...

– Ваше величество, я вижу, вы гневаетесь на меня, но прошу вас: обрушьте на меня всю силу вашего гнева чуть позже. Мне необходимо как можно быстрее решить, как поступить со Слоаном, а потом хоть немного отдохнуть до рассвета; ведь завтра мне предстоит пробежать еще немало миль.

Королева кивнула.

– Да, ты прав. Единственное, что сейчас имеет значение, – это твоя жизнь. Я согласна продолжить наш разговор позже, но предупреждаю: тебе не поздоровится! Что же касается твоей просьбы, то подобного в нашей истории я не помню. На твоём месте я наверняка попросту убила бы этого Слоана и навсегда освободилась от всех связанных с этим проблем.

– Я знаю, что именно так ты бы и поступила. Я однажды видел, как Арья убила раненого ястреба, объяснив мне, что смерть его неизбежна и она лишь избавляет птицу от нескольких

часов ненужных страданий. Возможно, мне следовало бы точно так же поступить и со Слоаном, но я не смог. Наверное, я совершил поступок, о котором я стану сожалеть до конца своей жизни. Но если бы я все же убил его, это было бы еще хуже, ибо впоследствии я научился бы убивать не задумываясь.

Имиладрис вздохнула. Она вдруг показалась Эрагону очень усталой, и он напомнил себе, что королева целый день провела в сражении.

– Оромис, возможно, и был твоим учителем, но ты только что доказал, что в действительности ты – истинный ученик и последователь Брома. Бром, и только Бром был способен, как и ты, опутывать себя всевозможными сложностями. Как и он, ты, похоже, приговорен выискивать самое глубокое место в зыбучих песках, а потом без оглядки бросаться туда.

Эрагон подавил невольную улыбку; он был страшно польщен тем, что Имиладрис сравнивает его с Бромом.

– Ну, так как же мне быть со Слоаном? – спросил он. – Его судьба теперь от тебя зависит, госпожа моя.

Имиладрис медленно присела на стул возле складного столика и, положив руки на колени, стала смотреть куда-то в угол волшебного зеркала с выражением глубокой и загадочной задумчивости. Эрагон понимал, что это лишь прекрасная маска, скрывающая ее истинные мысли и чувства, но проникнуть под эту маску он не мог и даже не пытался. Наконец она снова заговорила:

– Раз ты оказался способен, почти не задумываясь, спасти этому человеку жизнь, то и я не могу отказать тебе в твоей просьбе, дабы не сделать бессмысленной принесенную тобой жертву. Если Слоан переживет уготованные тобой испытания, тогда Гилдерин Мудрый позволит ему пройти и получить у нас и кров, и мягкую постель, и вдоволь пищи. Больше я ничего не могу тебе обещать, ибо то, что может случиться в дальнейшем, полностью зависит от самого Слоана; но если все те условия, которые ты перечислил, будут им соблюдены, тогда мы постараемся впустить луч света в окружившую его тьму.

– Спасибо, ваше величество. Вы чрезвычайно великодушны.

– Нет, это отнюдь не великодушие, Эрагон. Война не дает мне права быть великодушной; я всего лишь проявляю здравый смысл. Так что ступай своей дорогой и делай то, что должен, но прошу тебя, будь осторожен, Губитель Шейдов.

– Ваше величество... – Эрагон поклонился. – Могу ли я попросить о последнем одолжении? Не стоит пока сообщать Арье, Насаде или кому-либо из варденов о моем нынешнем положении. Очень вас прошу не делать этого. Я не хочу, чтобы они тревожились обо мне дольше и больше, чем нужно. Да и все равно они скоро обо всем узнают от Сапфиры.

– Я подумаю над твоей просьбой.

Эрагон еще немного выждал, но Имиладрис молчала, и ему стало ясно, что о своем решении она ему не скажет больше ни слова. Он снова поклонился и поблагодарил ее.

Светящееся изображение на поверхности воды мигнуло и растаяло во мраке, стоило отзвучать завершающим словам произнесенного Эрагоном заклинания. Слегка откинув голову назад, он посмотрел в небо, где слабо мерцали мириады звезд. Затем, когда глаза немного привыкли к темноте, пошел прочь от этой импровизированной каменной чаши и вскоре сквозь заросли высокой сухой травы и кустов вышел к их костру. Слоан по-прежнему сидел там, выпрямившись и застыв, точно чугунная статуя. Казалось, шагов Эрагона он не слышит.

Эрагон поддел ногой камешек, желая подсказать мяснику, что тот уже не один, и Слоан, резко повернув в его сторону голову, спросил:

– Ну что, ты решил?

– Решил, – сказал Эрагон и присел перед мясником на корточки, слегка опираясь на одну руку. – Слушай меня внимательно, ибо повторять я не намерен. Итак, все свои преступления ты совершил, по твоим словам, из любви к Катрине. Но я считаю – вне зависимости от того,

согласен ты с этим или нет, – что у тебя имелись и другие, не менее важные для тебя, причины, чтобы разлучить ее с Рораном: гнев, ненависть, жажда мести, уязвленное самолюбие, физические страдания и так далее.

Слоан так поджал губы, что они стали похожи на две белые ниточки:

– Ты неправильно обо мне думаешь.

– Да нет, вряд ли. Поскольку совесть не позволяет мне просто убить тебя, то я придумал тебе иное наказание, тоже, по-моему, достаточно страшное. Я убежден в одном: Катрина для тебя действительно важнее всего на свете. А потому наказание твое будет следующим: до конца дней своих ты не должен видиться со своей дочерью, разговаривать с ней и касаться ее; ты будешь жить, зная, что они с Рораном счастливы вместе. И без тебя.

Слоан втянул воздух сквозь стиснутые зубы и воскликнул:

– Таково, значит, твое наказание? Ха! Но ты не сможешь воплотить его в жизнь! Как ты заставишь меня сделать все это? У тебя ведь нет тюрьмы, куда ты мог бы меня заключить.

– Я еще не закончил. Я заставлю тебя выполнить все это, ибо ты поклянешься мне на языке эльфов – языке истины и магии, – что исполнишь все предписания вынесенного тебе приговора.

– Ты не можешь заставить меня поклясться в этом! – прорычал Слоан. – Даже под пыткой!

– Смогу. И пытать я тебя не стану. Мало того, я наложу на тебя чары, принуждая тебя отправиться на север и идти в этом направлении до тех пор, пока ты не достигнешь эльфийского города Эллесмеры, который находится в глубине леса Дю Вельденварден. Ты можешь, конечно, попробовать этому сопротивляться, но сколько бы попыток ты ни делал, мое заклятье будет терзать тебя, точно чесотка, до тех пор, пока ты не подчинишься и по собственной воле не отправишься в королевство эльфов.

– Неужели у тебя не хватает храбрости самостоятельно прикончить меня? – спросил Слоан. – Неужели ты такой трус, что не можешь воткнуть мне в горло клинок, а потому заставляешь меня скитаться в диком краю, слепого, не ведающего пути, пока непогода или дикие звери не завершат начатое тобой? – Он плюнул в Эрагона, но промахнулся. – Ах ты жалкий желтопузый шенок! Отродье вонючей шлюхи! Ты, Эрагон, настоящий ублюдок! Тебя даже собственная мать-сука никогда не вылизывала! Ты ядовитая жаба! Грязная свинья! Да я бы с тобой даже крошкой хлеба не поделился, если б ты голодал! Я бы и капли воды тебе не дал, умирай ты от жажды! Я бы тебя и в общей яме для нищих не похоронил, если б ты сдох! Ты же ничего не понимаешь, у тебя в голове гной вместо мозгов! Ты так труслив, что только и можешь беспомощного человека за щеку укусить!..

А ведь в ругательствах Слоана, думал Эрагон, слушая его, есть даже что-то непристойно впечатляющее. Впрочем, подобное «восхищение» отнюдь не спасало его от желания незамедлительно придушить мясника и заткнуть, наконец, его грязную пасть. Однако он подозревал, что своими проклятиями Слоан нарочно старается его взбесить, заставить его первым нанести удар и положить его жизни слишком быстрый, а потому незаслуженный, конец.

– Может, я и ублюдок, – сказал Эрагон, – но не убийца. – Слоан быстро набрал в грудь воздуха, но возобновить поток своих гнусных обвинений не успел, ибо Эрагон тут же прибавил: – Куда бы ты ни пошел, тебе не захочется ни есть, ни пить, и дикие звери тебя не тронут. Я окутаю тебя кое-какими чарами, которые не позволят ни людям, ни зверям тревожить тебя; мало того, животные сами станут приносить тебе пищу, когда это будет необходимо.

– Тебе такое не под силу! – прошептал Слоан. Даже при свете звезд Эрагону было видно, как смертельно побледнело его и без того бледное лицо. – Нет у тебя такой возможности! Нет у тебя такого права!

– Я – Всадник, Слоан. И прав у меня не меньше, чем у любого правителя.

И тут Эрагон, которому порядком надоело уже препираться со Слоаном, вслух произнес его истинное имя. Когда тот его услышал, на его лице появилось выражение апокалипсического ужаса. Он воздел перед собой руки и завыл, словно его пронзили кинжалом. Он был низким дрожащим голосом, полным отчаяния: это был вопль человека, которого собственная его природа как бы приговорила к судьбе, от которой ему нет спасения. Затем Слоан упал на четвереньки, низко опустив голову, и разразился рыданиями; упавшие вперед редкие грязные патлы скрывали его лицо.

Эрагон смотрел на него, потрясенный подобной реакцией. «Неужели, когда кто-то вслух произносит истинное имя человека, он всегда ведет себя именно так? – думал он. – Неужели и со мной так будет?»

Однако же, укрепив сердце и стараясь не обращать внимания на жалкое негодование Слоана, Эрагон принялся осуществлять задуманное. Он повторил истинное имя Слоана, а затем заставил мясника выучить древние слова клятв, которые должны были воспрепятствовать его встречам с Катриной. Слоан сопротивлялся, как мог; он был и стонал, он скрипел зубами, но выбора у него не было: ему пришлось подчиниться Эрагону, ибо тот знал его истинное имя. Когда с произнесением клятвы было покончено, Эрагон воспользовался пятью заклинаниями, которые должны были не только направить Слоана в Эллесмеру, но защитить его от любого насилия, а также заставить птиц, зверей и рыб, обитающих в реках и озерах, давать ему пищу. Но заклинания эти Эрагон произнес так, чтобы впоследствии они черпали силу не в нем, а в самом Слоане.

Полночь давно миновала, когда Эрагон завершил наложение последних чар. Его шатало от усталости. Бессильно опершись о свой посох из боярышника, он посмотрел на лежавшего у его ног Слоана, свернувшегося клубком, и сказал:

– Я закончил.

Мясник ответил сдавленным стоном. Казалось, он хочет что-то сказать, и Эрагон, нахмурившись, присел возле него на корточки. Щеки Слоана были красны от крови, так сильно он их себе исцарапал, и перепачканы соплями и слезами, капавшими из уголков его пустой левой глазницы, которая, видимо, была все же менее искалечена, чем правая. В душе Эрагона поднялась волна жалости и вины; ему не доставляло ни малейшего удовольствия даже этого человека видеть до такой степени униженным. Мясник был сломлен, ибо лишился всего, что ценил в жизни, в том числе и собственных заблуждений, и это именно он, Эрагон, сломил его. И Эрагону вдруг показалось, что он совершил нечто постыдное. «Но это же было необходимо, – думал он, – хотя я никому бы не пожелал совершить такое».

Слоан снова застонал. Эрагон с трудом разобрал несколько невнятных слов, сорвавшихся с губ мясника:

– Всего лишь кусок веревки! Я же не хотел... Измира... Нет, нет, прошу вас, не надо... – Невнятное бормотание стихло, и в наступившей тишине Эрагон мягко коснулся плеча Слоана. Тот замер. – Эрагон... – прошептал он, – Эрагон... я слеп, а ты велел мне идти через всю страну... в полном одиночестве. Я всеми покинут, я проклят и знаю, кто я. Мне не вынести этого. Помоги мне, Эрагон. Убей меня! Освободи от этой пытки.

И Эрагон, повинувшись невольному порыву, сунул ему в руку свой посох:

– Вот, возьми мой посох. Пусть он ведет тебя в твоих странствиях. Не бойся, Слоан.

– Убей меня!

– Нет.

Какой-то надтреснутый смех или стон вырвался у Слоана из глотки, и он принялся колотить по земле кулаками, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Жестокий! О, до чего же ты жестокий! – Сил у него было немного, и вскоре они ему совсем изменили; он рухнул на землю и совсем скорчился, задыхаясь от бессилия и жалобно причитая.

Наклонившись над ним, Эрагон приблизил губы к его уху и прошептал:

– Я отнюдь не лишен милосердия, а потому даю тебе вот какую надежду: если ты доберешься до Эллесмеры, то найдешь там дом, который ждет тебя. Эльфы станут заботиться о тебе и позволят тебе делать все, что ты захочешь, за исключением одного: как только ты войдешь в лес Дю Вельденварден, ты никогда уже не сможешь выйти оттуда. Но послушай меня: когда я жил у эльфов, то узнал, что истинное имя человека может с возрастом и перемениться. Ты понимаешь, что это значит? То, кем ты являешься сейчас, это не навсегда. Человек может создать себя заново, если захочет.

Но Слоан ничего ему не ответил.

Оставив возле него свой посох, Эрагон обошел костер и вытянулся во весь рост на земле. Уже закрыв глаза, он пробормотал заклинание, которое должно было разбудить его еще до рассвета, и наконец соскользнул в ласковые объятия своего чуткого сна.

На Серой Пустоши царили тьма и ночной холод, и выглядела она весьма негостеприимно, когда в ушах Эрагона прозвучало негромкое гудение.

– Летта, – сказал он, и гудение прекратилось. Со стоном расправив усталые мышцы, он поднялся с земли и с силой помахал руками, разгоняя кровь. Особенно сильно болела спина, но он очень надеялся, что оружием в ближайшем будущем ему размахивать не придется. Опустив руки, он поискал глазами Слоана, но мясник исчез.

Эрагон улыбнулся, увидев, что в сторону от лагеря уходит цепочка следов, рядом с которой тянутся круглые дырки, оставленные его посохом. Следы шли неровно, то отклоняясь в сторону, то возвращаясь назад и пересекая сами себя, однако основное направление было ясным: Слоан шел на север, к волшебному эльфийскому лесу.

«Я хочу, чтобы ему все удалось, – с легким удивлением подумал Эрагон. – Да, я этого хочу, потому что тогда, значит, у всех у нас есть шанс изменить собственную судьбу, сполна расплатившись за свои прежние ошибки. И если уж Слоан сумеет исправиться и как-то искупить то зло, которое совершил, то его положение окажется не столь безнадежным, как это представляется ему сейчас». Эрагон не стал говорить мяснику, что если он по-настоящему раскается в совершенных им преступлениях и изменит свою жизнь к лучшему, то королева Имиладрис, возможно, попросит своих магов восстановить ему зрение. Однако же эту награду Слоан еще должен был заслужить, ничего не зная о ней и не пытаясь обманом заставить эльфов до срока вернуть ему способность видеть.

Эрагон довольно долго смотрел на отпечатки ног и посоха, потом поднял глаза к горизонту и промолвил:

– Удачи тебе.

Затем, стряхнув с себя усталость, не прошедшую после слишком короткого ночного отдыха, и вполне довольный собой, он повернулся в другую сторону и побежал через пустошь. Он знал, что поблизости, на юго-западной окраине этой пустоши, среди нагромождения скал и камней, покоится в своей алмазной гробнице тело Брома, и ему страстно хотелось свернуть туда и поклониться могиле своего учителя и друга, но сделать это он так и не осмелился, понимая, что, если Гальбаторикс обнаружил эту гробницу, его слуги наверняка уже там.

– Я вернусь, – сказал Эрагон. – Обещаю тебе, Бром: когда-нибудь я непременно вернусь. И он поспешно продолжил свой путь.

Испытание Длинных Ножей

– Но мы ведь твой народ!

Фадавар, высокий темнокожий человек с широким приплюснутым носом, говорил с тем же напором и так же глотал гласные, как и те люди с родины Аджихада, которые прибывали в Фартхен Дур в качестве посланцев. Насуада хорошо помнила, как сидела у отца на коленях и дремала, пока они разговаривали, покуривая душистую травку кардус.

Насуада подняла глаза на Фадавара и пожалела, что не родилась великаншей футов на шесть повыше, чтобы можно было смотреть на этого свирепого воителя и его четверых охранников свысока. А впрочем, она давно уже привыкла к тому, что мужчины по большей части значительно выше ее и вечно над ней нависают. Как ни странно, но ей было куда непривычнее находиться среди людей с такой же темной кожей, как у нее самой, не являясь при этом ни объектом повышенного любопытства, ни мишенью для обидных комментариев.

Она стояла перед своим резным тронном – одним из весьма немногочисленных предметов мебели, который разрешила варденам взять с собой из Фартхен Дура, – и лучи закатного солнца, проникая сквозь стены ее командного красного шатра, окутывали все вокруг таинственным рубиновым туманом. Длинный низкий стол, заваленный всевозможными донесениями и картами, занимал почти половину помещения.

Насуада знала, что у входа в шатер стоят шестеро ее личных охранников – двое людей, двое гномов и двое ургалов – и ждут с обнаженными мечами в руках любого сигнала с ее стороны, чтобы в случае опасности атаковать врага в любую минуту. Джормундур, самый старший и самый надежный из ее командиров, окружил ее охраной в тот же день, когда погиб Аджихад, однако охранников никогда не было так много. Все началось после битвы на Пылающих Равнинах. Джормундур выразил глубочайшую озабоченность тем, что безопасность Насуады как предводительницы варденов должным образом не обеспечивается. И озабоченность Джормундура была, по его словам, столь велика, что он зачастую просто места себе не находил, особенно по ночам. А поскольку в Абероне Насуаду уже пытались убить, да и Муртаг у нее на глазах самым гнусным образом прикончил короля гномов Хротгара, то, как считал Джормундур, следовало создать особый отряд, который отвечал бы за ее личную безопасность. Насуада возражала; она считала, что это чересчур, но переубедить Джормундура так и не смогла; он пригрозил, что уйдет со своего поста, если она откажется принять то, что он считает нормальными мерами без опасности. И она согласилась обсудить с ним, сколько человек охраны ей следует иметь. Он требовал не менее дюжины, причем на постоянной основе. Она хотела, чтобы их было не больше четырех. Договорились на шести, но и это казалось Насуаде чрезмерным; она опасалась, что вардены сочтут ее трусихой или, что еще хуже, будто она хочет произвести впечатление, а может, и испугать тех, кто ищет ее аудиенции. Впрочем, ее возражения и на этот раз ничуть не поколебали убежденности Джормундура. А когда Насуада, рассердившись, обвинила его в том, что он просто старый, упрямый пень или осина с трясущимися от страха листьями, он рассмеялся и сказал: «Пусть лучше упрямый, старый пень, чем глупый, беспечный юнец, убитый до срока».

Охрана Насуады менялась каждые шесть часов; общее число охранников составляло тридцать четыре человека, и еще десять дополнительных воинов также постоянно пребывали в боевой готовности и могли мгновенно заменить любого охранника в случае его болезни, ранения или смерти.

Именно Насуада настояла на том, чтобы в это число входили представители всех трех смертных народов, выступивших против Гальбаторикса. Поступая так, она надеялась дополнительно сплотить их, дав всем понять, что представляет интересы всех этих народов, находящихся под ее командованием. Она бы, конечно, включила сюда и эльфов, однако в данный

момент Арья была единственным эльфом, сражавшимся вместе с варденами, а те двенадцать заклинателей, которых Имиладрис послала защищать Эрагона, еще только должны были прибыть в лагерь. Насуаду весьма огорчало то, что люди и гномы из ее охраны оказались довольно враждебно настроены по отношению к ургалам; она предвидела нечто подобное, но так ничего и не смогла с этим поделать. Видимо, потребуется немало совместных сражений, чтобы несколько ослабить то напряжение, что издавна существовало в Алагейзии между представителями различных рас, в течение стольких поколений ненавидевших друг друга. И все же кое-какие положительные сдвиги имелись; например, ее охрана единодушно выбрала название для своего отряда: Ночные Ястребы. Это название, с одной стороны, перекликалось с цветом кожи Насуады, а с другой – с тем, что ургалы прозвали ее «госпожой Ночной Охотницей» и неизменно обращались к ней именно так.

Хоть Насуаде и не хотелось признаваться в этом Джормундуру, она все же довольно быстро оценила те преимущества и то ощущение безопасности, которое обеспечивали ее охранники. Помимо того, что все они мастерски владели тем или иным видом оружия – мечами, или боевыми топорами гномов, или теми невероятными предметами, которыми пользовались ургалы, – многие из них оказались еще и искусными заклинателями. Все они поклялись до конца жизни быть верными Насуаде и принесли присягу на языке древних. С самого первого дня, как только Ночные Ястребы приступили к своим обязанностям, они не оставляли Насуаду наедине ни с одним человеком за исключением Фарики, ее горничной.

Так было до сих пор.

А сейчас Насуада отослала их из шатра, потому что знала: ее разговор с Фадаваром может закончиться кровопролитием, которое Ночные Ястребы непременно захотят предотвратить в силу своих представлений о долге. Впрочем, совершенно беззащитной она не осталась. В складках платья у нее был спрятан кинжал, на груди под корсетом – еще нож, поменьше, да и ясновидящая девочка-ведьма Эльва спряталась за занавеской, отгороженная тронем Насуады и готовая вмешаться, если возникнет такая необходимость.

Фадавар в гневе стукнул своим четырехфутовым, из чистого золота скипетром по земляному полу. Сам Фадавар был украшен самым невероятным образом: золотые браслеты скрывали его запястья; нагрудная пластина доспехов тоже была золотой, украшенной чернью; на шее висели длинные и толстые золотые цепи; мочки ушей оттягивали тяжелые большие кольца из белого золота; а на макушке красовалась сверкающая золотая корона такой величины, что Насуада даже задумалась, как это шея Фадавара выдерживает такую тяжесть и как вообще подобное «архитектурное сооружение» умудряется держаться у него на голове. Казалось, просто необходимо привинтить эту штуковину высотой в два с половиной фута прямо к «фундаменту», то есть к черепу Фадавара, чтобы удержать ее от падения.

Сопровождающие Фадавара были одеты в том же духе, хотя и не с такой убийственной роскошью. Золото на них должно было не только оповещать всех об их богатстве и том высоком положении, которое они занимали в обществе, но и об индивидуальных достижениях каждого, а также служить свидетельством мастерства их соплеменников-ювелиров. Представители темнокожих племен Алагейзии, как кочевых, так и оседлых, издавна славились качеством своих ювелирных изделий, и самые лучшие из них вполне могли соперничать в этом отношении с гномами.

У Насуады тоже имелись подобные украшения, однако она предпочла сегодня их не надевать. Все равно ее «жалкий» выбор вряд ли мог соперничать с великолепием Фадавара. Кроме того, она считала, что неразумно демонстрировать свою принадлежность к тому или иному народу, каким бы богатым и влиятельным он ни был, когда имеешь дело со столькими варденами, среди которых множество представителей весьма отличающихся друг от друга рас и племен. Если бы она проявила к кому-то особое расположение, ее авторитет сразу значительно упал бы.

Что, собственно, и лежало в основе ее разногласий с Фадаваром.

Он снова пристукнул своим скипетром по земле и воскликнул:

– Кровь – вот самое главное! Прежде всего ты отвечаешь перед своей семьей, затем – перед своим племенем, затем – перед своим военачальником, затем – перед богами, что над землей и под землей, и только потом – перед своим правителем и своим государством, если они у тебя вообще имеются. Именно так наставлял свой народ Унулукуна, и именно так нам следует жить, если мы хотим жить счастливо. Неужели ты осмелишься плюнуть на сандалии Старейшего? Если мужчина не помогает своей семье, то на кого же он может положиться, если ему самому понадобится помощь? Друзья приходят и уходят, но семья незыблема и вечна.

– Ты просишь меня, – сказала Насуада, – дать высокие посты и наделить значительной властью твоих соплеменников на том основании, что ты – родственник моей матери, да и отец мой родом из твоей страны. И я бы с удовольствием выполнила твою просьбу, если бы твои соплеменники были действительно лучше всех, если бы они выполняли свои поручения быстрее и разумнее всех прочих варденов, но пока что ни один из твоих доводов, ни одно из моих собственных наблюдений не убеждает меня, что это так. И прежде чем ты сновапустишь в ход свое непревзойденное красноречие, тебе следует уяснить, что требования и просьбы, основанные на общности нашей крови, для меня равным счетом ничего не значат. Я бы, пожалуй, даже подумала еще над твоей просьбой, если бы ты сам в былые годы больше поддерживал моего отца, а не присылал в Фартхен Дур всякие блестящие безделушки и пустые обещания. Только теперь, когда мы, наконец, одержали существенную победу, ты, понимая, что я обладаю достаточным влиянием, решил, наконец, познакомиться со мной поближе. Ну что ж, родители мои умерли, и теперь у меня нет иной семьи, кроме меня самой. Да, мы с тобой принадлежим к одному народу, но это и все.

Фадавар прищурился, еще выше задрал подбородок и сказал:

– Женская гордость всегда лишена смысла. Без нашей поддержки ты проиграешь.

Он перешел на свой родной язык, вынуждая и Насуаду говорить на этом языке, чего она терпеть не могла. Язык своего племени она знала плоховато, все время делала паузы и вообще говорила весьма неуверенно; ведь росла она не на родине, а в Фартхен Дуре, где этого языка почти никто и не знал. И теперь уловка проклятого Фадавара сбивала Насуаду с толку и, как ей казалось, подрывала ее авторитет.

– Я всегда рада новым союзникам, – сказала она. – Однако же фаворитизма не терплю, и вам совершенно не нужно к нему стремиться. Ваш народ силен и обладает многими талантами. Его представители наверняка быстро выдвинутся, вступив в ряды варденов, и не будут полагаться при этом ни на покровительство, ни на милосердие своих начальников. Разве вы голодные псы, чтобы сидеть и скулить у моего стола? Или все-таки вы мужчины, способные сами себя прокормить? Если вы настоящие мужчины, то я готова и впредь сотрудничать с вами во имя лучшей доли варденов и нашей общей победы над Гальбаториксом.

– Ха! – вскричал Фадавар. – Твои слова столь же фальшивы, как и ты сама! Мы не станем выполнять ту работу, которую положено выполнять слугам; мы избранные. Ты оскорбляешь нас, да, оскорбляешь! Вот ты стоишь и ласково мне улыбаешься, но душа твоя полна скорпионьего яда!

Едва сдерживаясь, Насуада попыталась утихомирить его:

– Я вовсе не хотела тебя обидеть. Я всего лишь пыталась объяснить тебе свою позицию. Я не испытываю ни капли враждебности по отношению к кочевым племенам, но и особой любви у меня к ним нет. Разве это так плохо или непонятно?

– Это куда хуже, чем просто плохо! Это же откровенное предательство! Твой отец не раз обращался к нам с просьбами, основанными на нашем родстве, а теперь ты плюешь нам в душу и пытаешься отослать нас прочь, точно жалких попрошайек!

Волна презрения охватила Насуаду. «Значит, Эльва была права, это неизбежно, – думала она. Острое чувство страха и возбуждения охватило ее. – Ладно, раз уж так суждено, то я больше не намерена продолжать эту игру в шарады!» И она заговорила громко и властно:

– Но просьбы моего отца вы в половине случаев не сочли нужным выполнить!

– Мы сделали все, о чем он просил!

– Нет, далеко не все. Но даже если б это и было так, я слишком пекусь о положении варденов, чтобы давать тебе что-то, ничего при этом не получая взамен. Ты ищешь моего особого расположения, сам постоянно чего-то требуешь от меня, но что все-таки ты способен предложить мне, нам? Готовы ли вы, например, поддержать варденов вашим золотом и драгоценными камнями?

– Не прямо, но...

– Готовы ли вы предоставить варденам возможность бесплатно пользоваться услугами ваших мастеров?

– Мы не можем...

– Как же, в таком случае, ты намерен заслужить мое «особое расположение»? Воинами своими ты отплатить мне за это не можешь; твои люди уже сражаются на нашей стороне – как в армии варденов, так и в армии короля Оррина. Так будь же доволен тем, что имеешь, военачальник! И не пытайся получить больше того, что принадлежит тебе по праву.

– Ты искажаешь истину во имя своих эгоистических целей! Я пытаюсь получить не больше, а всего лишь то, что принадлежит нам по праву! Именно поэтому я и решил переговорить с тобой. Но ты, женщина, все болтаешь и болтаешь, и слова твои не только лишены смысла, но и лживы! Да и по действиям твоим судя, ты предала нас! – Браслеты у Фадавара на запястьях так и загремели, когда он в гневе воздел руки, точно выступая перед многотысячной толпой. – Ты признаешь, что мы – твой народ. Но в таком случае следуешь ли ты нашим обычаям? Поклоняешься ли ты нашим богам?

«Ага, вот мы и добрались до поворотной точки», – подумала Насуада. Она могла бы солгать и заявить, что давно отказалась от старых традиций и обычаев, однако в этом случае вардены легко потеряли бы не только племя самого Фадавара, но и многие другие кочевые племена. А все они тоже были нужны варденам в этой войне с Гальбаториксом. И Насуада ответила ему:

– Да, следую и поклоняюсь.

– В таком случае я заявляю: ты совершенно не годишься на роль предводительницы варденов, и, согласно имеющемуся у меня праву, я предлагаю тебе Испытание Длинных Ножей. Если ты победишь, мы склоним перед тобой свои головы и никогда более не поставим под сомнение твой авторитет. Но если ты проиграешь, то отойдешь в сторону, и твое место во главе варденов займу я.

Насуада заметила, каким ликованием искрятся глаза Фадавара, и подумала: «Так вот чего он добивался. Не сомневаюсь, он заставил бы меня пройти это испытание и в том случае, если бы я удовлетворила и его первоначальные требования!» Но вслух она сказала:

– Возможно, я ошибаюсь, но, по-моему, наши правила гласят: тот, кто победит, обретет право руководить и племенем своего соперника, а не только своим собственным. Разве я не права? – Она чуть не расхохоталась, увидев на физиономии Фадавара растерянность. «Что, ты, похоже, никак не ожидал, что мне это известно?» – усмехнулась она про себя.

– Ты права.

– Хорошо. Я принимаю твой вызов. Но если я одержу победу, ты передашь мне свою корону, свой скипетр и свою власть над племенем, договорились?

Фадавара хмуро кивнул:

– Договорились! – И он, глубоко вонзив в землю свой скипетр, принялся стаскивать с левой руки один из своих бесчисленных браслетов.

– Погоди, – сказала Насуада и, подойдя к своему рабочему столу, взяла маленький бронзовый колокольчик и дважды позвонила; затем, выждав пару минут, позвонила еще четыре раза.

И тут же в шатер вошла Фарика. Она изумленно глянула на распаленных гостей Насуады, низко им поклонилась и спросила:

– Что угодно, госпожа моя?

Насуада кивнула Фадавару:

– Теперь можно начинать. – Затем она обратилась к своей горничной: – Помоги мне снять платье; мне не хочется его портить.

Пожилая служанка, казалось, была потрясена этой просьбой.

– Прямо здесь, госпожа? Перед этими... людьми?

– Да, здесь. И побыстрее! Не буду же я спорить еще и с собственной служанкой.

Это прозвучало более резко, чем хотела Насуада, но сердце ее уже бешено колотилось, а кожа обрела какую-то сверхъестественную чувствительность, и даже мягкое полотно, из которого была сшита ее нижняя рубашка, показалось ей грубым, как парусина. В данную минуту ей было не до вежливости. Единственное, что имело сейчас для нее значение, – это грядущая ордалия, и она полностью сосредоточилась на мыслях о ней. Насуада терпеливо ждала, пока Фарика расстегивала и развязывала застёжки у нее на спине, а потом, когда лиф наконец стал достаточно свободен, Насуада подняла руки и вытащила их из рукавов. Прелестное пышное платье облаком упало к ее ногам, и она осталась в одной лишь белоснежной нижней сорочке, с трудом сдерживая дрожь, когда четверо темнокожих воинов так и усталились на нее. Под их жадными взглядами Насуада чувствовала себя чрезвычайно уязвимой. Стараясь не смотреть в их сторону, она шагнула вперед, переступив через лежавшее на полу платье, и Фарика поскорее подхватила его, чтобы не испачкать.

Стоявший напротив Насуады Фадавар был по-прежнему занят тем, что стаскивал с запястий свои браслеты. Покончив с этим и засучив рукава роскошно вышитой рубахи, он снял с головы массивную корону и вручил одному из своих спутников.

Дальнейшие действия обоих, впрочем, были приостановлены звуками голосов снаружи. Под полог протиснулся гонец – Насуада вспомнила, что этого юношу зовут Джарша, – который провозгласил, стараясь смотреть не на раздетую Насуаду, а в потолок:

– Оррин, правитель Сурды, варден Джормундур, Трианна из Дю Врангр Гата, а также Наако и Рамусева из племени инапашунна!

Затем Джарша отступил в сторонку, давая пройти тем, кого только что перечислил. Первым вошел Оррин, который сразу увидел Фадавара и приветствовал его следующими словами:

– А, великий воитель! Никак не ожидал тебя здесь увидеть! Надеюсь, ты и... – И на молодом лице Оррина явственно отразилось глубочайшее изумление, когда он, наконец, заметил полуодетую Насуаду: – Что это, Насуада? Что все это значит?

– И я бы тоже хотел это узнать! – прогремел Джормундур, сжимая рукоять меча и гневно сверкая глазами в сторону каждого, кто осмеливался бросить на Насуаду слишком нескромный взгляд.

– Я призвала вас сюда, – сказала она спокойно, – дабы вы стали свидетелями Испытания Длинных Ножей, которое мы с Фадаваром намерены пройти. А вы впоследствии сможете в точности сообщить всем, как было дело. Любому, кто об этом спросит.

Оба седовласых представителя кочевого племени инапашунна, Наако и Рамусева, казались чрезвычайно встревоженными словами Насуады; тесно прижавшись друг к другу, они принялись о чем-то шептаться. Трианна лишь скрестила руки на груди – на одном запястье, как всегда, посверкивал браслет в виде извивающейся змейки, – но более ничем не выдала своих истинных чувств. Джормундур выругался и сказал:

– Ты что, разума лишилась, госпожа моя? Это же сущее безумие! Ты не можешь...

– Могу. И буду.

– Госпожа моя, если ты это сделаешь, я...

– Я вижу твою обеспокоенность, однако же решение мое окончательно. И я запрещаю кому бы то ни было вмешиваться. – Она не сомневалась, что Джормундур просто мечтает нарушить ее запрет, но ему мешает самая главная его черта: верность присяге.

– Но, Насуада, – начал король Оррин, – эта ордалия... Разве она не заключается в том, что...

– Именно в этом она и заключается.

– В таком случае будь она проклята! Может быть, ты все-таки откажешься от этого безумного действия? Тебя явно сбили с толку, раз ты согласилась подвергнуть себя подобному испытанию.

– Я уже дала свое слово Фадавру.

Настроение в шатре стало еще более мрачным. То, что Насуада дала слово, означало, что она не может отменить свое обещание без того, чтобы не прослыть при этом клятвопреступницей, от которой любому честному человеку полагается с презрением отворачиваться. Оррин, понимая это, заколебался было, но все же вновь принялся отговаривать Насуаду, задавая ей бесчисленные вопросы.

– И до какого предела вы будете продолжать это испытание? А что, если ты проиграешь? Ведь если ты проиграешь...

– Если я проиграю, вардены не будут более мне подчиняться; они станут подчиняться Фадавру.

Насуада ожидала настоящего взрыва возмущения и протестующих криков, однако наступила зловещая тишина, и в этой тишине горячий гнев, так и пылавший на лице короля Оррина, понемногу остыл, лицо его словно затвердело, и он после долгого молчания неуверенным, ломким голосом сказал:

– И все же я не одобряю твой выбор; ты ставишь под угрозу все наше дело. – А повернувшись к Фадавру, он прибавил: – Неужели ты не проявишь благоразумия и не освободишь Насуаду от данного ею слова? Я богато награжу тебя, если ты согласишься подавить свою порожденную зломыслием жажду власти.

– Я и без того богаче тебя! – презрительно заявил Фадавар. – И мне ни к чему твое сусальное золото! Нет, только Испытанием Длинных Ножей можно искупить те клеветнические обвинения, которые Насуада выдвинула против меня и моего народа!

– Будь свидетелем этим словам, – быстро сказала Оррину Насуада.

Пальцы молодого короля нервно перебирали складки одежды, однако он с должной учтивостью поклонился и ответил:

– Хорошо, я все слышал. Я буду твоим свидетелем.

Откуда-то из глубин своих рукавов, украшенных великолепной вышивкой и невероятно широких, четверо спутников Фадавара извлекли маленькие, сделанные из лохматых козьих шкур барабаны. Присев на корточки и поместив барабаны между колен, они принялись отбивать на них какой-то яростный, невероятно быстрый ритм; их руки взлетали и опускались с такой скоростью, что казались неясными промельками. Эта дикая музыка поглотила все прочие звуки вокруг и притушила даже те отчаянные мысли, что сводили Насуаду с ума. Ее сердце, казалось, решило биться в унисон с этими безумными, оглушившими ее звуками.

Ни на секунду не прерывая ритма, самый пожилой из сопровождавших Фадавара воинов сунул руку за пазуху и вытащил два длинных ножа с изогнутыми лезвиями, которые стал подбрасывать вверх. Насуада, точно замороженная, смотрела, как, вращаясь, сверкают в воздухе страшноватые клинки.

Когда один из них пролетел достаточно близко от нее, она поймала его. Буквально утыканная опалами гарда тут же оцарапала ей ладонь.

Фадавар тоже вполне успешно поймал свой нож.

Затем он расстегнул манжет своего левого рукава и закатал рукав еще выше. Насуада не сводила с него глаз. Рука у него была полная, мускулистая, но она знала: в данном случае это несущественно, ибо никакая физическая подготовка не поможет человеку выиграть это состязание; тут нужно нечто иное. И она принялась искать у него на внутренней стороне руки неровные старые шрамы, которые, по всей видимости, должны были там быть.

И она их увидела: целых пять шрамов.

«Пять! – мелькнуло у нее в голове. – Как много!» Уверенность ее была поколеблена; она собственными глазами увидела, сколь крепок ее противник. Единственное, что не позволяло ей утратить самообладание, это предсказание Эльвы: она обещала, что Насуада одержит победу. И Насуада цеплялась за это предсказание, точно ребенок за юбку матери. «Эльва сказала, что я смогу это выдержать, значит, я должна продержаться дольше Фадавара... Я обязательно должна продержаться дольше!»

Поскольку испытание было предложено именно им, Фадавар первым вышел в круг зрителей. Он поднял левую руку на уровень плеча, вытянул ее перед собой ладонью вверх, приложил лезвие ножа к предплечью, чуть пониже локтевого сгиба, и с силой провел блестящим как зеркало острием по коже, которая тут же лопнула, точно перезрелая ягода. Кровь так и хлынула из алой раны.

Фадавар посмотрел Насуаде прямо в глаза, она улыбнулась в ответ и тоже приложила к руке нож. Металл был холоден как лед. То было соревнование воли, самообладания, которое должно было выявить того, кто способен вынести наибольшее количество подобных порезов. Согласно представлениям кочевых народов, тот, кто стремится стать вождем племени или хотя бы военачальником, должен выдерживать более длительную и сильную боль, чем любой другой представитель племени. Иначе племя не сможет доверять своему вождю, не сможет быть уверенным, что он в трудную минуту не поставит свои интересы выше интересов племени. Насуаде всегда казалось, что подобные испытания чрезмерны, однако она понимала, какое огромное значение это действие имеет для завоевания уважения и доверия соплеменников. И хотя Испытание Длинных Ножей – обряд, принятый лишь у кочевников, победа над Фадаваром, конечно же, укрепила бы ее позиции в рядах всех варденов, а также и среди последователей короля Оррина, как она очень надеялась.

Насуада быстро произнесла про себя молитву богине Гокукаре, молящейся самке богомола, и нажала на лезвие ножа. Острая сталь так легко взрезала ей кожу, что рана едва не стала чересчур глубокой. По всему телу Насуады прошла сильная дрожь. Ей захотелось с пронзительным криком отшвырнуть нож и зажать кровавую рану рукой.

Но ничего этого она не сделала. Лишь постаралась расслабить мышцы, ибо в противном случае ей стало бы еще больнее, и, продолжая улыбаться, снова медленно вспорола собственную плоть. Это заняло не более трех секунд, но и за это время тело ее успело издать тысячу неслышных, негодующих и жалобных, воплей, едва не заставив Насуаду прекратить испытание. Опустив нож, она заметила, что, хотя соплеменники Фадавара по-прежнему бьют в барабаны, она не слышит ничего, кроме стука собственного сердца.

Теперь была очередь Фадавара. Он нанес себе вторую рану. Вены вздулись у него на шее, а яремная вена пульсировала так, что, казалось, взорвется, стоит ножу провести очередную кровавую дорожку.

И снова наступила очередь Насуады. Она уже знала, что ее ожидает, и это лишь усиливало охвативший ее ужас. Инстинкт самосохранения – тот самый, что так отлично служил ей во всех прочих жизненных ситуациях, – противился тем приказам, которые она отдавала своей правой руке. В полном отчаянии она сосредоточилась на мысли о том, что самое главное – это сохранить варденов и сбросить Гальбаторикса с трона; этим двум целям она посвятила всю свою жизнь, отдала себя целиком. И перед мысленным взором Насуады возникли ее отец,

Джормундур, Эрагон, вардены, ставшие ее народом, и она подумала: «Ради них! Я делаю это ради них. Я была рождена, чтобы служить им, и сейчас тоже должна служить им с честью».

И она нанесла второй порез.

Через несколько мгновений Фадавар в третий раз рубанул ножом по своей руке; Насуада последовала его примеру.

Вскоре был четвертый раз. Затем пятый...

Постепенно Насуаду охватывала странная сонливость. Она чувствовала себя очень усталой и озябшей; ей уже казалось, что этот поединок решит не то, кто из них дольше способен терпеть боль, а то, кто раньше потеряет сознание от потери крови. Ручейки крови бежали, пересекаясь, по ее руке, по пальцам; кровь капала на пол, и у ног Насуады уже собралась довольно большая кровавая лужа. Точно такая же лужа крови растекалась и у ног Фадавара.

Ряд кровавых щелей на руке этого военачальника казался Насуаде похожим на вспоротые рыбы брюшки, и это почему-то ее рассмешило; ей даже пришлось прикусить язык, чтобы не засмеяться вслух.

Фадавар взвыл и нанес себе шестую рану.

– А ну-ка переплюнь меня теперь, жалкая ведьма! – крикнул он, перекрывая грохот барабанов, и упал на одно колено.

Она переплюнула.

Фадавар задрожал, перекладывая нож из правой руки в левую; согласно традиции, на одной руке можно было наносить не более шести порезов, иначе, сдвинувшись ближе к запястью, можно было повредить вены и сухожилия. Насуада последовала его примеру, и тут король Оррин не выдержал: он ринулся между ними с криком:

– Довольно! Я не позволю продолжать это безумие! Вы же убьете себя!

Но, протянув к Насуаде руки, он тут же отпрыгнул: девушка ударила его ножом, прорывав сквозь зубы:

– Не вмешивайся!

Теперь Фадавар ударил по правой руке; из напряженных мышц кровь брызнула фонтаном. «Он зажимается», – поняла Насуада, надеясь, что этой ошибки будет достаточно, чтобы остановить его.

Но и сама не сумела до конца сдержать себя и издала беззвучный вопль, когда нож рассек ей кожу. Острое лезвие жгло, точно добела раскаленная проволока. Она еще не отняла нож, когда ее израненная левая рука дрогнула. В результате нож оставил у нее на предплечье длинный извилистый порез, в два раза глубже предыдущих. Она даже дыхание затаила, так ей было больно. «Я больше не могу, – билось у нее в голове. – Не могу... не могу!.. Это невозможно вынести. Лучше умереть... Ох, пожалуйста, пусть все это кончится!» От этих отчаянных, никем не услышанных жалоб ей, впрочем, чуточку полегчало. Но в глубине души Насуада всегда знала: она ни за что не сдастся!

На восьмой раз Фадавар приложил острие ножа выше локтя и вдруг замер; бледный металл как бы повис в четверти дюйма от его темной кожи. Пот капал у него со лба, его раны роняли рубиновые слезы. Казалось, мужество оставило чернокожего вождя, но тут он что-то прорычал, оскалился и одним махом распорол себе руку.

Его колебания подстегнули Насуаду; у нее словно прибавилось сил. Ее охватило какое-то яростное возбуждение, отчего терзавшая ее боль стала вдруг почти приятной. Она повторила движение Фадавара, а затем, словно прищипоренная собственным безрассудством, снова нанесла удар.

– Попробуй теперь и ты так! – прошептала она.

Перспектива нанести сразу два удара – один, чтобы сравняться в счете с Насуадой, а второй, чтобы вырваться вперед в этом жутком состязании, – похоже, несколько смутила Фада-

вара. Он заморгал, облизал губы, крепче ухватился за рукоять ножа и несколько раз перехватил его поудобнее, прежде чем занести лезвие над своей рукой.

Затем снова нервно облизал губы.

И тут судорога свела ему левую руку; нож выпал из скрюченных пальцев и воткнулся в землю.

Фадавар поднял его. Было видно, с какой силой поднимается и падает под одеждой его грудь. Подняв нож, Фадавар коснулся лезвием обнаженной руки, и на коже сразу проявилась тонкая красная дорожка пореза. Он судорожно стиснул зубы, отчего подбородок его сперва окаменел, затем дрогнул, и по всему его сильному телу пробежала дрожь. Вдруг Фадавар согнулся пополам, прижимая к животу израненные руки, и тихо сказал:

– Я сдаюсь.

Барабаны тут же смолкли.

Несколько мгновений в шатре стояла гробовая тишина, а затем король Оррин, Джормундур и все остальные прямо-таки взорвались торжествующими криками.

Насуада почти не слышала ни этих ликующих криков, ни встревоженных вопросов Джормундура и Оррина. Она ошупью добралась до своего трона и рухнула на него, стараясь забиться глубже и снять с ног нагрузку, пока они сами под нею не подогнулись. Она держалась из последних сил, хотя все перед ней затянуло каким-то мерцающим маревом; потерять сознание сейчас было недопустимо; да она бы никогда и не позволила себе грохнуться в обморок на глазах у этих чернокожих воинов. Кто-то мягко коснулся ее плеча, и она, словно очнувшись, поняла, что рядом с ней стоит Фарика с грудой бинтов.

– Госпожа моя, можно мне перевязать тебя? – спросила Фарика. На лице у нее была написана неуверенность, смешанная с любовью и заботой: верная служанка понятия не имела, как именно прореагирует сейчас Насуада.

Но та лишь молча кивнула, и Фарика принялась перебинтовывать чистым полотном ее израненные руки.

Вскоре к ним подошли Наако и Рамусева. Они дружно поклонились, и Рамусева сказал:

– Никогда прежде никто из соревнующихся не наносил себе столько порезов! Во время Испытания Длинными Ножамы вы оба доказали свое мужество, но победила, безусловно, ты, госпожа Насуада. Мы расскажем нашему народу о твоём подвиге и не сомневаемся, что наши соплеменники с готовностью присягнут тебе на верность.

– Благодарю вас, – тихо промолвила Насуада и прикрыла веками глаза, ибо мучительная боль в руках все усиливалась.

– Госпожа моя...

Но Насуада уже почти ничего не слышала, лишь какое-то невнятное бормотание, странное смешение различных звуков, в котором даже не пыталась разобраться, все глубже и глубже погружаясь в себя, в те потайные уголки своего сознания, где боль уже не казалась столь невыносимо резкой. Она точно плавала в некоем темном и теплом чреве, освещенном непонятными разноцветными вспышками огня.

Из этого краткого забытья ее вывел голос Трианны. Колдунья сказала:

– Прекрати это, служанка, и поскорее сними бинты, чтобы я могла исцелить твою госпожу.

Насуада открыла глаза и увидела Джормундура, короля Оррина и Трианну, которые стояли вокруг нее. Фадавар и его люди шатер уже покинули.

– Нет, – сказала Насуада.

Все с удивлением посмотрели на нее, и Джормундур тут же принялся ее успокаивать:

– Насуада, мысли твои затуманены, но ордалия уже закончена. Все позади, и тебе вовсе не нужно больше терпеть эту боль. И уж, по крайней мере, кровотечение-то остановить совершенно необходимо, так что...

– Фарика прекрасно с этим справляется. А чуть позже целитель просто зашьет мои раны и смажет, чем нужно, чтобы уменьшить воспаление, но больше ни к каким средствам я прибегать не буду.

– Но почему?

– Испытание Длинных Ножей требует от участников, чтобы их раны заживали естественным образом, иначе они не смогут в полной мере испытать ту боль, которой требует ордалия. Если я нарушу это правило, победителем будет объявлен Фадавар.

– Но ты позволишь мне хотя бы облегчить твои страдания? – спросила Трианна. – Я знаю несколько заклинаний, которые способны утишить любую боль. Если бы ты посоветовалась со мной прежде, я могла бы сделать так, что ты сумела бы хоть всю руку себе отсечь, не почувствовав ни малейшей боли.

Насуада рассмеялась и даже позволила себе слегка покачать головой, хотя голова у нее ужасно кружилась.

– И я бы ответила тебе точно так же, как и сейчас: бесчестный обман тут совершенно недопустим. Я должна была выиграть это состязание и выиграть его без обмана, чтобы никто в будущем не мог поставить под сомнение мои способности предводителя варденов.

И король Оррин очень мягко и вкрадчиво спросил:

– А если бы ты проиграла?

– Я не могла проиграть. Даже если бы это означало мою гибель, я ни за что не позволила бы себе отдать в руки Фадавара бразды правления варденами.

Оррин сурово и внимательно смотрел на нее несколько минут, потом промолвил:

– Я верю тебе. Вот только стоит ли верность кочевых племен столь великой жертвы? Ты играешь слишком важную роль, чтобы тебя можно было с легкостью заменить.

– Верность кочевых племен? Нет, она, возможно, и не так важна для нас, но имевшее место испытание будет иметь такой отклик, который далеко превзойдет все прочие ожидания. Ты и сам должен это понимать. И прежде всего, это еще больше сплотит наши силы. По-моему, это вполне достойная плата за то, что я по собственной воле оказалась смелее призрака смерти.

– Но скажи все же, что, по-твоему, выиграли бы вардены, если бы ты все-таки сегодня погибла от ран? О каком преимуществе тогда могла бы идти речь? Ведь последствиями этого стали бы полный упадок духа, хаос и, скорее всего, полный крах варденов.

Когда Насуаде доводилось пить вино, мед и другие крепкие напитки, она становилась особенно осторожной со словами и поступками, прекрасно зная, что даже легкое опьянение меняет суждения человека и его поведение, и ей совершенно не хотелось вести себя недостойно и тем самым давать кому-то некие преимущества.

Но сейчас она была пьяна от боли и не понимала того, что поняла впоследствии: ей бы следовало быть столь же осторожной в разговоре с Оррином, как если бы она выпила три кружки сваренного гномами напитка из меда и черники. И если бы тогда она это поняла, врожденная обходительность и воспитанная отцом вежливость и куртуазность никогда не позволили бы ей ответить так, как она ответила.

– Ну что ты кудахчешь, точно старая курица, Оррин? Зря тревожишься: я должна была это сделать и сделала. Так что совершенно бессмысленно продолжать эту болтовню... Да, я рисковала! Но разве можно, не рискуя, победить Гальбаторикса? Ведь мы и так постоянно танцуем на самом краю опасной пропасти. Ты же король. И вроде бы должен понимать, что опасность – это та королевская мантия, которую правитель принимает на свои плечи, набравшись смелости решать судьбы других людей.

– Я достаточно хорошо это понимаю! – огрызнулся Оррин. – Все члены моей семьи, как и я сам, в течение многих поколений защищали Сурду от Империи, тогда как вардены в это время попросту прятались в Фартхен Дуре, точно пиявки присосавшись к великодуш-

ному Хротгару! – Его одежды так и разлетелись, когда он, резко развернувшись, стремительно вышел из шатра.

– Ты очень плохо поступила, госпожа моя, – заметил Джормундур. – Ты еще пожалеешь о своих словах.

Насуада поморщилась, когда Фарика стянула бинтом очередную рану, и выдохнула:

– Ох, да знаю я! И постараюсь завтра же исцелить раненую гордость Оррина.

Крылатая вестница

А потом в памяти Насуады образовался некий провал, настолько полное отсутствие каких бы то ни было ощущений и мыслей, что она осознала это, лишь увидев перед собой Джормундура, который тряс ее за плечо и что-то громко ей говорил. Ей, правда, потребовалось еще некоторое время, чтобы расшифровать для себя звуки, проистекавшие из его уст. Наконец она услышала:

– И все время смотрит на меня, черт возьми! Вот ведь в чем дело! Эй, Насуада, не вздумай снова уснуть! Уснешь – и больше не проснешься!

– Можешь оставить меня в покое, Джормундур, – сказала она, заставив себя даже слегка улыбнуться. – Все, я уже пришла в себя.

– Между прочим, мой дядя Андсет был эльфом!

– Ну да, а что?

– Нет, ты точно такая же, как твой отец! Вечно плюешь на меры предосторожности, на собственную безопасность. Да пусть эти чертовы племена хоть сгниют в своей пустыне, соблюдая эти распроклятые допотопные обычаи! Чихать я на них хотел! Пожалуйста, Насуада, позволь целителю хоть немного помочь тебе! Ты сейчас не в состоянии принимать решения.

– Именно поэтому я и жду вечера. Смотри, солнце-то почти уже село. Сегодня я могу просто отдохнуть и прийти в себя, а завтра, уверяю тебя, голова у меня будет уже достаточно ясной, чтобы заниматься теми делами, которые требуют моего неотложного внимания.

Откуда-то сбоку возникло лицо Фарики; служанка склонилась над Насуадой и воскликнула:

– Ой, госпожа моя, ну и напугала ты нас!

– Вот именно! Мы и до сих пор еще от страха не избавились, – буркнул Джормундур.

– Ладно, мне уже гораздо лучше. – Насуада рывком заставила себя сесть, хотя предплечье тут же обожгло резкой болью. – Вы оба можете идти. Не тревожьтесь, все у меня будет хорошо. Джормундур, сообщи, пожалуйста, Фадавину, что он может оставаться вождем своего племени, если сам присягнет мне на верность, как военачальник своему верховному командиру. Он слишком опытный и умелый воин и руководитель, жалко было бы его потерять. А ты, Фарики, когда будешь возвращаться в свою палатку, скажи Анжеле-травнице, чтобы зашла ко мне; мне, возможно, потребуется ее помощь. Она обещала приготовить мне какие-то целебные отвары, способные побыстрее восстановить силы.

– Я никуда не уйду! Нельзя тебя одну в таком состоянии оставлять, – сурово заявил Джормундур.

– Прощу прощения, моя госпожа, но я с ним согласна, – сказала Фарики. – Это небезопасно.

Насуада глянула в сторону входа, чтобы убедиться, что никто из Ночных Ястребов не стоит от него слишком близко и не подслушивает, но все же понизила голос до шепота:

– Но я и не буду одна. – Брови Джормундура поползли вверх, а на лице Фарики появилось встревоженное выражение. – Я никогда не бываю одна. Вы меня понимаете?

– Значит, ты предприняла кое-какие... меры предосторожности, госпожа моя? – тоже шепотом спросил Джормундур.

– Да.

Оба ее заботливых стража, казалось, почувствовали легкую неловкость, и Джормундур сказал:

– Насуада, твоя безопасность – это моя обязанность; мне нужно знать, какую дополнительную защиту ты имеешь и кто конкретно имеет к тебе доступ.

– Нет, это тебе знать совершенно не обязательно, – мягко ответила она. И, увидев обиженное и рассерженное лицо Джормундура, прибавила: – Дело совсем не в том, что я сомневаюсь в твоей верности, вовсе нет! Но это только моя тайна. Ради собственного спокойствия я должна иметь при себе такое тайное оружие, которого никто другой увидеть не может. Если угодно, можешь считать это кинжалом, спрятанным в рукаве, или неким моим тайным пороком. Только не мучь себя предположениями, будто хоть чем-то вызвал мое недовольство. Ты отлично справляешься со своими обязанностями.

– Хорошо, госпожа моя, я уйду. – И Джормундур церемонно ей поклонился, чего, надо сказать, почти никогда не делал.

Насуада махнула рукой, и Джормундур с Фарикой поспешили покинуть ее красный шатер.

Минуты две единственным звуком, доносившимся до Насуады, был крик воронья, кружившего над лагерем варденов. Затем где-то у нее за спиной послышался легкий шорох, словно мышь вылезла из норки в поисках пищи. Обернувшись, она увидела, как Эльва выскальзывает из своего убежища, пробираясь между двумя полотнищами, образующими стену шатра.

Насуада внимательно следила за нею.

Неестественное взросление этой малышки продолжалось. Когда Насуада впервые познакомилась с нею, что, в общем, случилось совсем недавно, Эльве с виду было годика три-четыре. Теперь же ей можно было дать не меньше шести. Однако даже в простеньком детском платьице черного цвета с пурпурными оборками у ворота и на плечах младенцем она отнюдь не казалась. Длинные прямые волосы, гораздо темнее платья, ночным водопадом спускались у нее по спине; остренькое угловатое личико казалось белым как мел, ибо она крайне редко отваживалась выйти из шатра на воздух; на лбу светилась серебристая метка дракона; но особенно взрослыми были ее глаза, синие, как фиалки, но смотревшие, как у человека пресытившегося и предельно циничного. Таков был результат «благословения» Эрагона, неожиданно для него самого оказавшегося для этой девочки проклятием, ибо оно вынуждало ее не только испытывать боль других людей, но и пытаться их от нее избавить. Недавнее сражение чуть не убило Эльву, ибо страдания тысяч едва не лишили ее рассудка, хотя волшебницы из Дю Врангр Гата на время битвы погрузили ее в искусственный сон, стремясь хоть как-то защитить. Эльва лишь недавно вновь начала говорить и проявлять интерес к окружающему.

Она утерла свой нежный, как бутон розы, ротик тыльной стороной ладони, и Насуада спросила у нее:

– Тебе было очень больно?

Эльва пожала плечами.

– К боли я привыкла, ведь мне так и не удастся сопротивляться заклятью Эрагона... Знаешь, Насуада, меня трудно чем-то поразить, но ты очень сильная, раз сумела все это вытерпеть и нанести себе столько ранений.

Несмотря на то что Насуада много раз слышала голос Эльвы, все равно каждый раз в душе ее вспыхивала тревога, ибо из уст этой малышки исходил голос, исполненный горечи и насмешки, голос взрослой женщины, прожившей тяжелую жизнь. Стараясь не обращать внимания на эту особенность Эльвы, она ответила:

– Нет, ты гораздо сильнее меня. Я же не испытывала одновременно еще и боль Фадавара. Спасибо, что осталась со мной. Я знаю, чего это тебе стоило, и очень тебе благодарна.

– Благодарна? Ха! Благодарность – это для меня пустое слово, госпожа Ночная Охотница. – Детские губы Эльвы исказила неприятная усмешка. – А поесть у тебя ничего не найдется? Я жутко проголодалась.

– Фарика оставила хлеб и вино на столе, – сказала Насуада, и девочка, бросившись в противоположный конец шатра, впилась в кусок хлеба, точно голодный волк, и принялась руками

запихивать его в рот. – Во всяком случае, тебе, надеюсь, уже недолго все это терпеть, – вздохнула Насуада. – Как только Эрагон вернется, он тут же снимет с тебя свое заклятье.

– Возможно, – пожала плечами Эльва. Проглотив пол-каравая, она решила передохнуть и сообщила: – Между прочим, я солгала тебе насчет исхода этого испытания.

– Как это?

– Ну, я видела, что ты проиграешь.

– Проиграю?..

– Если бы я честно тебе призналась, твои нервы не выдержали бы и ты сдалась еще на седьмом порезе. Так что сейчас на твоём месте сидел бы Фадавар. Вот я и решила сказать тебе именно то, что тебе необходимо было услышать. И оказалась права.

Холодок пополз по спине Насуады. Если это действительно так, то она в ещё большем долгу перед этой девочкой-ведьмой. И все же ей было не по себе, оттого что Эльва так легко манипулирует ею. Пусть даже ради ее же, Насуады, собственного блага.

– Понятно. Похоже, я должна еще раз поблагодарить тебя.

Эльва рассмеялась каким-то дребезжащим, старческим смехом.

– И тебе это страшно неприятно. Так? Ну, не важно. Не тревожься из-за того, что могла меня этим обидеть. Мы ведь с тобой очень полезны друг для друга. А остальное не имеет значения.

Насуада вздохнула с облегчением, услышав, как один из гномов, охранявших ее шатер, бывший капитаном данного патруля, ударил своим молотом по щиту и провозгласил:

– Травница Анжела просит разрешения войти, госпожа Ночная Охотница!

– Пусть войдет, – откликнулась Насуада.

Анжела не вошла, а влетела в шатер; на ее согнутых руках висело множество различных корзиночек и мешочков. Вьющиеся волосы грозovým облаком обрамляли ее весьма озабоченное ныне лицо. За нею по пятам следовал кот Солебум в своем естественном, кошачьем, облике. Он тут же прильнул к коленям Эльвы и принялся тереться о них, выгибая спинку.

Бросив свой багаж на пол, Анжела выпрямилась и воскликнула:

– Ну вот, снова! То ты, то Эрагон! Похоже, я нахожусь среди варденов исключительно для того, чтобы лечить вас двоих, ибо вы оба ведете себя настолько глупо, что даже не понимаете: нужно все-таки постараться, чтобы вас не превратили в форшмак! – Говоря это, маленькая женщина решительно принялась разматывать бинты на правой руке Насуады, то и дело цокая языком и выражая этим свое крайнее неодобрение. – Обычно, когда целитель спрашивает пациента, как тот себя чувствует, пациент начинает врать, цедя сквозь зубы, что, дескать, ничего, не так уж плохо, но могло бы быть и лучше, а целитель говорит в ответ: «Ну что ж, все отлично! Постарайтесь не унывать и вскоре совсем выздоровеете». Но тут, я вижу, дело обстоит иначе. Хотя в ближайшем будущем ты явно не вскочишь на ноги и не побежишь во главе войска, дабы в очередной раз сразиться с Империей. Это я тебе точно говорю.

– Но я ведь поправлюсь, верно? – робко спросила Насуада.

– Поправишься бы, если бы я могла воспользоваться магией, чтобы залечить твои раны. Но поскольку этого сделать я не могу, то какие-то прогнозы давать гораздо сложнее. Придется тебе потерпеть и выждать, чтобы все это зажило само. Впрочем, так терпит большинство людей. Будем только надеяться, что ни в один из этих порезов не попадет инфекция. – Она перестала возиться с бинтами и посмотрела девушке прямо в глаза. – Ты хоть понимаешь, что на руках у тебя теперь останутся шрамы?

– Ну, останутся так останутся.

– Верно, в общем...

И Насуада, сдерживая стоны, отвернулась, чтобы не видеть, как Анжела зашивает ее порезы и покрывает их толстым слоем кашицы из истолченных в порошок целебных растений. Краем глаза Насуада видела, что Солебум вспрыгнул на стол и уселся рядом с Эльвой,

широкой мохнатой лапой подцепил кусок хлеба с тарелки и стал есть, посверкивая белыми зубищами. Черные кисточки на ушах у кота-оборотня, слишком большие для обычной кошки, подрагивали, когда он прислушивался к металлическому звону оружия и доспехов воинов, проходивших мимо шатра.

– Барзул! – вырвалось у Анжелы. – Только мужчины могли придумать, что надо резать себя, чтобы определить, кто вожак стаи! Идиоты!

Смеяться Насуаде было больно, но она все же не сдержалась.

– Это точно! – с трудом выдавила она.

Когда Анжела кончала накладывать своей пациентке последний бинт, тот же гном-охранник крикнул у входа в шатер:

– Стой! – И тут же послышался дробный звон металла – это охрана скрестила мечи, закрывая путь тому, кто пытался без разрешения проникнуть в шатер.

Насуада, не задумываясь ни секунды, выхватила из ножен, пришитых к лифу, маленький четырехдюймовый кинжал. Пальцы не слушались и казались какими-то слишком толстыми, словно распухшими; мышцы руки тоже отказывались ей повиноваться. У нее было такое ощущение, словно рука ее заснула; не спали только те тонкие жгучие линии, которые она сама нанесла на своем предплечье.

Анжела также выхватила кинжал, который достала откуда-то из недр своих одежд, загрозила Насуаду собой и пробормотала какую-то фразу на древнем языке. Спрыгнув на землю, Солебум низко присел у ног Анжелы; шерсть у него встала дыбом, отчего он казался крупнее иной собаки. Из глотки кота доносилось тихое басовитое рычание.

Эльва же продолжала есть как ни в чем не бывало. Она изучила кусок хлеба, который держала двумя пальцами, точно некое диковинное насекомое, потом обмакнула его в бокал с вином и сунула в рот.

– Госпожа! – вскричал кто-то из людей. – Эрагон и Сапфира быстро приближаются к нам с северо-востока!

Насуада сунула кинжал в ножны и, заставив себя встать с трона, сказала Анжеле:

– Помоги мне одеться.

Анжела поднесла к ней расстегнутое платье, так что Насуаде осталось только шагнуть в него. Затем Анжела бережно продела ее руки в рукава, а затем принялась шнуровать платье на спине. Ей помогала Эльва. Вместе они быстро привели Насуаду в надлежащий вид.

Насуада осмотрела свои руки, на которых теперь совсем не видно было бинтов, и спросила:

– Как ты думаешь, мне стоит скрывать свои раны или пусть все смотрят?

– Это уж от тебя зависит, – ответила Анжела. – Может, ты думаешь, твои дурацкие ранения твой авторитет повысят? А может, как раз наоборот – обрадуют твоих врагов, которые решат, что сейчас ты особенно слаба и уязвима? Это вопрос, скорее, философский; так и про человека, который всего лишь большой палец потерял, можно воскликнуть: «Ах, он теперь калека!», а можно сказать: «О, молодец! Он достаточно силен, умен и удачлив, что избежал более серьезных ранений».

– Странные ты делаешь сравнения!

– Спасибо.

– Испытание Длинных Ножей – это поединок силы, – сказала Эльва. – Это хорошо известно и варденам, и жителям Сурды. Ну, и что, Насуада, ты горда проявленной силой?

– Обрежьте рукава, – велела Насуада. И, когда Анжела и Эльва заколебались, повторила: – Ну же, давайте! По локоть. Ничего, платье мне потом в порядок приведут.

Несколько ловких движений, и Анжела бросила на стол отрезанные куски ткани.

Насуада гордо вздернула подбородок:

– Эльва, если почувствуешь, что я вот-вот потеряю сознание, пожалуйста, скажи об этом Анжеле и пусть она меня подхватит. Ну что, пошли? – И все трое, стараясь держаться как можно ближе друг к другу и чуть вытолкнув Насуаду вперед, вышли из шатра. Солебум, как всегда, шел сам по себе.

Как только они появились снаружи, гном, начальник патруля, рывкнул: «Смирно!» И все шесть Ночных Ястребов окружили Насуаду и ее сопровождающих плотным кольцом: люди и гномы спереди и сзади, а огромные ургалы – высотой более восьми футов – по обе стороны от нее.

Вечерние сумерки, пронизанные последними золотисто-красными закатными лучами, царили в лагере варденов, и от этого бесконечные ряды шатров и палаток приобрели немного волшебный вид. Ставшие более темными и длинными тени предвещали скорую ночь, и бесчисленные факелы и сторожевые костры уже горели ярко в теплом серо-голубом воздухе. Небо на востоке было ясным. На юге длинное низкое облако черного дыма скрывало горизонт и Пылающие Равнины, которые находились от лагеря примерно в полутора лигах. На западе полоса буков и осин отмечала русло реки Джиег, где стояло у причала судно «Крыло дракона», то самое, которое Джоад, Роран и прочие жители Карвахолла некогда пиратски захватили. Но Насуада смотрела только на север, на сверкающий силуэт Сапфиры, идущей на снижение. Дракониху все еще освещали последние солнечные лучи, и она, окутанная голубым сиянием, напоминала созвездие, упавшее с небес.

Это было столь великолепное зрелище, что Насуада застыла от восхищения, благодарная судьбе за то, что ей повезло стать свидетельницей таких вот полетов. «Они спасены!» – подумала она и даже вздохнула от облегчения.

Тот воин, который принес весть о прибытии Сапфиры – худой человек с большой, давно не стриженной бородой, – поклонился и заметил:

– Госпожа моя, как ты и сама можешь видеть, я сказал правду.

– Да. И ты хорошо поступил. У тебя, должно быть, невероятно зоркие глаза, что ты ухитрился еще издали заметить Сапфиру. Как твое имя?

– Флетчер, сын Хардена, госпожа моя.

– Приношу тебе свою благодарность, Флетчер. А теперь ты можешь возвращаться на свой пост.

Человек снова поклонился ей и рысцой побежал куда-то к границе лагеря.

Не сводя глаз с Сапфиры, Насуада осторожно прошла меж рядами палаток к просторной поляне, находившейся чуть в стороне и пригодной для того, чтобы Сапфира могла взлетать и садиться. Охранники и подруги шли рядом с нею, но она почти не обращала на них внимания, мечтая поскорее вновь увидеть Эрагона и Сапфиру. Она сильно тревожилась о них все последние дни – и как предводительница варденов, и как друг, причем последнее отчасти ее даже удивило.

Сапфира летела быстро, точно хищный коршун или ястреб, которых Насуада не раз, разумеется, видела, однако дракониха находилась все еще в нескольких милях от лагеря, и ей понадобилось минут десять, чтобы преодолеть оставшееся расстояние. К этому времени вокруг поляны собралась огромная толпа: люди, гномы и даже несколько рогатых ургалов с серой шкурой во главе с куллом Нар Гарцвогом, который начинал плевать, если люди подходили к нему слишком близко. Также среди собравшихся был король Оррин со своими придворными, который остановился подальше от Насуады; был там и Нархайм, посол гномов, который принял на себя функции Орика, когда тот покинул лагерь и вернулся в Фартхен Дур. Ну и, конечно, пришли Джормундур и прочие члены Совета Старейшин, а также Арья.

Высокая стройная эльфийка сразу пробралась сквозь толпу поближе к Насуаде. Даже когда Сапфира уже висела в небесах над толпой, люди оборачивались вслед Арье, столь сильное впечатление она производила на любого. С ног до головы в черном, она носила узкие муж-

ские штаны, на бедре у нее покачивался меч, а за плечами – лук и колчан со стрелами. Кожа у Арьи была цвета светлого меда, а лицо было треугольное, как у кошки. И двигалась она с такой гибкостью и силой, что нетрудно было предположить, сколь искусно она владеет мечом и сколь нечеловеческой силой она обладает.

Ее необычный наряд всегда несколько поражал Насуаду, считавшую его чуточку неприличным; уж больно он облегал ее женские прелести. Но и Насuada признавала: в любой одежде, в роскошных платьях или в лохмотьях, Арья выглядела бы заметнее и царственнее, чем любой, даже самый знатный, из смертных.

Остановившись перед Насуадой, Арья едва заметным жестом изящной руки указала на ее ранения.

– Как сказал наш поэт Эарнэ, подвергнуть себя воздействию зла во имя любимого народа и любимой страны – что может быть лучше. Я знала всех и каждого из предводителей варденов; все они были людьми сильными и могущественными, но самым выдающимся из них был Аджихад. Хотя в данном случае, по-моему, ты превзошла даже собственного отца.

– Твои слова, Арья, большая честь для меня, но, боюсь, что, если буду гореть столь же ярко, слишком немногие будут помнить моего отца так, как он того заслуживает.

– Подвиги детей – это следствие того воспитания, которое они получили от своих родителей. Гори, как солнце, Насuada, ибо чем ярче ты горишь, тем больше будет тех людей, которые станут уважать Аджихада за то, что он научил тебя, еще совсем юную, нести ответственность за целый народ.

Насuada опустила голову, ибо эти слова Арьи проникли ей в самое сердце. Потом улыбнулась и сказала:

– Юной? Да нет, по нашим меркам я вполне взрослая женщина.

Зеленые глаза Арьи ласково блеснули.

– Это верно. Но если судить по годам, а не по мудрости, то ни один из вас, людей, не может считаться взрослым среди моего народа. Разве что Гальбаторикс.

– И я, – вставила Анжела.

– Да ладно тебе, – сказала Насuada, – ты вряд ли намного старше меня.

– Ха! Ты путаешь внешний вид и истинный возраст. Тебе следовало бы получше разбираться в таких вещах, ведь ты уже столько времени с Арьей общаешься.

Но прежде чем Насuada успела спросить, сколько же Анжеле на самом деле лет, кто-то сильно потянул ее сзади за платье, и она, оглянувшись, увидела, что это Эльва позволяет себе подобные вольности. Девочка поманила ее к себе и прошептала:

– Эрагона на Сапфире нет.

У Насуады перехватило дыхание. Она вгляделась в кружившую над лагерем, в нескольких тысячах футов от земли, Сапфиру. Ее огромные крылья, похожие на крылья летучей мыши, казались черными на фоне темнеющего неба. Насuada видела брюхо Сапфиры, ее белые когти на поджатых к чешуйчатому брюху лапах, но, кто сидел у драконихи на спине, ей видно не было.

– Откуда ты знаешь? – тихо спросила она у Эльвы.

– Я не могу почувствовать ни его страхов, ни его волнений. Роран там и еще какая-то женщина. Думаю, это Катрина. А больше никого.

Насuada выпрямилась, хлопнула в ладоши и в полный голос крикнула:

– Джормундур!

Джормундур, находившийся от нее более чем в двадцати шагах, бегом бросился к ней, расталкивая тех, кто попадался ему на пути; он был достаточно опытен, чтобы сразу понять, когда дело не терпит отлагательств.

– Да, госпожа моя!

– Очисти поляну от народа! Пусть здесь не будет никого, прежде чем Сапфира успеет приземлиться.

– Даже Оррина, Нархайма и Гарцвога?

Насуада поморщилась:

– Нет, эти пусть остаются. Но больше никому не разрешай задерживаться. Поспеш!

Джормундур принялся громким голосом раздавать приказы, а Арья с Анжелой придвинулись к Насуаде совсем близко. Похоже, они были встревожены не меньше ее.

– Сапфира не была бы такой спокойной, если бы Эрагон был ранен или мертв, – сказала Арья.

– Где же он в таком случае? – спросила Насуада. – В какую еще неприятную историю он теперь ввязался?

Оглушительный шум наполнил поляну – это Джормундур и его люди загоняли зрителей обратно в палатки, порой прибегая и к палочным ударам, если кто-то слишком упорно сопротивлялся, медлил или начинал громко протестовать. Кое-где возникли даже потасовки, но командиры патрулей по указу Джормундура быстро восстановили порядок, чтобы не дать разгореться ссорам и насилию. К счастью, ургалы по одному слову своего командира Гарцвога удалились без малейшего сопротивления, хотя сам Гарцвог все-таки остался и подошел к Насуаде вместе с королем Оррином и гномом Нархаймом.

Насуаде показалось, что земля дрожит у нее под ногами, когда к ней приблизился этот восьмифутовый ургал. Он поднял свое костистое лицо, в знак уважения к Насуаде прочистил глотку и спросил относительно негромко:

– Что это значит, госпожа Ночная Охотница? – Форма его челюстей и зубов, а также невероятный выговор делали его речь почти непонятной.

– Да уж, и мне, черт побери, очень хотелось бы получить разъяснения на сей счет! – заявил Оррин, весь красный от возмущения.

– И мне тоже, – вставил Нархайм.

И Насуаде пришло в голову, пока она смотрела на них, стоявших перед нею, что, возможно, впервые за тысячи лет представители столь разных народов Алагейзии собрались здесь вместе и разговаривают вполне мирно. Единственными, кто здесь отсутствовал, были раззак со своими «летучими мышами», и Насуада знала, что никто в здравом уме и не стал бы приглашать этих мерзких тварей на свои тайные совещания. Указав на Сапфиру, она сказала:

– Она даст вам ответы на все ваши вопросы.

И едва последние сопротивлявшиеся зрители успели покинуть поляну, как мощный поток воздуха чуть не сбил Насуаду с ног – это Сапфира упала на землю, отчаянно тормозя крыльями. Она приземлилась на все четыре лапы, и глухой гул раскатился по всему лагерю. Отстегнув ремешки, Роран и Катрина мгновенно скатились с седла.

Быстро сделав несколько шагов им навстречу, Насуада внимательно всматривалась в лицо Катрины. Ей было весьма любопытно узнать, какая женщина способна вдохновить мужчину на совершение столь невероятных подвигов. Молодая женщина, стоявшая перед нею, была довольно крепкого сложения, но очень бледная, словно после долгой болезни; у нее была целая грива медно-рыжих волос и такое рваное и грязное платье, что было невозможно определить, как оно выглядело изначально. Но, несмотря на все перенесенные в плену жестокости и страдания, было совершенно ясно, что Катрина все же весьма привлекательна, хотя, по мнению Насуады, и не настолько, чтобы поэты и барды стали бы воспевать ее красоту. Во взгляде ее и повадке было столько силы и решимости, что Насуада поняла: если бы в плен попал Роран, то и Катрина оказалась бы вполне способна поднять жителей Карвахолла, увести их на юг, в Сурду, выступить во главе войска, сражаясь на Пылающих Равнинах, а затем отправиться в Хелгринд. И все это она сделала бы только ради спасения своего возлюбленного. Даже заметив Гарцвога, Катрина не вздрогнула, не присела, а осталась спокойно стоять рядом с Рораном.

Роран поклонился Насуаде, затем боком – королю Оррину и сказал с мрачным видом:
– Ваше величество, если позволите, это моя невеста Катрина.

Девушка поклонилась им обоим.

– Добро пожаловать в стан варденов, Катрина, – сказала Насуада. – Мы все здесь о тебе уже наслышаны. Как и о необычайной преданности Рорана. Песни о его любви к тебе, можно сказать, уже поют по всей земле.

– Да, добро пожаловать к нам, – подхватил Оррин. – Мы очень рады.

Насуада заметила, что король просто глаз не сводит с Катрины, как и все прочие присутствующие мужчины, включая гномов; она не сомневалась, что теперь они до утра станут рассказывать байки о невероятных чарах невесты Рорана. Ведь то, что ради нее совершил Роран, значительно поднимало ее над уровнем обычной женщины, делало ее объектом таинственным, достойным восхищения, вызывало повышенное внимание воинов. То, что кто-то готов столь многим пожертвовать ради любимого человека, означало, хотя бы в силу той цены, которая была уплачена, что этот человек поистине бесценен.

Катрина покраснела, улыбнулась и поблагодарила всех. Но, несмотря на то что она явно была смущена подобным вниманием, лицо ее горело не столько от смущения, сколько от гордости; казалось, она отлично понимает, какой замечательный человек Роран, и была счастлива, что именно ей удалось «взять его сердце в полон». Он принадлежал ей, и иной награды для себя она не желала.

Насуаду вдруг охватило острое чувство одиночества. «Как бы мне хотелось обладать тем же, чем обладают они!» – думала она. Ее многочисленные обязанности не оставляли времени на девичьи мечты об ухажерах и замужестве – ну и, разумеется, о детях, – если только она не вздумает заключить с кем-то брак по расчету, исходя из соображений наибольшей выгоды для варденов. Она давно уже подумывала о подобном браке с Оррином, но у нее каждый раз не хватало решимости. Однако судьбой своей она все же была довольна и не завидовала Катрине и Рорану. Ее цель была куда более значительной; она мечтала победить Гальбаторикса, а это, с ее точки зрения, куда важнее, чем банальный брак.

Почти все выходят замуж и женятся, но у многих ли бывает возможность увидеть рождение новой эры?

«Сегодня вечером я что-то сама не своя, – думала Насуада. – Из-за ранений, что ли? Вот и мысли мечутся и гудят, точно пчелиный рой». Встряхнувшись, она посмотрела уже не на Катрину и Рорана, а на Сапфиру. Открыв заслон в собственных мыслях, который она обычно держала на запоре, она постаралась установить связь с Сапфирой и осторожно спросила:

– Где он?

С сухим шелестом чешуй, трущихся друг о друга, Сапфира наклонилась вперед и приложила свою голову к Насуаде, Арье и Анжеле. Левый глаз драконихи поблескивал синим огнем. Она два раза фыркнула, и из пасти ее высунулся алый язык. Горячее влажное дыхание колыхнуло кружевной воротник платья Насуады.

Насуада судорожно сглотнула, когда ее сознания коснулись мысли дракона. От соприкосновения с этим разумом у нее каждый раз возникало какое-то непередаваемое, странное ощущение существа невероятно древнего, свирепого, чуждого людям, но вместе с тем чрезвычайно нежного. Все это в сочетании с весьма впечатляющей внешностью Сапфиры всегда напоминало Насуаде: если Сапфире вдруг захочется их съесть, она сделает это без труда. Насуада была уверена, что невозможно чувствовать себя безмятежно в присутствии дракона.

«Я чую кровь, – сказала Сапфира. – Кто ранил тебя, Насуада? Назови их имена, и я разорву мерзавцев пополам, а головы их принесу тебе в качестве трофея».

– Нет никакой необходимости никого рвать на части. Во всяком случае пока. Я сама нанесла себе ножом эти раны. Однако сейчас неподходящее время, чтобы углубляться в рассказы об этом. Сейчас мне важнее всего узнать, где Эрагон?

«Эрагон, – сказала Сапфира, – решил остаться в Империи».

В течение нескольких секунд Насуада была не способна ни двигаться, ни думать. Первое, резкое, неприятие слов Сапфиры сменилось в ее душе тяжелым ощущением неизбежности злой судьбы. Остальные также реагировали по-разному, из чего Насуада заключила, что Сапфира мысленно разговаривала со всеми одновременно.

– Но как... как же ты позволила ему остаться? – вырвалось у нее.

Тонкие язычки огня вылетели из ноздрей Сапфиры, она негодуя фыркнула и сказала:

«Эрагон сделал свой личный выбор. Я не могла остановить его. Он настаивает на том, чтобы делать то, что считает правильным, вне зависимости от последствий как для него самого, так и для остальной Алагейзии... Я, конечно, могла бы схватить его и трясти его, как цыпленка, но я горжусь им. Не бойся; он сумеет о себе позаботиться. И пока что у него не возникло никаких неприятностей. Я бы знала, если бы он, скажем, был ранен».

– А почему он сделал именно такой выбор, Сапфира? – спросила Арья.

«Мне быстрее было бы показать вам это, чем объяснять на словах. Можно?»

Все закивали, выражая полное согласие.

Поток воспоминаний Сапфиры хлынул им в души. Насуада увидела черный Хелгринд с высоты полета орла и услышала, как Эрагон, Роран и Сапфира обсуждают предстоящий штурм Хелгринда; она смотрела, как они обнаруживают логово раззак, и стала свидетельницей эпического сражения Сапфиры с летхрблэком. Эта череда образов застывала в Насуаде. Она родилась в Империи, но ничего о ней не знала и не помнила; и впервые, будучи уже взрослой, увидела нечто иное, чем дикие края на окраине владений Гальбаторикса.

Затем последовала сцена ссоры Эрагона и Сапфиры. Сапфира явно хотела скрыть эти воспоминания, но тоска, не дававшая ей покоя после того, как она оставила Эрагона в Хелгринде, была такой мучительной, что и Насуаде пришлось утирать мокрые от слез щеки своими перебинтованными руками. Однако же причины, которые назвал Сапфире Эрагон – убить последнего раззак и обследовать остальную часть Хелгринда, – и Насуаде показались явно недостаточными.

Она нахмурилась. «Эрагон, может, и безрассуден, но далеко не глуп и не стал бы подвергать опасности все то, к чему мы так стремимся, ради собственного желания посетить несколько подземных пещер и до последней капли утолить свою месть. Нет, тут должно быть какое-то другое объяснение». Она не знала, стоит ли пытаться заставить Сапфиру сказать правду, но понимала, что просто так Сапфира подобные сведения удерживать при себе не стала бы, и решила, что Сапфира, возможно, просто хочет обсудить это с нею позже, наедине.

– Черт побери! – взорвался король Оррин. – Худшего времени для скитаний в одиночку Эрагон просто выбрать не мог! Какое значение имеет один-единственный раззак, когда в нескольких милях от нас вся армия Гальбаторикса? Надо непременно вернуть его назад!

Анжела рассмеялась. Она вязала носок на пяти костяных спицах, которые стучали и царапали друг друга в ровном, но довольно странном ритме.

– А как? Он ведь будет идти днем, а Сапфира не может полететь и высмотреть его сверху, потому что при солнечном свете любой ее заметит и сообщит об этом Гальбаториксу.

– Да, конечно, но ведь он наш Всадник! Мы не можем сидеть сложа руки, когда он находится один на вражеской территории.

– Согласен, – сказал Нархайм. – Мы любым способом должны обеспечить безопасное возвращение Эрагона. Гримстнзборитх Хротгар принял Эрагона в свой клан, сделал его своим приемным сыном – а это, между прочим, и мой клан тоже, – и мы обязаны хранить ему верность, согласно всем нашим законам и зову нашей крови.

И тут Арья опустила на колени и, к великому изумлению Насуады, принялась расшнуровывать свои высокие сапоги, вытаскивая из них шнурки. Зажав в зубах один из шнурков, она спросила:

– Сапфира, а где точно находился Эрагон, когда ты в последний раз говорила с ним?

«У входа в Хелгринд».

– А представляешь ли ты себе, каким примерно путем он собирался возвращаться?

«Он тогда еще и сам этого не знал».

Вскочив на ноги, Арья сказала:

– Ну что ж, тогда придется посмотреть повсюду.

И она, точно олень, рванулась вперед, пересекла поляну и мгновенно исчезла среди палаток, направляясь на север; она не бежала, а летела, столь же легкая и быстрая, как сам ветер.

– Нет, Арья, нет! – вскричала Насуада, но эльфийка была уже далеко, и Насуаду охватило ощущение такой полной безнадежности, что у нее опустились руки. «Наш орден разваливается на глазах», – в ужасе думала она.

Поправляя свои коротковатые доспехи, лишь слегка прикрывавшие его могучий торс, кулл Гарцвог сказал Насуаде:

– Не угодно ли тебе, госпожа Ночная Охотница, чтобы я последовал за нею? Я не могу бежать так же быстро, как маленькие эльфы, зато могу бежать столь же долго.

– Нет... нет, останься. Арья на расстоянии вполне может сойти за человека, а на тебя воины Гальбаторикса сразу начнут охоту, стоит только какому-нибудь фермеру сообщить им, что он случайно тебя заметил.

– Я привык, что на меня охотятся.

– Но не в центре Империи, где повсюду шныряют сотни слуг Гальбаторикса. Нет уж, Арье придется самой о себе позаботиться. Хотя я бы все на свете отдала, чтобы она смогла отыскать Эрагона и благополучно вернуться с ним вместе, ибо без него дело варденов обречено.

Спасение и бегство

Ноги Эрагона мерно стучали по земле.

Этот громкий топот, зарождаясь где-то в пятках, отдавался по ногам, переходил по бедрам в позвоночник и завершался у основания черепа. От собственного топота у Эрагона дробно стучали зубы и ломило в висках, и с каждой милей эта головная боль только усиливалась. Сперва этот монотонный топот раздражал его, а потом стал даже усыплять, приводя в состояние, близкое к трансу, когда он даже думать уже не мог и мог только бежать.

Когда башмаки Эрагона касались земли, он слышал хруст ломающихся стеблей травы, видел взлетающие с потрескавшейся почвы облачка пыли. Он догадывался, что прошло, наверное, не менее месяца с тех пор, как в этой части Алагейзии были дожди. Сухой воздух, казалось, высасывал влагу даже из его дыхания, и в горле постоянно першило. Сколько бы он ни пил, ему никак не удавалось восстановить потерю той жидкости, которую крали у него солнце и ветер.

Отсюда и эта головная боль.

Хелгринд остался далеко позади. Однако Эрагон продвигался значительно медленнее, чем надеялся. Сотни патрулей Гальбаторикса, в составе которых были и маги, кишели повсюду, и ему часто приходилось прятаться. У него не было ни малейших сомнений: ищут, безусловно, именно его. А прошлым вечером он даже заметил Торна, летевшего низко над западным краем неба. Он немедленно закрыл свои мысли, бросился в первую же канаву и пролежал там, наверное, с полчаса, пока Торн снова не скрылся за горизонтом.

Эрагон давно уже решил пользоваться по мере возможности именно проезжими дорогами и главными тропами.

События последней недели привели его к почти полному физическому и душевному истощению. Он предпочитал дать своему телу отдых и возможность набраться сил, а не продирается по холмам напрямки сквозь заросли колючего кустарника или вброд через илистые речки. Время для отчаянного, яростного напряжения сил, конечно, снова придет, но сейчас это время еще не наступило.

В общем, пока Эрагон придерживался дорог; он даже бежать в полную силу не решался; вообще-то разумнее было бы и вовсе не бежать, а просто идти. Вокруг виднелись разнообразные деревушки и отдельные фермерские дома. Если бы кто-то из местных жителей увидел на дороге одинокого человека, который мчится так, словно за ним гонится стая волков, это, несомненно, вызвало бы ненужное любопытство и массу подозрений, а может быть, кто-то из перепуганных земледельцев взял бы да и сообщил имперским властям. А это было для Эрагона смертельно опасно, ибо самой большой его защитой в данный момент был плащ с капюшоном.

Теперь он бежал только тогда, когда вокруг не было видно ни одного живого существа, если не считать змей, гревшихся на солнце.

Больше всего Эрагону хотелось поскорее вернуться к варденам, и его страшно раздражало, что он вынужден плестись по дорогам, как самый обыкновенный бродяга. И все же он не мог не оценить то, что наконец-то остался в одиночестве. Он не был наедине сам с собой, то есть по-настоящему один, с тех пор как нашел в Спайне яйцо Сапфиры. И его мысли постоянно путались с ее мыслями, или с мыслями Брома, или с мыслями Муртага, или еще кого-то из тех, кто в данный момент находился с ним рядом. Помимо чьего-то постоянного мысленного присутствия, которое иной раз казалось ему довольно утомительным, Эрагон много месяцев с тех пор, как покинул долину Паланкар, провел в тяжелейшей работе над собой, в бесконечных учениях, которые прерывались лишь для очередного путешествия или для участия в сражении. Никогда прежде ему не приходилось до такой степени сосредотачиваться и так долго соприкасаться с таким количеством чужого страха и чужой тревоги.

А потому Эрагон был даже рад своему одиночеству и тому покою, которое оно принесло с собой. Отсутствие голосов, включая и его собственный голос, действовало на него, как колыбельная; это молчание как бы вымывало из его души страх перед будущим. У него не возникало ни малейшего желания вести мысленные беседы с Сапфирой – хотя сейчас они были так далеко друг от друга, что им было бы весьма затруднительно это сделать; впрочем, иная, внутренняя связь с нею непременно сказала бы ему, если бы она, скажем, была ранена. Не хотелось ему связываться мысленно и с Арьей или Насуадой, не хотелось слушать их сердитые речи. Куда лучше, думал Эрагон, наслаждаться тишиной, слушая пение птичек и вздохи ветра в траве и густой листве деревьев.

Звон упряжи, топот конских копыт и голоса людей заставили Эрагона очнуться от мечтаний. Встревожившись, он остановился и огляделся, пытаясь определить, с какой стороны к нему приближаются эти люди. Из ближайшего оврага с криками вылетела и закружилась пара галок.

Единственным укрытием поблизости были кусты можжевельника. Эрагон бросился туда и нырнул под нависавшие над землей ветки как раз в тот момент, когда из оврага показались шестеро верховых, которые бодро проскакали по узкой глинистой дороге буквально в пяти шагах от Эрагона. Вообще-то Эрагон должен был бы почувствовать их приближение задолго до того, как они подобралась так близко к нему, но с тех пор, как на горизонте он увидел летящего Торна, он держал свои мысли закрытыми, пригасив заодно и активность всех своих органов чувств.

Солдаты придержали поводья, остановились посреди дороги и стали спорить.

– Говорю тебе, я кого-то видел! – кричал один из них, невысокий, краснолицый, со светлой, рыжеватой бородкой.

Сердце Эрагона бешено билось; он тщетно пытался заставить себя дышать медленно и ровно. Быстро коснувшись рукой лба, он убедился, что кусок ткани, которым он обвязал голову, по-прежнему прикрывает его стреловидные брови вразлет и заостренные, как у эльфа, уши. «Жаль, что на мне нет доспехов», – подумал он. Чтобы не привлекать ненужного внимания, он сделал себе некое подобие заплечного мешка из сухих веток и куска ткани, который выменял у бродячего торговца, и спрятал туда свои доспехи. И теперь не осмеливался вынуть их и надеть, опасаясь, что солдаты его услышат.

Тот солдат с рыжеватой бородкой слез со своего гнедого коня и прошелся по обочине дороги, внимательно осматривая заросли можжевельника. Как и все воины армии Гальбаторикса, он был в красной котте, на которой золотой нитью были вышиты извивающиеся языки пламени, поблескивавшие при каждом его движении. Доспехи у него были самые простые – конусообразный шлем, щит и кожаный жилет, – свидетельствующие о том, что он вряд ли выше чином обычного пехотинца, который просто сел на лошадь. Вооружение его состояло из копия в правой руке и длинного меча, висевшего на бедре.

Когда этот воин, звеня шпорами, подошел к убежищу Эрагона почти вплотную, Эрагон шепотом стал произносить на древнем языке довольно сложное заклинание. Старинные слова лились ручейком, и вдруг – что сильно его встревожило – он запнулся, запутался, неверно произнес трудное скопление гласных, и был вынужден начать все сначала.

Солдат сделал еще шаг по направлению к нему.

И еще один.

И как раз в тот момент, когда солдат остановился прямо напротив него, Эрагон завершил заклинание и почувствовал, как тают его силы, ибо начала действовать магия. Он, впрочем, опоздал буквально на мгновение и не успел исчезнуть раньше, чем рыжебородый солдат заметил его и воскликнул: «Ага!», раздвинув ветки и глядя, казалось, прямо ему в глаза.

Эрагон не пошевелился.

А солдат все вглядывался в него и ничего не видел. Затем, нахмурившись, он пробормотал:

– Что за чертовщина... – И потыкал в куст копьем, едва не попав Эрагону в лицо. Эрагон впился ногтями в ладони; напряженные мышцы дрожали, ноги сводило судорогой. – Нет, черт побери, никого! – воскликнул рыжебородый и отпустил колючие ветки, тут же хлестнувшие Эрагона по лицу.

– Что там такое? – крикнул второй патрульный.

– Да ничего, – ответил рыжебородый, снял шлем и вытер вспотевший лоб. – Глаза мои, видно, что-то дурят.

– И чего этому ублюдку Бретану от нас надо? И так мы в последние два дня почти не спали!

– Вот именно. Король наш, похоже, в отчаянии, раз так нас гоняет... Честно говоря, я бы предпочел и вовсе не находить того, кого мы ищем. Кто бы там он ни был. И не то чтобы я такой уж слабак или трус, да только того, кто способен Гальбаторикса в замешательство привести, нам лучше и вовсе избегать. Пусть Муртаг и его чудовищный дракон ловят этого таинственного беглеца, верно я говорю?

– Если только нам еще и Муртага искать не придется, – заметил третий всадник. – Ты же не хуже меня слышал, что он говорил, этот Морзанов ублюдок.

Солдаты примолкли; над дорогой повисла нехорошая тишина. Затем один из них, стоявший на земле, вскочил в седло, натянул левой рукой поводья и сказал:

– Держал бы ты свою пасть на замке, Дервуд. Больно много ты говорить стал.

После чего все шестеро пришпорили своих скакунов и поскакали по дороге дальше на север.

Как только смолк стук копыт, Эрагон завершил заклинание, протер кулаками глаза и положил руки на колени. Потом он долго и от души хохотал, качая головой, восхищенный тем, насколько сильно отличалось только что пережитое им приключение от всех тех, что выпали на его долю, пока он рос в долине Паланкар. «Да мне и в голову прийти не могло, что со мной такое случиться может!» – думал он.

Заклинание, которым он воспользовался, состояло из двух частей: первая позволяла лучам света окутать его тело так, что оно становилось невидимым, а вторая надежно защищала его от других заклинателей, которые могли бы почуять, что он применил магию. Основным недостатком этого заклинания было то, что оно не могло скрыть следы ног – потому и нужно было застыть на месте, как статуя, на время его действия – и тень того, кто его произнес.

Выбравшись из колючих зарослей, Эрагон помахал над головой вытянутыми руками, разгоняя кровь, и повернулся лицом к тому оврагу, из которого выехали солдаты. Вопрос о том, что же все-таки сказал Муртаг, не давал ему покоя.

– Ах!..

Сон, предшествовавший пробуждению и окутавший Эрагона точно пеленой, исчез, стоило ему попытаться его вспомнить. Он свернулся в клубок и быстро откатился от того места, где лежал. Затем не без усилий вскочил на ноги и поднял руки перед собой, готовясь отразить возможные удары.

Его окружала ночная тьма. Над головой безразличные ко всему звезды продолжали совершать свой бесконечный путь по небосклону. На земле не шевелилось, казалось, ни одно живое существо; Эрагон не слышал ни звука, кроме легкого нежного шелеста ветра в траве.

Эрагон мысленно ощупал ближайшие окрестности; он был совершенно убежден, что кто-то готовится на него напасть. Но даже на расстоянии тысячи футов от себя во все стороны так никого и не обнаружил.

Наконец он опустил руки и немного расслабился. Грудь его тяжело вздымалась, кожа горела, он чувствовал запах собственного пота. В душе ревела буря: это был какой-то водоворот из сверкающих клинков и отрубленных конечностей. На мгновение ему показалось, что он снова в Фартхен Дуре сражается с ургалами, затем – что он на Пылающих Равнинах скрещивает клинки с солдатами Гальбаторикса. Все эти картины казались ему настолько реальными, что он готов был поклясться: некая странная магия перенесла его назад во времени и пространстве. Он видел людей и ургалов, которых некогда поразил; они стояли перед ним и выглядели вполне реальными; ему даже показалось, что они могут с ним заговорить. И хотя у него больше не было старых шрамов от ран, но тело его помнило те многочисленные увечья, которые он получил, и он содрогнулся, почувствовав снова, как мечи и стрелы пронзают его плоть.

С невнятным воем Эрагон рухнул на колени и обхватил себя руками, раскачиваясь из стороны в сторону. «Все хорошо... хорошо...» – уговаривал он себя. Потом, свернувшись в напряженный клубок и чувствуя на своем животе собственное горячее дыхание, он прижался лбом к холодной земле.

«Да что со мной такое?»

Ни в одном из эпических сказаний, которые пересказывал в Карвахолле Бром, не упоминалось о том, чтобы подобные видения преследовали героев прошлого. Никого из воинов, с которыми Эрагон познакомился у варденов, не тревожило, судя по всему, количество пролитой им ранее крови. Да и Роран, хоть он и признавался, что не любит убивать, не просыпался среди ночи с дикими воплями.

«Я слишком слаб, – думал Эрагон. – Настоящий мужчина не должен испытывать подобных сожалений. А настоящий Всадник – тем более. Гэрроу или Бром на моем месте, не сомневаюсь, чувствовали бы себя нормально. Они делали то, что было необходимо, и никаких рыданий по этому поводу, никаких бесконечных тревог, никакого скрежета зубного себе не позволяли. Нет, я слишком слаб!»

Эрагон вскочил и обошел вокруг устроенного им на ночь гнезда из травы, пытаясь успокоиться. А через полчаса – поскольку тревога так и не отпустила его и продолжала железной хваткой теснить ему грудь, да и кожа вдруг начала гореть и чесаться, словно по ней бегали тысячи муравьев, а сам он вздрагивал при малейшем шорохе, – Эрагон схватил свой заплечный мешок и бегом пустился прочь от этого места. Ему было все равно, что там перед ним, в этой неведомой ночной мгле; да и вряд ли кто-то мог заметить сейчас его стремительный бег.

Ему хотелось одного: убежать от этих кошмарных видений. Разум его восстал против него самого, и он не мог более на него полагаться, ибо не находил рационального решения, чтобы развеять панический страх, охвативший его. Единственное, что оставалось, – это положиться на древний звериный инстинкт, который говорил ему: беги, и если будешь бежать достаточно быстро, то, возможно, сумеешь отогнать от себя эти страшные воспоминания. Возможно, размахивая руками, топая ногами по земле, ощущая холодные ручейки пота на спине и под мышками, он действительно сумеет заставить себя забыть?

Что ж, возможно...

Стая скворцов пронеслась по полуденному небосклону, точно стая рыбок в водах океана.

Эрагон, прищурившись, следил за ними взглядом. В долине Паланкар, когда скворцы возвращались после зимовки, они всегда собирались такими большими стаями, что порой становилось темно, как ночью. Эта стая была не такой огромной, и все же она напомнила Эрагону, как вечерами они пили мятный чай с Гэрроу и Рораном на крылечке своего дома и смотрели, как черная стая птиц шумливо проносится у них над головой.

Задумавшись, Эрагон остановился и присел на камень, чтобы перешнуровать свои башмаки.

Погода переменилась; стало холодно, и серая мгла на западе намекала на возможность грозы. Растительность вокруг стала богаче, всюду виднелись мхи, тростники и заросли высокой зеленой травы. На расстоянии нескольких миль посреди довольно ровного пространства торчало сразу пять холмов. Центральный холм был окружен дубовой рощей, и чуть выше мощных крон этих деревьев Эрагон разглядел осыпающиеся стены и кровлю какого-то старого заброшенного замка или храма.

Ему стало любопытно, и он решил посмотреть на эти руины, а заодно и передохнуть. Похоже, там водилось немало всякой дичи, так что короткая охота послужила бы ему достаточным извинением для того, чтобы немного осмотреться, прежде чем продолжать путь.

Примерно через час Эрагон был уже у подножия первого холма и обнаружил там следы какой-то древней дороги и остатки каменного тротуара. Он пошел по этой дороге, и она привела его прямо к руинам того замка. Дорога была в высшей степени необычной; таких дорог Эрагон еще не встречал ни у людей, ни у эльфов, ни у гномов.

В тени огромных дубов было почти холодно, и Эрагон даже немного озяб, поднимаясь на вершину центрального холма. Ближе к вершине подъем почти прекратился, деревья расступились, и он вышел на просторную, почти совершенно ровную поляну. Посреди поляны высилась полуразрушенная башня. Нижняя ее часть была широкой и ребристой, точно ствол дерева. Затем башня сужалась, поднимаясь ввысь не менее чем на тридцать футов, и завершалась острым извилистым шпилем. Верхняя часть башни почти полностью осыпалась, и куски ее каменных стен валялись на земле.

Эрагона охватило возбуждение. Скорее всего, он, сам того не подозревая, случайно набрел на эльфийскую сторожевую башню, воздвигнутую задолго до уничтожения ордена Всадников. Ни одна другая раса в Алагейзии не обладала подобным мастерством и не способна была в те времена воздвигнуть такое строение.

И вдруг на противоположном краю поляны Эрагон заметил чей-то огород.

Одиноким мужчиной, сидя на корточках, пропалывал грядку с горохом. Лицо его, опущенное вниз, скрывалось в тени. Седая борода была такой длинной, что лежала у него на коленях, точно горка нечесаной шерсти.

Не поднимая головы, человек сказал Эрагону:

– Ну что, собираешься ты помочь мне пропалывать горох или нет? Если да, то я с удовольствием потом накормлю тебя обедом.

Эрагон колебался; он не знал, на что решиться. Потом подумал: «А чего мне бояться какого-то старого отшельника?» – и шагнул в огород.

– Меня зовут Берган... Берган, сын Гэрроу.

Старик в ответ проворчал:

– Тенга, сын Ингвара.

Доспехи в узелке предательски зазвенели, когда Эрагон бросил его на землю. В течение часа он молча работал рядом с Тенгой. Он понимал, что ему не стоило бы задерживаться здесь надолго, но знакомая с детства работа приносила ему огромное удовольствие и отвлекала от мрачных мыслей. Выпалывая сорняки, он позволял себе проникнуть в мысли множества живых существ на этой поляне и испытал необычайное наслаждение, чувствуя свое с ними единство.

Когда были выполоты все сорняки, уничтожены все кустики паслена и одуванчиков, Эрагон последовал за Тенгой в узенькую дверь в передней части башни. За дверью он увидел уютную кухоньку и столовую, посреди которой была винтовая лестница, ведущая на второй этаж. Книжки, свитки и куски кое-как связанного пергамента покрывали все поверхности, включая значительную часть пола.

Тенга мимоходом ткнул пальцем в дрова в очаге, и дерево тут же загорелось, потрескивая и стреляя искрами. Эрагон сразу напрягся, заметив это мимолетное колдовство и готовясь к любой схватке с Тенгой.

Но старик, казалось, этого не заметил; он продолжал, шаркая ногами, снова по кухне, выставляя на стол кувшины, тарелки, ножи и всякие кушанья. И все время что-то приборматывал себе под нос.

Все чувства Эрагона были напряжены до предела; он присел на краешек относительно свободного кресла и подумал: «Даже если он произносит заклинания, он все же серьезно рискует. Неужели ему нужно прибегать к волшебству, чтобы всего лишь разжечь обыкновенный огонь в очаге?» Ибо, как учил его Оромис, слова служили средством для управления выпущенной на свободу магии, и произнести заклинание без помощи определенной формулы, призванной сдерживать волшебные силы, означало рисковать тем, что какая-то случайная мысль или невольная эмоция могут полностью исказить результат.

Эрагон осмотрелся, пытаясь отыскать хоть какой-то ключик к пониманию того, кто же его хозяин, и заметил развернутый свиток, а на нем столбцы слов древнего языка. Присмотревшись, он узнал список истинных имен, подобный тому, который изучал в Эллесмере. Все маги и волшебники жаждали обладать подобным списком и многим пожертвовали бы, чтобы его заполучить, ибо с его помощью можно было выучить множество новых слов, необходимых для составления любых заклинаний; туда же можно было занести и те слова, которые удалось открыть им самим. Но лишь очень немногим удалось заполучить такой список истинных имен, ибо их было очень мало и те, кто уже обладали ими, никогда по своей воле с ними не расставались.

Таким образом, казалось весьма необычным, что Тенга до сих пор владеет подобным списком. Но Эрагон удивился еще сильнее, обнаружив в комнате еще шесть других списков истинных имен, а также множество трудов по самым различным предметам – от истории до математики, от астрономии до ботаники.

Кувшин с элем и тарелки с хлебом, сыром и холодным мясным пирогом уже стояли на столе, и Тенга подтолкнул их к гостю.

– Спасибо, – поблагодарил Эрагон.

Тенга, не обращая на него внимания, уселся, скрестив ноги, у огня. Он все время продолжал ворчать и бормотать что-то себе в бороду, с изрядным аппетитом поглощая еду.

После того как Эрагон дочиста съел все, что было на тарелке, подобрав каждую крошку и осушив каждую каплю отличного эля, он, заметив, что Тенга тоже кончает есть, решил все же спросить:

– А что, эту башню эльфы строили?

Тенга остро глянул на него, словно этот вопрос мог задать только полный дурак, но все же ответил:

– О да. Эдур Итиндра строили хитроумные эльфы.

– А что ты-то здесь делаешь? Неужели ты совсем один живешь или...

– Я ищу ответ! – воскликнул Тенга. – Ключ к неоткрытой двери, тайну деревьев и растений. Огонь, тепло, молния, свет... Большинство не знает, как задать этот вопрос, и скитается во мраке невежества. Другие же знают вопрос, но боятся того, что может означать ответ на него. Ба! Тысячи лет мы жили как дикари. Дикари! Но я положу этому конец. Я возведу приход эры света, и все станут прославлять мои деяния.

– Прощу тебя, скажи: чего же именно ты ищешь?

Тенга нахмурился, морщины на его лице стали глубже.

– Ты тоже не знаешь вопроса? А я думал, что, может, все-таки знаешь. Но нет, я ошибся. И все же я вижу: ты понимаешь, зачем я предпринял эти поиски! Ты ведь тоже ищешь; и пусть ты ищешь ответа на другой вопрос, но поиски тем не менее тебе тоже знакомы. Тот же

огонь горит в твоём сердце. Кто ещё, кроме странника, может оценить то, чем мы должны пожертвовать, чтобы отыскать ответ?

– Ответ? Но на какой вопрос?

– На тот, который мы для себя выбрали.

«Да он безумен», – подумал Эрагон. Поискав глазами что-нибудь, с помощью чего можно было бы отвлечь Тенгу, он заметил ряд деревянных фигурок животных, выстроившихся на подоконнике под запотевшим окном.

– Какие красивые, – сказал он, указывая на фигурки. – Кто их вырезал?

– Она... до того, как покинула меня. Она всегда что-нибудь мастерила. – Тенга выпрямился и ткнул концом левого указательного пальца в первую из фигурок. – Вот белка с пышным хвостом, такая яркая и быстрая, полная смеха и разных веселых звуков. – Его палец переместился на следующую фигурку. – А вот дикий кабан, ужасно опасный, с клыками, точно кинжалы... А вот ворон...

Тенга не обратил внимания, когда Эрагон попятился к двери и, осторожно приподняв засов, выскользнул из Эдур Итиндры. Забросив за плечи свой мешок, он рысцой бросился сквозь дубовую рощу подальше от этих пяти холмов и лишившегося рассудка заклинателя.

К концу этого дня и в течение всего последующего количество людей на дороге все увеличивалось, и в итоге Эрагону стало казаться, что из-за каждого холма непременно появляется очередной военный патруль. По большей части, правда, по дороге шли беженцы, хотя попадались и отдельные солдаты, и торговцы, и прочий деловой люд. Этих Эрагон по возможности избегал и большую часть времени шел, низко опустив голову и спрятав подбородок в воротник.

Однако столь медленное продвижение заставило его переночевать в деревне Исткрофт в двадцати милях к северу от Мелиана. Он, вообще-то, собирался сойти с дороги задолго до прибытия в Исткрофт и подыскать себе какую-нибудь защищенную от ветра низину или пещеру, где можно было бы отдохнуть до утра, но из-за плохого знания местности неправильно рассчитал расстояние и вышел к деревне вместе с тремя вооруженными мужчинами. Теперь уже ему деваться было некуда; если бы он вздумал свернуть менее чем в часе пути до безопасного ночлега в Исткрофте и удобной мягкой постели, любой, даже самый большой тупица, непременно спросил бы, почему он это делает. Так что Эрагон, стиснув зубы, молча повторил про себя только что выдуманную легенду о том, зачем он совершает это путешествие.

Скрывающееся в туманной дымке солнце висело уже в двух пальцах от линии горизонта, когда Эрагон наконец как следует разглядел Исткрофт, средней величины деревню, окруженную высоким частоколом. Вошли они туда уже почти в темноте. Эрагон слышал, как часовые у ворот расспрашивают тех вооруженных людей, не шел ли по дороге еще кто.

– Да вроде бы нет.

– Ну и хорошо, – сказал один из стражников. – Если они так медленно тащатся, так пусть и ждут до завтра, когда ворота снова откроются. – И он крикнул через дорогу своему напарнику: – Давай, закрывай! – Вместе они с трудом закрыли тяжелые, футов в пятнадцать высотой створки ворот, обитые железом, и заперли их на четыре дубовых засова толщиной, наверно, с самого Эрагона.

«Они, должно быть, к осаде готовятся, – подумал Эрагон и улыбнулся собственной негодливости. – Да и кто в наши времена не ждет беды?» Всего несколько месяцев назад он бы тоже волновался, думая, что попадет здесь в ловушку, но сейчас был уверен: он и без оружия сумел бы взобраться на эту стену, а потом с помощью магии незаметно удрать и скрыться в ночном мраке. И все же он решил остаться; он очень устал, да и применение магии могло привлечь внимание находившихся где-нибудь поблизости магов.

Не успел он сделать и несколько шагов по грязной узкой улочке, ведущей к центральной площади селения, как его остановил сторож, светя ему прямо в лицо своим фонарем.

– Стой тут! Ты ведь до сих пор в Исткрофте не бывал, верно?

– Да, я тут впервые, – кивнул Эрагон.

Коренастый сторож недоверчиво pokrutil головой и продолжил свой допрос:

– А у тебя тут что, родственники или друзья? Где остановишься-то?

– Нет тут у меня никого.

– Так зачем же ты в Исткрофт явился?

– Ни за чем. Я направляюсь на юг за семейством своей сестры, чтобы переправить их назад, в Драс-Леону. – Но слова Эрагона, похоже, не произвели на сторожа никакого впечатления. «Может, он мне не верит? – размышлял Эрагон. – Или, может, слышал столько подобных рассказов, что они для него давно пустой звук?»

– Тогда тебе постоянный двор нужен, он у главного колодца. Ступай туда, там и еду найдешь, и комнату. И пока будешь жить у нас в Исткрофте, позволь предупредить тебя: мы тут не терпим ни убийств, ни воровства, ни разврата. У нас тут колодки и виселицы крепкие, и для них вечно применение находится. Ясно тебе, о чем я?

– Ясно, ясно.

– Ну, так ступай, желаю тебе удачи. Хотя погоди! Как твое имя-то, чужеземец?

– Берган.

После этого сторож удалился, вернувшись к своему вечернему обходу. Эрагон выждал, когда свет его фонаря окончательно скроется за домами, и вернулся к воротам, где заметил с полдюжины разных объявлений о поисках различных преступников, написанных на большом куске пергамента. В одном из этих объявлений была описана внешность Эрагона, в другом – Рорана; обоих обвиняли в измене Короне.

Эрагон с интересом изучил написанное, и больше всего его потрясла обещанная награда: титул графа и соответствующие земельные владения каждому, кто этих преступников поймает. Рядом были помещены их рисованные портреты, и портрет Рорана просто поразил его; там была даже борода, которую Роран отрастил после бегства из Карвахолла; а вот Эрагон был изображен примерно таким, каким был задолго до праздника Клятвы Крови, когда еще имел совершенно человеческую внешность.

«До чего же теперь все переменялось», – подумал он.

Осторожно, не спеша, он прошел через все селение до постоянного двора и заглянул в общий зал с низким закопченным потолком и бревенчатыми стенами. В тусклом свете желтых восковых свечей по залу плавали тяжелые клубы дыма. Пол был грязный, под ногами хрустел песок и мусор. Слева от входа стояли столы со стульями; у здорового очага мальчишка-поварёнок вращал вертел с насаженным на него поросенком. Напротив входа виднелась длинная буфетная стойка с подставками для кружек, возле которой толпилось целое стадо коренастых местных жителей, заливавших нестерпимую жажду пивом и элем.

Народу в зале было полно, не меньше пяти-шести десятков человек, и стоял такой шум, что это даже несколько обескуражило Эрагона после столь долгого пребывания в тишине и молчании; у него было такое ощущение, будто он попал в мощный водопад. Ему было трудно сосредоточиться и различить в этом неумолчном гуле какой-нибудь один голос. Стоило ему разобрать какое-то отдельное слово или фразу, как общий смысл ускользал от него, ибо оставшаяся часть высказывания снова тонула в многоголосом хоре выпивох. В уголке распевали три бродячих музыканта, представляя комическую версию «Милая Атрид О’Даут», что лишь усиливало общий уровень шума.

Морщась от оглушительного рева, Эрагон ужом пробрался сквозь толпу и подошел к стойке. Он хотел поговорить с подавальщицей, но та была настолько занята, что прошло минут пять, прежде чем она обратила на него внимание и не слишком вежливо спросила:

– Чего тебе? – Вдоль потных щек у нее свисали неопрятные пряди волос.

– У вас комната не сдаётся или хотя бы угол, чтобы переночевать?

– Откуда мне знать. Насчет этого надо с хозяйкой переговорить. Вон она там. – И подавальщица махнула рукой в сторону лестницы весьма мрачного вида.

Эрагон решил подождать и, опершись о стойку, рассматривал людей в зале. Это была весьма пестрая компания. Примерно половину, как он догадался, составляли местные жители, пришедшие скоротать вечерок за выпивкой и в приятном обществе. Что же касается остальных, по большей части это были беженцы – чаще всего целые семьи, – бродившие по стране в поисках более безопасной жизни. Их было легко определить по заношенным сорочкам и грязным штанам и по настороженному виду; они, нахохлившись, сгорбившись, сидели за столами, испуганно поднимая глаза на каждого, кто проходил мимо, но старательно избегали смотреть в ту сторону, где разместилась самая малочисленная группа посетителей: солдаты Гальбаторикса в красной военной форме. Эти вели себя особенно шумно. Они смеялись, кричали, стучали по столешнице латными печатками, поглощая невиданные количества пива и щупая каждую подавальщицу, которая имела глупость пройти достаточно близко от них.

«Они ведут себя так, потому что знают: никто не осмелится им перечить! – с возмущением думал Эрагон. – А может, их силой заставили вступить в армию Гальбаторикса, и теперь они подобными выходками пытаются заглушить в себе чувство стыда и страха?»

А музыканты пели:

И, волос не прибрав, наша милая Атрид О'Даут
К лорду Эделю с плачем летит: «Отпусти жениха,
А не то деревенская ведьма в козла тебя обратит!»
Но смеется лорд Эдель: «Что мне твоя ведьма!
Что мне ее чары!...»

Толпа у стойки немного сдвинулась, и у дальней стены Эрагон увидел столик, за которым в одиночестве сидела женщина. Лицо ее было скрыто низко опущенным капюшоном дорожного плаща. Женщину окружили четверо мужчин, четверо здоровенных фермеров с бычьими шеями и покрасневшими от спиртного физиономиями. Двое прислонились к стене по обе стороны от женщины, как бы нависая над нею, еще один уселся перед нею на стул, поставив его задом наперед и гнусно ухмыляясь, а четвертый поставил левую ногу на край стола и, опершись о колено, нагнулся к незнакомке. Все они что-то говорили ей, яростно жестикулируя, и движения их были весьма фривольны. Хотя Эрагону и не было слышно, что отвечала им женщина, было совершенно очевидно, что ответы ее злят фермеров, потому что они, насупившись и напыжившись, наступали на нее, точно петухи. А один даже погрозил ей пальцем.

Эрагону они показались вполне приличными трудягами, которые просто оставили свои манеры на дне пивной кружки – подобную ошибку он часто наблюдал в дни праздников в Карвахолле. Гэрроу не испытывал особого почтения к тем, кто не знает меры в выпивке да еще и упорно лезет на рожон в общественных местах. «Это неприлично, – говорил он. – Кроме того, если уж ты пьешь, чтобы забыть о своей несчастной доле, а не для удовольствия, так пей там, где никому не мешаешь».

Человек, стоявший слева от женщины, вдруг наклонился и поддел пальцем краешек ее капюшона, словно желая его сдернуть. Но женщина мгновенно – Эрагон едва успел заметить это движение – правой своей рукой схватила нахала за запястье и сразу же отпустила, приняв прежнюю позу. Вряд ли, подумал Эрагон, кто-то еще в зале, включая того человека, к которому она прикоснулась, успел это заметить.

Капюшон все же упал с ее головы, и Эрагон так и застыл в изумлении. Это была самая обычная женщина, только чрезвычайно похожая на Арию. Правда, глаза у нее были не такими, как у Арьи: они у нее были совершенно круглые, а не узкие и раскосые, как у кошки. Да и уши

у женщины тоже были самые обычные, не заостренные наверху, как у эльфов. Но все же она была прекрасна, хотя ее красота и была более понятной и более приземленной, чем у Арьи.

Не колеблясь, Эрагон мысленно проник в сознание этой женщины. Ему необходимо было узнать, кто же она в действительности такая.

И стоило ему коснуться ее мыслей, как он получил ответный мысленный удар, мгновенно сбивший его с толку, и в ушах его прозвучал знакомый голос:

«Эрагон!»

«Арья, это ты?»

Их глаза на мгновение встретились, и толпа выпивох у стойки снова сплотилась, скрыв от него Арию.

Эрагон бросился через весь зал к ее столу, прося людей расступиться и дать ему дорогу. Окружавшие Арию фермеры посмотрели на него весьма неприветливо, и один из них сказал:

– Ты, милый, ужасно невежлив! Мы ведь тебя не звали, что ж ты так разлетелся-то? Остерегись-ка да убирайся отсюда подобра-поздорову!

Стараясь держать себя в руках и говорить как можно спокойнее, Эрагон учтиво поклонился и ответил:

– Мне кажется, господа, что эта дама предпочла бы, чтобы ее оставили в покое. Вы ведь уважите желание честной женщины, правда?

– Честной женщины? – заржал тот, что все наклонялся над Арьей. – Да разве честные женщины таскаются по кабакам в одиночку?

– В таком случае позвольте мне поблагодарить вас за заботу о ней и сообщить, что я ее брат. Мы направляемся в Драс-Леону к нашему дяде, там и будем теперь жить.

Четверо фермеров обменялись смущенными взглядами. Трое тут же попятились, отступая от Арьи, но самый здоровенный придвинулся чуть ли не вплотную к Эрагону и, дыша ему в лицо перегаром, заявил:

– Что-то не верю я тебе, дружок! По-моему, ты просто расчищаешь себе местечко, желаешь с ней наедине остаться!

«Не так уж ты далек от истины», – подумал Эрагон, но вслух сказал очень тихо, чтобы только этот тип мог его расслышать:

– Уверяю тебя, она действительно моя сестра. Прошу тебя, уходи. Я с тобой не ссорился и не собираюсь. Ну что, уйдешь ты?

– Ни за что! Я уверен, что ты просто лживый молокосос.

– Будь же благоразумен. Тебе что, неприятности нужны? С чего такая враждебность? Вечер еще только начался, тут полно выпивки, музыка играет. Давай не будем ссориться из-за таких пустяков. Мы просто друг друга не поняли, ну и не будем обращать на такие пустяки внимания.

К облегчению Эрагона, его собеседник через некоторое время расслабился и, проворчав недовольно:

– Да я бы все равно драться с таким юнцом не стал! – развернулся и стал пробираться сквозь толпу к буфетной стойке, где его уже поджидали приятели.

Не сводя с них глаз, Эрагон скользнул к столу и сел рядом с Арьей.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, едва шевеля губами.

– Тебя ищу.

Удивленный, он быстро глянул на нее, и она приподняла изогнутую бровь. Он снова посмотрел на выпивох и, старательно изображая улыбку, спросил:

– Ты одна?

– Уже нет... Ты насчет комнаты с хозяйкой договорился?

Он покачал головой:

– Вот и хорошо. Поднимемся в мою комнату. Там мы сможем спокойно поговорить.

Они дружно встали из-за стола и направились к лестнице у задней стены зала. Истоптанные ступени скрипели у них под ногами, пока они поднимались на второй этаж, где в грязноватом коридоре горела одна-единственная свеча. Вдоль стен виднелось несколько деревянных дверей. Арья подвела Эрагона к последней из них по правой стене и откуда-то из недр своего обширного рукава извлекла железный ключ. Отперев дверь, она вошла в комнату, подождала, когда Эрагон следом за нею переступит через порог, а затем снова затворила дверь и тщательно ее заперла.

Слабый оранжевый свет проникал в комнату через окошко со свинцовыми переплетами, находившееся напротив двери. Это был свет фонаря, висевшего на другой стороне центральной площади Исткрофта. В этом неясном свете Эрагон сумел отыскать на низеньком столике справа масляный светильник и прошептал:

– Брисингр! – Из пальца его тут же выскочила искра, которой он и поджег фитиль светильника.

Но и этот жалкий огонек не смог полностью рассеять царивший в комнате полумрак. Стены здесь, как и в коридоре, были обиты деревом, и это потемневшее от времени дерево поглощало большую часть света, из-за чего комната казалась еще меньше, а стены просто давили на тех, кто в ней находился. Помимо стола, из мебели здесь была еще только узкая кровать, накрытая одеялом, брошенным поверх грязного и явно богатого клопами матраца. На кровати лежал маленький узелок с припасами.

Эрагон и Арья стояли лицом друг к другу. Затем Эрагон протянул руку и снял с головы повязку, скрывавшую лоб и часть лица, а Арья расстегнула брошь, удерживавшую ее плащ у горла, и бросила плащ на постель. На ней было зеленое, точно лесная листва, платье, то самое, в котором Эрагон впервые ее увидел.

Он испытывал чрезвычайно неожиданные чувства: как ни странно, они словно поменялись внешностью, и теперь именно он выглядел, как эльф, а она – как человек. Впрочем, эти перемены ничуть не уменьшили его любви к Арье, просто теперь в ее присутствии он чувствовал себя гораздо спокойнее и увереннее, ибо в человеческом обличье она казалась ему не такой чужой и не такой отстраненной.

Молчание нарушила Арья:

– Сапфира сказала, что ты остался, чтобы убить последнего раззака и осмотреть Хелгринд. Это так?

– Отчасти.

– А в целом?

Эрагон понимал, что ее не удовлетворит половинчатый ответ.

– Обещай, что никому не скажешь, пока я сам тебе не разрешу.

– Обещаю, – сказала она на древнем языке.

И тогда Эрагон рассказал ей, как нашел Слоана и почему решил не вести его с собой к варденам; рассказал и о том проклятии, которое наложил на мясника, и о том последнем шансе, который дал Слоану – попытаться хотя бы отчасти изменить собственную судьбу, но зато и вновь обрести зрение. Закончил Эрагон так:

– Что бы ни случилось, Роран и Катрина никогда не должны узнать, что Слоан еще жив. Если же они об этом узнают, не будет конца самым различным бедам.

Арья, сидевшая на краешке постели, долго смотрела на светильник, в котором прыгал неровный язычок пламени, потом сказала:

– Тебе следовало убить его.

– Возможно, но я не смог.

– Только из-за того, что задача кажется тебе неприятной, нет причин отказываться от ее решения. Ты проявил трусость.

Эрагон насупился:

– Трусость? Да любой, у кого имелся нож, мог бы убить этого Слоана! То, что сделал я, было гораздо труднее.

– Физически да, но не морально.

– Я не убил его, потому что считал это неправильным. – Эрагон даже нахмурился, сосредоточенно подбирая нужные слова, чтобы в точности выразить свои чувства. – Я не боялся... Дело совсем не в этом. После участия в сражениях... Нет, это совсем иное: я готов убивать на войне. Но в мирное время я ни за что не возьму на себя ответственность решать, кому жить, а кому умереть. Нет у меня для этого ни должного опыта, ни должной мудрости. У каждого человека есть заповедная черта, которую он ни за что не пересечет. Свой предел, Арья. И свой предел я обнаружил, едва взглянув на Слоана. Даже если бы в плен ко мне попал сам Гальбаторикс, я и то не стал бы убивать его. Я бы отвел его к Насуаде и королю Оррину, и если бы они приговорили его к смерти, тогда я с удовольствием отрубил бы ему голову, но не раньше. Можешь называть это слабостью или трусостью, если хочешь, но таков уж я, и извиняться за это я не стану.

– Значит, ты готов быть всего лишь инструментом в руках других?

– Я стану служить людям, как сумею. Я никогда не стремился к первенству, не хотел быть вожакom. Алагейзии не требуется еще один правитель-тиран.

Арья потеряла виски:

– Почему с тобой всегда так сложно, Эрагон? Куда бы ты ни направился, всюду ты сумеешь вляпаться в какую-нибудь историю! Такое ощущение, что ты стараешься не пропустить ни одного колючего куста в этой стране и непременно о него исцарапаешься.

– Твоя мать сказала примерно то же самое.

– Что ж, меня это не удивляет... Ну, хорошо. Оставим это. Ни ты, ни я не намерены менять свою точку зрения, а у нас достаточно куда более неотложных дел, чем споры о справедливости и морали. В будущем, впрочем, тебе лучше все же помнить, кто ты есть и что ты значишь для народов Алагейзии.

– Я никогда об этом не забываю. – Эрагон помолчал, ожидая ее ответа, но она оставила его заявление без комментариев. Эрагон присел на краешек стола и сказал: – А знаешь, тебе вовсе не нужно было отправляться меня искать. Я отлично справлялся.

– Ну, разумеется, нужно было!

– Как же ты меня нашла?

– Я догадалась, какую дорогу ты предпочтешь. К счастью, моя догадка оказалась верной, и уже в сорока милях отсюда к западу я смогла определить твое местонахождение по шепоту земли.

– Я не понимаю...

– Любой Всадник не может пройти по этой земле, не оставив следа. Те, у кого есть уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, способны довольно легко обнаружить признаки его присутствия. Птицы пели о том, как ты идешь, наземные животные чуяли твой запах, и даже сами деревья и трава помнили твое прикосновение. Связь Всадника и его дракона столь сильна, что те, кто хорошо чувствует силы природы, способны чувствовать и эту связь.

– Тебе надо как-нибудь научить этому трюку и меня.

– Это вовсе не трюк, это искусство, точнее, просто умение обращать внимание на то, что тебя окружает.

– Тогда зачем же ты явилась прямо в Исткрофт? Куда безопаснее было встретить меня за пределами этого селения.

– Обстоятельства заставили. Как и тебя, впрочем, так мне кажется. Ты ведь и сам не очень-то хотел заходить в это селение, верно?

– Верно... – Эрагон понурился; на него вдруг навалилась чудовищная усталость, ведь он весь день был в пути, но он, отогнав усталость, указал на платье Арьи и спросил: – Неужели ты, наконец, решила отказаться от своих штанов и рубахи?

На губах Арьи промелькнула легкая усмешка.

– Только на время этого путешествия. Я прожила среди варденов столько лет, что даже и вспомнить не могу, сколько в точности, однако все время забываю, до чего люди упорны в своем желании разделить женщин и мужчин. Я никогда не могла заставить себя полностью принять ваши обычаи, даже если и не веду себя так, как обычно ведут себя эльфы. Кто мог сказать мне «да» или «нет»? Что мне носить и чего не носить? Моя мать? Но она находилась на противоположном конце Алагейзии. – Арья спохватилась, поняв, что сказала больше, чем намеревалась, и продолжила: – Так или иначе, а вскоре после того, как я покинула лагерь варденов, я имела весьма неприятную встречу с двумя погонщиками волов и вскоре после этого взяла и украла это вот платье.

– Оно тебе очень идет и отлично сидит.

– Одно из преимуществ владения магией – это отсутствие необходимости ждать помощи портного.

Эрагон рассмеялся. Потом спросил:

– И что же теперь?

– А теперь давай отдыхать. Завтра еще до восхода солнца надо постараться выскользнуть из Исткрофта никем не замеченными. Поверь, это было бы разумнее всего.

В ту ночь Эрагон улегся перед дверью на полу, а Арья устроилась на кровати. Это отнюдь не было вызвано тем, что Эрагон – мужчина или что он проявляет особую куртуазность, хотя он, конечно, непременно настоял бы, чтобы Арья в любом случае легла на кровати; скорее, это была просто мера предосторожности. Если бы кто-то вознамерился вломиться к ним в комнату, было бы странно, если бы он обнаружил, что на полу спит женщина.

Час за часом проходил без сна, и Эрагон лежал, разглядывая балки у себя над головой и трещины в деревянной обшивке, и никак не мог успокоить мечущиеся мысли. Он перепробовал все известные ему способы, пытаясь уснуть, но все время возвращался к мыслям об Арье, к их неожиданной встрече, к ее комментариям по поводу того, как он обошелся со Слоаном, а также, и чаще всего, к тем чувствам, которые он к ней питал. Что это были за чувства, он бы и сам не смог с уверенностью сказать. Он мечтал быть с нею, но она ответила ему отказом, и это сильно охладило его любовный пыл. Душа его была полна боли, гнева, отчаяния и тоски, ибо Эрагон не желал соглашаться с безнадежностью своих устремлений, но не знал, что тут можно еще предпринять.

У него даже сердце защемило, когда он прислушался к ровному дыханию Арьи. Было мучительно находиться так близко от нее и не иметь возможности хотя бы подойти к ней. Он терзал край рубахи, мечтая отыскать хоть какой-нибудь выход из сложившейся ситуации; смириться с неуютной судьбой он по-прежнему не желал.

До глубокой ночи он сражался с этими беспокойными мыслями, пока, наконец, усталость не взяла над ним верх и он не уплыл в давно поджидавшие его объятия сна. В мире снов он блуждал несколько часов, пока на небе не начали меркнуть звезды. Пора было покидать Исткрофт.

Они отворили окно и прыгнули на землю, находившуюся футах в двенадцати; такой прыжок любому эльфу показался бы пустяковым. Прыгая, Арья плотно, по-женски, прижала к себе юбку, чтобы та не задралась ей на голову. Приземлились они в нескольких дюймах друг от друга и тут же бросились бежать между домами к окружающему селению частоколу.

– Людям будет невдомек, отчего мы ушли среди ночи, – сказал на бегу Эрагон. – Может, стоило обождать и покинуть постоянный двор утром, как все?

– Оставаться было опасно. А за комнату я уже расплатилась. Хозяину главное получить деньги, его не волнует, рано мы ушли или поздно. – Они разбежались в разные стороны, огибая какую-то жалкую повозку, и Арья прибавила: – Но сейчас надо постараться и нигде не задерживаться. Если мы станем медлить, этот чертов Гальбаторикс наверняка нас найдет.

Добежав до ограды, Арья ринулась вдоль нее и вскоре обнаружила столб, как бы выступавший из стены. Обхватив его руками, она повисла на нем, пробуя на прочность. Столб покачнулся и заскрипел, но устоял.

– Ты иди первым, – сказала Арья.

– Прошу тебя, иди первой ты.

Нетерпеливо фыркнув, она провела руками по своему платью.

– В платье, между прочим, лезть на стену куда менее удобно, чем в мужских штанах.

Эрагон почувствовал, как вспыхнуло от смущения его лицо, и, не задавая больше вопросов, ухватился за выступающий столб, подтянулся и принялся карабкаться вверх, поддерживая себя сомкнутыми коленями и ступнями. Взобравшись на изгородь, он помедлил, балансируя на острых концах частокола, и Арья прошипела снизу:

– Давай дальше!

– После того, как и ты сюда поднимешься.

– Не будь таким...

– Сторож! – сказал Эрагон и указал в ту сторону, где между двумя ближайшими домами плыло пятно света от фонаря. Вскоре в этом свете показались очертания человеческой фигуры, во мраке казавшейся золотистой. В руке у сторожа был обнаженный меч.

Бесшумно, точно призрак, Арья ухватила за столб и, пользуясь лишь силой рук, мгновенно поднялась следом за Эрагоном. Казалось, она просто скользнула вверх по столбу. Эрагон, схватив Арию за руку, втянул ее наверх и поставил рядом с собой. Точно две странные птицы, они замерли на заостренных концах частокола; они даже почти не дышали, пока сторож проходил прямо под ними, светя своим фонарем то в одну сторону, то в другую в поисках непрошенных гостей.

«Только не смотри на землю, – про себя умолял его Эрагон. – И наверх тоже не смотри!»

Мгновением позже сторож сунул меч в ножны и продолжил обход, что-то напевая себе под нос.

Не говоря друг другу ни слова, Эрагон и Арья бесшумно спрыгнули с частокола на внешнюю сторону ограды. Доспехи Эрагона, правда, брякнули, когда он приземлился на заросший травой берег реки и перекатился, чтобы уменьшить силу удара о землю. Вскочив на ноги, он низко пригнулся и ринулся в сторону от Исткрофта по окутанной утренними сумерками равнине. Арья следовала за ним по пятам. Они старались держаться низин и высохших русел ручьев и рек, старательно обходя также отдельные фермерские усадьбы, расположенные в окрестностях Исткрофта. Несколько раз, правда, раздраженные их появлением собаки выбежали с протестующим лаем, чтобы изгнать наглецов, нарушивших границы их территории. Эрагон пытался мысленно успокоить псов, но обнаружил, что единственный способ заставить их перестать лаять, – это дать им понять, что они с Арьей убегают от них, испугавшись их ужасных клыков и когтей. И собаки, страшно довольные собой, возвращались, помахивая хвостом, к своим амбарам, сеновалам и сараям, где несли стражу на благо своего «королевства». Их самодовольная доверчивость страшно веселила Эрагона.

В пяти милях от Исткрофта, когда стало ясно, что их никто не преследует, Эрагон и Арья решительно остановились у обгорелого пня. Опустившись на колени, Арья выкопала оттуда несколько пригоршней земли и древесной трухи и сказала:

– Адурна риза. – Со слабым журчанием из пня забил крохотный родничок, заполняя выкопанную ею ямку. Арья подождала, пока вода станет чистой и наполнит углубление до краев, затем сказала: – Лета. – И родничок иссяк.

Она пропела заклинание, позволяющее пользоваться этим «волшебным зеркалом», и на поверхности воды появилось лицо Насуады. Арья приветствовала ее; Эрагон тоже поклонился и сказал:

– Здравствуй, госпожа моя.

– Эрагон, наконец-то! – воскликнула Насуада. Она выглядела усталой, щеки ввалились, словно после тяжелой болезни. Крутой локон выпал из ее прически и свернулся пружинкой у нее на виске. Эрагон заметил у нее на руке бинты, когда она провела ею по волосам, пытаясь убрать непокорный локон. – Слава Гокукаре, ты жив и здоров! Мы так беспокоились!

– Прости, что огорчил тебя, но у меня имелись определенные причины...

– Ты должен непременно все объяснить мне по прибытии.

– Как тебе будет угодно, – ответил он. – Но скажи, ты ранена? Как это случилось? Неужели на тебя кто-то напал? И почему ты не попросила этих, из Дю Врангр Гата, исцелить тебя?

– Я приказала им оставить меня в покое. А остальное я расскажу тебе, когда ты вернешься. – Озадаченный, Эрагон кивнул и воздержался от прочих вопросов, вертевшихся на языке.

А Насуада, обращаясь к Арье, сказала: – Я просто потрясена: ты все же нашла его! Я сомневалась, что тебе это удастся.

– Мне улыбнулась удача.

– Возможно, но я все же полагаю, что твои собственные умения были не менее важны, чем милости судьбы. Скоро ли вы будете у нас?

– Дня через два-три. Если, конечно, не возникнет непредвиденных сложностей.

– Хорошо. Значит, я вас жду. И с сегодняшнего дня хотела бы, чтобы вы связывались со мной один раз утром и один раз вечером. Если этого не произойдет, я решу, что вас взяли в плен, и пошлю Сапфиру спасать вас.

– У нас, скорее всего, не всегда будет возможность воспользоваться магией и, в частности, необходимое для этого уединение.

– А вы постарайтесь такую возможность найти. Я должна знать, где вы оба находитесь и в безопасности ли вы.

Арья несколько секунд подумала, потом сказала:

– Если я смогу, то непременно сделаю так, как ты просишь, но не стану этого делать, если Эрагону будет грозить хоть малейшая опасность.

– Договорились.

Воспользовавшись наступившей паузой, Эрагон спросил:

– Насуада, Сапфиры там случайно рядом нет? Мне бы хотелось с ней поговорить. Мы не разговаривали с тех пор, как расстались в Хелгринде.

– Она час назад улетела, чтобы осмотреть окрестности нашего лагеря. Вы можете какое-то время подождать, а я выясню, не вернулась ли она?

– Выясняй, – коротко ответила Арья.

Изображение Насуады исчезло, и теперь они видели только неподвижные стол и стулья внутри ее красного шатра. Эрагон довольно долго созерцал их, потом им вновь овладело беспокойство, и он позволил себе перевести глаза с поверхности воды на шею Арьи, где ее густые волосы, упав на одно плечо, открыли полоску нежной кожи над воротником платья. Это настолько взволновало Эрагона, что лишь через минуту он сумел оторвать глаза от шеи Арьи и устало привалился к обгорелому пню.

Вдруг в волшебном зеркале послышался треск ломающегося дерева, и целое облако сверкающих синих чешуй заполнило его поверхность – это Сапфира буквально вломилась в шатер. Эрагон вряд ли смог бы сказать, какую именно часть драконихи он видит, настолько эта часть была мала. Чешуйчатая кожа скользила у него перед глазами, и он мельком видел то внутрен-

нюю часть бедра, то шип на хвосте, то висящее мешком сложенное крыло, то сверкающий острый кончик клыка. Наконец Сапфира повернулась и, изогнувшись, попыталась найти такое положение, из которого ей было бы удобно видеть поверхность магического зеркала. По тем встревоженным воплям, что слышались позади Сапфиры, Эрагон догадался, что дракониха сокрушила в шатре большую часть мебели. Наконец она устроилась, поднесла голову поближе к зеркалу – так что один громадный сапфировый глаз занял почти всю его поверхность, – и уставилась на Эрагона.

Они, наверное, с минуту смотрели друг на друга, не шевелясь и не говоря ни слова. Эрагон был потрясен тем, какое это для него облегчение – вновь видеть ее. Он ведь и впрямь настоящему ни разу не чувствовал себя в безопасности с тех пор, как они расстались.

«Я скучал по тебе», – прошептал он.

Она один раз моргнула.

– Насуада, ты еще там?

Еле слышимый ответ донесся до него откуда-то справа от Сапфиры:

– Да, но с трудом здесь умещаюсь.

– Не могла бы ты передавать мне на словах мысли Сапфиры?

– Я бы с огромным удовольствием, но в данный момент я зажата где-то между ее крылом и шестом, на котором держится шатер, и свободного места совершенно не осталось. Тебе, возможно, будет несколько затруднительно меня расслышать. Но если хочешь, давай попробуем.

– Да, пожалуйста.

Насуада несколько секунд молчала, затем с интонациями, до такой степени напоминающими интонации Сапфиры, что Эрагон чуть не засмеялся, сказала:

– Ты здоров?

– Здоров, как бык. А ты?

– Сравнивать себя с каким-то жалким говядом не только смешно, но и оскорбительно! Но я, как всегда, в полном порядке, если ты об этом. Я очень рада, что Арья с тобой. Тебе весьма полезно иметь рядом кого-то разумного, кто способен защитить тебе спину.

– Согласен. Помощь всегда кстати, особенно когда ты в опасности.

Хотя Эрагон и был благодарен, что они с Сапфирой могут поговорить, пусть даже через посредника, но устная речь, как ему теперь представлялось, оказалась довольно жалким заменителем того свободного обмена мыслями и чувствами, который был свойствен им с Сапфирой. Кроме того, присутствие Арьи и Насуады, естественно, мешало Эрагону быть совершенно откровенным и затрагивать совсем уж личные темы – например, спрашивать, простила ли Сапфира то, что он обманом заставил ее улететь из Хелгринда, оставив его там. Сапфира, должно быть, испытывала примерно ту же неловкость, ибо и она воздержалась от упоминания об этом. Они поболтали еще немного о прочих вещах, не имевших к этому отношения, и попрощались. Прежде чем отступить от магического зеркала, Эрагон приложил пальцы к губам и безмолвно прошептал одними губами: «Прости меня».

Серебристое свечение разлилось вокруг каждой из тех чешуек, что окаймляли глаз Сапфиры; взгляд ее стал почти нежным, нижнее веко разгладилось. Она медленно прикрыла глаза, и Эрагон понял, что она поняла его слова и не держит на него зла.

Простившись с Насуадой, Арья остановила действие заклятья, выпрямилась и аккуратно стряхнула с платья землю и древесную труху.

Пока она приводила себя в порядок, Эрагон просто места себе не находил; никогда еще он не чувствовал такого нетерпения; сейчас ему хотелось одного – мчаться во весь опор к Сапфире и остаться с нею наедине у костра.

– Пойдем скорее, – сказал он Арье, а сам уже двинулся в путь.

Деликатный вопрос

Мышцы у Рорана на спине хрустели и трещали, когда он выковыривал из земли этот валун.

На мгновение придержав огромный камень ладьями, он с рычанием поднял его над головой и, наверное, целую минуту держал эту сокрушительную тяжесть на вытянутых руках, а когда его плечи дрогнули, бросил камень на землю перед собой. Валун упал с глухим грохотом, на несколько дюймов уйдя во влажную землю.

По обе стороны от Рорана двадцать варденов с огромным трудом ворочали такие же тяжеленные глыбы. Впрочем, это удавалось только двоим из них; остальные, оставив бесполезные попытки, принялись за более легкие камни. Роран был рад, что месяцы, проведенные на кузне у Хорста, и долгие годы тяжелой фермерской работы дали ему достаточно сил, чтобы кое в чем превзойти тех, кто лет с двенадцати каждый день держит в руках боевое оружие.

Роран несколько раз взмахнул руками, как бы стряхивая с них жгучую боль, вызванную перенапряжением, и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов; воздух приятно охлаждал его обнаженную грудь. Он растер правое плечо, обхватив ладонью его округлую поверхность и ощупывая ее пальцами, и в очередной раз убедился, что от укуса раззака не осталось и следа. Он улыбнулся: приятно было снова чувствовать себя здоровым.

Короткий пронзительный крик боли заставил Рорана оглянуться. Олбрих и Балдор упражнялись в фехтовании с Лангом, смуглым, покрытым боевыми шрамами ветераном, который учил их различным боевым искусствам. Даже сражаясь с двумя противниками одновременно, Ланг одолевал их и своим деревянным учебным мечом уже разоружил Балдора и как следует врезал ему по ребрам, а потом так ударил Олбриха под коленку, что тот растянулся на земле, как лягушка, и все это в течение нескольких секунд. Роран отлично понимал этих ребят; он и сам только недавно завершил свое обучение у Ланга, и эта школа оставила на его теле еще несколько новых отметин в придачу к тем, что, уже слегка побледнев, красовались там после Хелгринда. Вообще-то он по большей части предпочитал пользоваться своим молотом, а не мечом, однако все же считал, что следует уметь управляться и с клинком, когда того потребует ситуация. Холодное оружие требовало куда большей тонкости и точности, чем, по мнению Рорана, заслуживали сражения с воинами Гальбаторикса; один приличный удар молотом фехтовальщику по запястью, рассуждал он, и этот воин, даже если на нем доспехи, будет куда сильнее занят своими переломанными костями, чем защитой от противника.

После сражения на Пылающих Равнинах Насуада официально предложила жителям Карвахолла присоединиться к варденам. И все они ее предложение приняли. Те же, кто наверняка отказался бы, и так предпочли остаться в Сурде, когда жители Карвахолла останавливались в Дауте на пути к Пылающим Равнинам. И теперь каждый дееспособный мужчина вытаскивал свое оружие – самодельное копьё и щит – и принялся постигать воинское искусство, чтобы сравняться в этом отношении с любым противником, которого пошлет ему судьба. Обитатели долины Паланкар привыкли к нелегкой жизни. Размахивать мечом оказалось не труднее, чем рубить дрова, и гораздо легче, чем поднимать целину или мотыгой выкапывать свеклу на поле в несколько акров да еще и под палящим солнцем. Те, кто обладал каким-либо полезным ремеслом, и продолжали им заниматься, оказывая варденам те или иные услуги, однако в свободное время и эти люди тоже старательно упражнялись в боевых умениях, ибо, когда прозвучит сигнал боевой тревоги, расчет в лагере был на каждого.

Вернувшись из Хелгринда, Роран с неизменным пылом предавался подобным занятиям. Помочь варденам победить Империю, а значит, в итоге, и Гальбаторикса – вот то единственное, что он мог сделать, чтобы защитить своих односельчан и Катрину. Он был не настолько самоуверен и отнюдь не рассчитывал в одиночку качнуть в свою сторону маятник войны, однако

же верил в собственные силы и свою способность спланировать людей и понимал, что если соберется как следует, то сможет значительно увеличить шансы варденов на победу. Однако же он должен был оставаться живым, а это означало, что он обязан заботиться о своем физическом здоровье и как можно лучше овладевать оружием и приемами, призванными для уничтожения противника, чтобы самому не пасть от руки более искушенного и умелого врага.

Роран прошел через площадку для фехтования, направляясь в свою палатку, которую делил с Балдором, и на небольшом лужку с густой травой заметил бревно футов в двадцать длиной, очищенное от коры и до блеска отполированное тысячами рук, которые каждый день касались его. Не замедляя шага, Роран повернул к этому бревну, подsunул пальцы под его толстый конец, приподнял и, кряхтя от напряжения, поставил на попа. Потом чуть толкнул бревно, и оно упало в другую сторону. А Роран, ухватившись уже за более тонкий его конец, повторил все сначала.

Когда у него уже совсем не осталось сил на возню с бревном, он бросил это занятие и рысцой пробежался меж рядами серых полотняных палаток, на бегу приветствуя Лоринга, Фиска и других своих земляков, а заодно и не слишком знакомых ему варденов, которые приветственно махали ему рукой и кричали дружески:

– Эй, Молотобоец, привет!

– Привет! – отвечал он им, думая: «Как все-таки странно, что тебя знают люди, с которыми ты прежде никогда не встречался!»

Минута – и он нырнул в палатку, ставшую ему домом; присев на корточки, он убрал лук, колчан со стрелами и тот короткий меч, что подарили ему вардены. Схватив бурдюк с водой, Роран выбежал из палатки на солнышко и, выдернув затычку, вылил содержимое бурдюка себе на плечи и на спину. Мыться как следует Рорану удавалось нерегулярно и нечасто, но сегодня день был особый, и ему хотелось быть чистым и свежим в предвкушении грядущих событий. Ребром остро заточенной щепки он соскреб грязь с рук и ног, почистил ногти, хорошенько причесался и даже слегка подстриг бороду.

Удовлетворенный своим видом, который действительно стал куда более презентабельным, Роран натянул только что выстиранную рубаху, заткнул за пояс молот и уже направился было на другой конец лагеря, когда заметил, что из-за угла палатки за ним следит Биргит, обеими руками сжимая кинжал в ножнах.

Роран так и застыл, готовый при малейшей провокации с ее стороны выхватить молот. Он знал, что ему грозит смертельная опасность, что, несмотря на всю свою силу и храбрость, он вряд ли сумеет победить Биргит, если она вздумает на него напасть, ибо эта женщина, как, впрочем, и он сам, всегда преследовала своего врага с упорством безумца.

– Роран, – окликнула его Биргит, – ты как-то просил меня помочь тебе, и я согласилась, потому что хотела отыскать тех раззакров, что сожрали моего мужа, и убить их. Разве я не выполнила условий нашей сделки?

– Выполнила.

– А ты помнишь, как я пообещала тебе: как только раззаки будут мертвы, я непременно получу компенсацию за ту роль, какую ты сыграл в смерти Квимби?

– Помню.

Биргит все более нервно сжимала в руках кинжал, на запястьях у нее вздулись вены. Кинжал на добрый дюйм показался из ножен, сверкнув сталью, потом снова исчез в своем убежище.

– Хорошо, – сказала Биргит. – Не хотелось бы, чтобы память тебе изменила. И я непременно потребую от тебя компенсации, сын Гэрроу. Можешь не сомневаться! – И она быстрыми решительными шагами пошла прочь, а кинжал мгновенно исчез в складках ее платья.

Выдохнув, Роран плюхнулся на стоявшую рядом табуретку и потер горло, убежденный в том, что ему только что удалось избежать неизбежного: Биргит несомненно воткнула бы свой

кинжал ему в глотку, если б у нее действительно было такое намерение. Эта встреча встревожила Рорана, но ничуть не удивила; он в течение всех этих месяцев прекрасно знал о ее намерениях – еще с тех пор, как они покинули Карвахолл, – и понимал, что в один прекрасный день ему придется все-таки решить вопрос о своем долге перед нею.

Над головой у него плавно пролетел ворон, и Роран, проследив за птицей, почувствовал, как светлеет у него на душе. Потом улыбнулся и сказал себе: «Ну что ж, человек редко знает тот день и час, когда ему суждено умереть. Я могу быть убит в любую минуту, но ни черта не могу сделать, чтобы это предотвратить. Чему быть, того не миновать, и я не стану тратить зря время на бессмысленные опасения. Несчастья всегда обрушиваются на тех, кто их ждет. Самое главное – уметь найти счастье в кратких перерывах между чередой несчастий. Биргит все равно поступит так, как подсказывает ей совесть, и уж когда это случится, тогда я и буду что-то предпринимать».

У левой ступни он заметил какой-то желтоватый камень, поднял его и принялся разглядывать. Затем, сосредоточившись изо всех сил, произнес магические слова:

– Стенр рийза!

Но камешек его приказу не подчинился и остался неподвижен. Роран сердито всхрапнул и отшвырнул его прочь.

Затем он встал и широкими шагами пошел меж палатками, пытаясь на ходу развязать затянувшиеся у горла тесемки, однако узел не поддавался, и он плюнул на это занятие, поскольку уже добрался до жилища Хорста, палатка которого была раза в два больше всех остальных.

– Эй, привет! Дома кто есть? – крикнул Роран и постучал костяшками пальцев по крепкому шесту у входа.

Катрина вихрем вылетела из палатки; рыжие волосы развевались у нее за спиной, как крылья. Она обхватила его за шею, и он со смехом приподнял ее над землей, обняв за талию, и немного покружил, так что все вокруг, кроме ее лица, слилось для него в сплошную неясную полосу. Затем он бережно поставил Катрину на землю, она чмокнула его в губы – раз, два, целых три раза! – а он, замерев, впился взглядом в ее глаза, чувствуя себя самым счастливым человеком на свете.

– Как хорошо от тебя пахнет! – прошептала Катрина.

– Ну, как ты? – Единственное, что омрачало его радость, это то, какой худенькой и бледной стала его любимая после мрачных подземелий Хелгринда. Жаль, подумал он, что нельзя было этих проклятых раззаков взять в плен и подвергнуть тем же мучениям, каким они подвергли Катрину и ее отца!

– Каждый день ты меня об этом спрашиваешь, и каждый день я отвечаю: «Мне лучше». Наберись же терпения; я поправлюсь, просто нужно немного времени. Самое лучшее лекарство для меня сейчас – это быть с тобой и наслаждаться теплым солнышком. Это доставляет мне такое наслаждение, что и описать невозможно.

– Но я не только об этом спрашиваю.

На щеках у Катрины пятнами заалел румянец, она гордо вскинула голову, и губы ее искривились в недоброй усмешке.

– Ну-ну, ты что-то совсем обнаглел, господин хороший! Слишком даже, я бы сказала. И я совсем не уверена, что мне следует оставаться с тобой наедине – боюсь, как бы ты снова не начал со мной вольничать.

То, как она это ответила, наконец-то полностью погасило тревогу в его душе.

– Вольничать, да? Ну, раз ты уже считаешь меня наглым мерзавцем, то я, пожалуй, все-таки и впрямь позволю себе кое-какие вольности. – И он поцеловал ее так крепко, что она в итоге забилась, не пытаясь, впрочем, вырваться из его объятий.

– Ох, – с трудом выдохнула она, – до чего же трудно с тобой спорить, Роран Молотобоец!

– Такой уж я. – И он, мотнув головой в сторону палатки, тихонько спросил: – А Илейн знает?

– Знала бы, если б не была так поглощена собственной беременностью. Боюсь, как бы тяготы долгого пути из Карвахолла сюда пагубно не сказались на ее ребенке. Ее все время тошнит, и боли у нее бывают... в общем, это не совсем нормально... Гертруда все время пытается ей помочь, да только не очень-то много она может сделать. Так или иначе, а чем раньше Эрагон вернется, тем лучше. Я не уверена, долго ли я смогу хранить нашу с тобой тайну.

– У тебя все отлично получится, я уверен. – Роран выпустил ее и, одернув свою рубаху, немного разгладил ее на груди. – Ну, и как я выгляжу?

Катрина критически его осмотрела, потом посплюнула пальцы и бережно пригладила ему волосы, старательно убирая их со лба. Обнаружив, что тесемки его рубахи затянулись в узелок, она принялась возиться с ними, приговаривая:

– Тебе надо больше внимания обращать на свою одежду.

– Но одежда не пытается меня прикончить.

– Ну и что, сейчас ведь все по-другому. Ты – брат настоящего Всадника, вот и должен выглядеть соответствующим образом. И люди от тебя этого ожидают.

Он позволил ей делать с ним все, что угодно, пока она не осталась довольна его внешним видом. Поцеловав ее на прощание, он прошел еще с полмили до центра огромного лагеря варденов, где стоял красный шатер Насуады, над которым развевался и хлопал на восточном ветру флажок с изображенными на нем черным щитом и двумя параллельными мечами.

Шестеро стражей – двое людей, двое гномов и двое ургалов – при виде Рорана опустили оружие, и один из ургалов, могучее чудовище с желтыми зубами, преградил ему путь со словами: «Кто идет?» Понять, что он говорит, было почти невозможно.

– Роран Молотобоец, сын Гэрроу, – ответил Роран. – Насуада посылала за мной.

Ударив кулаком по своей нагрудной пластине, отчего по лагерю прокатился глухой стук, ургал провозгласил:

– Роран Молотобоец просит разрешения войти, госпожа Ночная Охотница!

– Можешь его впустить, – послышался из шатра голос Насуады.

Стражники подняли мечи, и Роран осторожно прошел мимо них. Они не сводили с него глаз, как и он с них; у тех и у других было такое выражение лица, словно они вот-вот сцепятся в жестокой схватке.

Зайдя в шатер, Роран встревожился, увидев, что большая часть мебели там перевернута и переломана. Единственными уцелевшими предметами, похоже, остались зеркало, висевшее на центральном шесте, и тот резной трон, на котором сидела Насуада. Стараясь не обращать внимания на беспорядок, Роран опустился на колено и почтительно склонил перед нею голову.

Черты лица Насуады и вся ее повадка столь сильно отличались от того, как выглядели женщины, среди которых вырос Роран, и он просто не знал, как ему вести себя с нею. Она казалась ему чужой, властной и высокомерной в роскошном вышитом платье, с золотыми цепочками в волосах, со своей темной, как ночь, кожей, которая сейчас отливала красным из-за просвеченных солнцем стен шатра. С яркой внешностью Насуады резко контрастировали полотняные бинты на руках – свидетельства поразительного мужества, проявленного ею во время Испытания Длинных Ножей. Ее победа служила для варденов постоянной темой разговоров с тех пор, как Роран вернулся в лагерь вместе с Катриной. И, пожалуй, это была та единственная черта Насуады, которую Роран, как ему казалось, все же понимал, ибо и сам пошел бы на любые жертвы, чтобы защитить тех, кого любит и о ком заботится. Просто так уж получилось, что Насуаде приходилось заботиться сразу о тысячах людей, а ему всего лишь о своей семье и своей деревне.

– Встань, прошу тебя, – сказала Насуада. Он повиновался и встал, положив руку на рукоять молота. Она внимательно посмотрела на него и сказала: – Мое положение редко дает мне

возможность с кем-то разговаривать ясно и прямо, Роран, но с тобой я сегодня буду совершенно откровенна. Ты, похоже, как раз такой человек, который особенно ценит откровенность, и нам нужно многое обсудить, хотя времени у нас не так уж много.

– Благодарю тебя, моя госпожа. Я и впрямь никогда не любил словесные игры.

– Вот и отлично. Итак, честно говоря, ты поставил меня перед двумя очень сложными проблемами, и ни одну из них я не могу с легкостью разрешить.

Роран нахмурился:

– И что же это за сложные проблемы, госпожа?

– Одна личного порядка, вторая политическая. Твои подвиги в долине Паланкар и во время вашего бегства оттуда кажутся просто невероятными. Мне говорили, что ты смел, да и воин ты весьма умелый, разбираешься в стратегии, способен вдохновить людей, заставить их пойти за тобой без лишних сомнений.

– Они, может, и последовали за мной, только вопросы мне задавать и до сих пор не перестали.

Улыбка тронула губы Насуады.

– Возможно. Но они ведь по-прежнему здесь, с тобой, верно? Ты обладаешь различными и весьма ценными талантами, Роран, и все они могли бы весьма пригодиться варденам. А ты, насколько я понимаю, готов нам служить?

– Готов.

– Как тебе известно, Гальбаторикс разделил свою армию и направил одну часть на юг, чтобы укрепить город Ароуз, вторую на запад, к Финстеру, а третью на север, к Белатоне. Он надеется затянуть эту войну и постепенно нас обескровить. Джормундур и я не можем оказаться одновременно в десяти различных местах. Нам нужны командиры, которым можно было бы полностью доверять, которые были бы способны разобраться во множестве самых разнообразных конфликтов, как внешних, так и внутренних. Выполняя подобное поручение, ты лишний раз доказал бы, сколь ценны для нас твои услуги. Однако... – Она смущенно умолкла.

– Но отчего ты так уверена, что можешь полностью на меня положиться, госпожа моя?

– Ты прав. Когда человек защищает своих друзей и свою семью, это хорошо укрепляет его хребет, однако же я совсем не знаю, как тебе удастся справиться с чужими людьми. Сможешь ли держать их в подчинении, а себя – в руках? Ты, несомненно, можешь быть вожаком, но сможешь ли ты сам подчиняться чужим приказам? Я не пытаюсь умалить твои достоинства, Роран, но на кону судьба всей Алагейзии, и я не могу рисковать, ставя во главе своих людей недостаточно умелого командира. Эта война таких ошибок не прощает. Да к тому же было бы не слишком справедливо по отношению к тем, кто давно уже пребывает в рядах варденов, поставить тебя над ними, просто исходя из личной симпатии. Всеобщее уважение ты еще должен завоевать.

– Я понимаю. Но что же ты в таком случае от меня хочешь?

– Ах, вот этот-то вопрос мне решить особенно трудно! Вы с Эрагоном почти родные братья, и это невероятно все осложняет. Ты, не сомневаюсь, понимаешь, что Эрагон – это, можно сказать, основа всех наших надежд. И потому чрезвычайно важно любыми способами избавить его ото всего, что способно отвлечь его от решения главной задачи варденов. Если я пошлю тебя в бой и ты в результате погибнешь, гнев и отчаяние могут – и, скорее всего, так и случится – поколебать его решимость. Я уже видела, как это с ним происходит. Кроме того, я должна быть очень осторожна и в отношении тех, кому, возможно, тебе придется служить, ибо кое-кто среди них попытается оказать на тебя давление или переманить на свою сторону из-за того, что ты связан с Эрагоном родственными узами. В общем, я изложила тебе все свои сомнения по этому поводу. А что скажешь ты сам?

– Если на кону стоит судьба всей Алагейзии, если спор из-за этих земель столь горяч, как ты только что описала, тогда я скажу вот что: ты просто не можешь допустить, чтобы я сидел

сложу руки. Использовать меня как обычного бойца было бы тоже довольно бессмысленно. По-моему, ты и так это понимаешь. Что же касается политики... – Роран пожал плечами. – Мне совершенно безразлично, у кого ты велишь мне служить. Я никого просто так к Эрагону не допущу. Моя единственная забота – уничтожить Гальбаторикса и его Империю, чтобы все мои односельчане и сородичи смогли вернуться в родные края и жить мирно и спокойно.

– А ты настроен решительно.

– Весьма решительно. Так, может, ты разрешишь мне командовать отрядом моих земляков? Мы стали близки, как члены одной семьи, и во время боя отлично взаимодействуем друг с другом. Испытай меня. Тогда и твои вардены не пострадают, если мне вдруг что-то не удастся.

Насуада покачала головой:

– Нет. Возможно, в будущем, но не сейчас. Твоих земляков еще нужно как следует обучить, воины из них пока никудышные; да и я не смогу судить о твоих качествах, если ты будешь окружен отрядом людей, которые настолько тебе преданы, что по твоему слову покинули родной дом и прошли через всю Алагейзию.

«Она думает, что во мне таится некая угроза, – догадался Роран. – То, что я способен оказывать столь сильное влияние на своих односельчан, заставляет ее быть со мной очень осторожной». И, пытаясь ее обезоружить, сказал:

– У каждого из них и своя голова на плечах имеется. Они и сами прекрасно понимали, что оставаться тогда в долине – это чистое безумие.

– И все-таки, Роран, этого было бы недостаточно, чтобы они сорвались с места, ты и сам знаешь.

– Чего же ты от меня хочешь, госпожа? Ты позволишь мне служить варденам или нет? И если позволишь, то как?

– А вот послушай. Этим утром мои маги обнаружили к востоку от нас патрульный отряд Гальбаторикса, состоящий из двадцати трех воинов. Я посылаю туда свой отряд под командованием Мартланда Рыжебородого. Он должен уничтожить этот отряд, а заодно и произвести кое-какие разведывательные действия. Если ты согласен, то будешь служить под началом Мартланда. Ты будешь его слушаться, подчиняться ему и, я надеюсь, кое-чему у него научишься. Он, в свою очередь, будет наблюдать за тобой и сообщать мне, насколько, по его мнению, ты подходишь для дальнейшего повышения по службе. Мартланд – воин очень опытный, и я полностью доверяю его мнению. Как тебе это предложение? Достаточно ли оно справедливо, Роран Молотобоец?

– Вполне. Только хотелось бы знать, когда мне надо уходить и долго ли меня здесь не будет?

– Уходить надо сегодня, а вернетесь вы, наверное, недели через две.

– Тогда я должен спросить, не могла бы ты подождать и послать меня с каким-то другим заданием через несколько дней? Я бы хотел быть здесь, когда Эрагон вернется.

– Твоя забота о брате достойна восхищения, однако события не стоят на месте, и откладывать мы не можем. Как только я получу от Эрагона какие-то сведения, то сразу же попрошу кого-нибудь из Дю Врангр Гата связаться с тобой и сообщить тебе, хорошо ли обстоят дела.

Роран молча тер большим пальцем остро заточенный край своего молота, пытаясь найти ответ, который убедил бы Насуаду переменить мнение, но при этом не заставил бы его самого выдать свою личную тайну. В конце концов, догадавшись, что для него это поистине неразрешимая задача, он решил сказать ей все как на духу.

– Ты права. Я тревожусь об Эрагоне, но он лучше всех, наверное, сумеет сам о себе позаботиться. Так что видеть его живым и здоровым – это совсем не та причина, по которой я хочу остаться.

– В чем же тогда дело?

– А в том, что мы с Катриной мечтаем пожениться, и нам бы очень хотелось, чтобы брачный обряд совершил Эрагон.

Насуада встретила это заявление дробным стуком пальцев по деревянному подлокотнику своего кресла.

– Если ты полагаешь, что я позволю тебе болтаться тут без дела, в то время как ты мог бы помочь варденам, только для того, чтобы вы с Катриной могли насладиться первой брачной ночью на две недели раньше, то ты глубоко заблуждаешься.

– Но дело не терпит отлагательств, госпожа Ночная Охотница.

Пальцы Насуады так и застыли в воздухе, она прищурилась и спросила:

– И до какой же степени оно не терпит отлагательств?

– Чем раньше мы поженемся, тем лучше для того, чтобы сохранить честь Катрины. Если ты вообще понимаешь, о чем я говорю. Я ведь никогда не стал бы просить ради меня самого.

Луч света скользнул по лицу Насуады, она качнула головой и улыбнулась:

– Ясно... Но почему именно Эрагон? Почему ты хочешь, чтобы свадебный обряд отправлял именно он? Почему не кто-то другой? Например, кто-то из старейшин твоей деревни?

– Потому что он мой двоюродный брат, почти что родной, и я люблю его, и потому что он Всадник. Из-за меня Катрина потеряла почти все – дом, отца, приданое, и я ничего из этого не могу ей возместить. Но я, по крайней мере, могу подарить ей такую свадьбу, которую стоит запомнить. У меня нет ни золота, ни скота, так что оплатить роскошный пир я не в состоянии, но я должен найти какой-то способ, чтобы она навсегда запомнила этот день, и, по-моему, самое лучшее – чтобы нас обвенчал настоящий Всадник.

Насуада так долго молчала, что Роран уж подумал, что ему пора уходить. Но тут она снова заговорила:

– Это действительно великая честь – быть обвенчанными Всадником, но все же Катрина, я думаю, весьма опечалится, если выйдет замуж, не имея никакого приданого. Гномы одарили меня множеством всевозможных золотых изделий и украшений, когда я еще жила в Тронжхайме. Некоторые из них я уже продала, чтобы обеспечить варденов всем необходимым, но и того, что у меня еще осталось, хватит, чтобы женщина всю жизнь одевалась в шубы из норки и атласные платья. И большая часть этого будет принадлежать Катрине, если мы с тобой придем к согласию.

Роран, ошеломленный, снова поклонился и сказал:

– Благодарю тебя. Твоя щедрость поистине удивительна. Не знаю, право, как я смогу отплатить тебе за это.

– Отплатишь, если будешь сражаться за дело варденов с тем же пылом, с каким сражался за Карвахолл.

– О да, я буду сражаться! И Гальбаторикс проклянет тот день, когда послал своих раззаков ловить меня!

– Не сомневаюсь, что он уже его прокликает. А теперь иди. Ты можешь оставаться в лагере, пока не вернется Эрагон и не поженит вас с Катриной, но я рассчитываю, что уже на следующее утро ты будешь в седле.

Настоящий волк

«Какой гордый человек, – думала Насуада, глядя, как Роран выходит из шатра. – Как интересно: они с Эрагоном во многих отношениях похожи, и все же это два совершенно различных характера. Эрагон, возможно, один из самых опасных воинов в Алагейзии, но человек он, в общем, не жестокий и довольно мягкий. А вот Роран сделан из более крепкого материала. Надеюсь, он никогда не станет мне перечить; его, наверное, легче уничтожить, чем остановить».

Она проверила свои бинты и с удовлетворением отметила, что пока что новых следов крови на них не появилось; затем позвонила в колокольчик и велела Фарике принести ей поесть. После того как служанка внесла поднос с едой и вышла из шатра, Насуада жестом подозвала к себе Эльву, которая тут же появилась из своего тайника за троном, и они вместе принялись за поздний завтрак.

Затем Насуада несколько часов изучала последние донесения маркитантов, высчитывала, сколько повозок потребуется, чтобы передвинуть свою армию дальше к северу, складывала, вычитала и делила, покрывая бумажные листы столбцами цифр. Она отправила необходимые распоряжения гномам и ургалам, приказала своим кузнецам выковать как можно больше накопечников для копий, пригрозила распустить Совет Старейшин – она грозила этим почти каждую неделю, – если он будет бездействовать, и, в общем, сделала еще массу полезных дел. Затем вместе с Эльвой выехала на своем жеребце за пределы лагеря и встретила там, в укромном месте, с Трианной, которая поймала и теперь допрашивала одного из членов «Черной Руки», шпионской организации Гальбаторикса.

Когда они с Эльвой возвращались от Трианны, Насуада поняла, что в северной части лагеря что-то происходит, ибо оттуда доносились радостные возгласы и еще какой-то шум, а затем меж палатками мелькнул какой-то человек, который сломя голову мчался прямо к ней. Охранники Насуады, не говоря ни слова, тут же окружили ее плотным кольцом, а один из ургалов, точно дерево, врос в землю на пути бегущего и вытащил свою дубинку, готовясь нанести сокрушительный удар. Бегущий успел затормозить прямо перед этим рогатым великаном и, задышавшись, крикнул:

– Госпожа Насуада! Прибыли эльфы! Они уже здесь!

На несколько безумных, неправдоподобных мгновений Насуаде подумалось, что он имел в виду королеву Имиладрис и ее армию, но затем она вспомнила, что Имиладрис сейчас где-то в окрестностях Кевнона; даже эльфы, пожалуй, не смогли бы пересечь всю Алагейзию за несколько дней. «Должно быть, – подумала Насуада, – это те двенадцать заклинателей, которых Имиладрис послала охранять Сапфиру и Эрагона».

– Скорей, лошадка! – сказала она, шелкнув пальцами. Раненые запястья горели огнем, и она вцепилась в гриву жеребца, ударив его пятками в бока. Конь напрягся и перешел в галоп. Низко пригнувшись, Насуада направила его по неровной тропе между двумя рядами палаток, заставляя людей и животных приседать и шарахаться в сторону, перепрыгивая через бочки с дождевой водой. Люди, впрочем, ничуть на нее не обижались, а весело следовали за нею, желая собственными глазами посмотреть на отряд эльфов.

У северного входа в лагерь Насуада и Эльва спешили и стали осматриваться, но на горизонте пока что не было заметно никакого движения.

– Вон там, – сказала Эльва, указывая пальцем.

И действительно, почти в двух милях от лагеря из зарослей можжевельника возникли двенадцать высоких, гибких фигур; их силуэты колебались и расплывались в жарких лучах солнца. Эльфы бежали нога в ногу, такие легкие и быстрые, что над ними даже пыль не вилась; казалось, они не бегут, а летят над землей. У Насуады даже холодок по спине пополз, настолько

прекрасным и одновременно неестественным был этот быстрый бег. Эльфы напоминали ей стаю хищников, загоняющих добычу. Ее охватило то же ощущение опасности, как когда она увидела в Беорских горах гигантского волка Шррга.

– Не правда ли, они восхитительны и ужасны?

Насуада вздрогнула, оглянулась и увидела рядом с собой Анжелу. Она почувствовала некоторое раздражение, ибо эта травница снова каким-то загадочным образом ухитрилась незаметно подобраться к ней, и пожалела, что Эльва не предупредила ее о приближении Анжелы.

– И как это тебе удастся всегда присутствовать там, где должно произойти нечто интересное?

– А, ну так я просто люблю быть в курсе того, что происходит вокруг, а самой оказаться в нужном месте получается гораздо быстрее, чем слушать потом чей-то рассказ об этом. Кроме того, люди вечно забывают всякие важные сведения, например, что у кого-то безымянный палец длиннее указательного, а у кого-то есть магическая защита, а у осла, на котором кто-то приехал, есть занятная лысинка в форме петушиной головы. Разве я не права?

Насуада нахмурилась:

– Ты никогда своих секретов не выдаешь, верно?

– Ну а какой в этом был бы прок? Все вокруг стали бы охать и ахать из-за нескольких ерундовых заклинаний, а мне потом пришлось бы часами объясняться, и в итоге королю Оррину непременно захотелось бы отрубить мне голову, так что пришлось бы мне перебить половину твоих заклинателей, которые попытались бы преградить мне путь к спасению. По моему, все это просто не стоит таких усилий.

– Твой ответ вряд ли способен вызвать особое доверие. Однако...

– Это потому что ты чересчур серьезна, госпожа Ночная Охотница.

– Но скажи мне, – не отступала Насуада, – зачем тебе знать, что кто-то едет верхом на осле, у которого есть лысинка, похожая на голову петуха?

– Ах, это! Ну, человек, у которого есть такой осел, обманул меня при игре в бабки, и я проиграла ему три пуговицы и довольно-таки занятный магический кристалл.

– Тебя обманул?

Анжела, явно задетая, поджала губы куриной гузкой.

– Бабки были со свинцом да еще и магией заряжены! А он взял да и подменил их своими, когда я на что-то отвлеклась... Я и до сих пор понять не могу, как ему удалось так меня провести.

– Значит, вы оба мухлевали?

– Это был очень ценный магический кристалл! И потом, как можно обмануть обманщика?

Прежде чем Насуада успела ответить, шестеро Ночных Ястребов с топотом вылетели из лагеря и тут же окружили ее. Она с трудом скрыла гримасу отвращения, так отвратительно воняли их пропотевшие разгоряченные тела; особенно чудовищно пахли ургалы. Затем, к ее удивлению, командир этой группы, большой и сильный мужчина с крючковатым носом по имени Гарвен, обратился к ней с просьбой:

– Госпожа моя, нельзя ли мне переговорить с тобой наедине? – Он говорил, словно сквозь стиснутые зубы, явно пытаясь подавить собственное возбуждение.

Анжела и Эльва посмотрели на Насуаду, ожидая, что она велит им отойти. Она кивнула, и они потихоньку пошли к западному берегу реки Джиет. Убедившись, что они отошли уже достаточно далеко, чтобы не иметь возможности подслушивать, Насуада уже открыла рот, чтобы разрешить Гарвену говорить, но тот опередил ее, воскликнув:

– Черт побери, госпожа Насуада, ты не должна вот так уезжать от нас! Как ты могла оставить нас позади?!

– Спокойно, капитан, – ответила она. – Риска тут, можно сказать, не было никакого, а я знала, что очень важно оказаться тут вовремя и самой встретить эльфов.

Доспехи Гарвена загремели, когда он с досадой ударил себя по ноге рукой в латной перчатке.

– Никакого риска? Да меньше часа назад ты получила доказательство того, что у Гальба-торикса по-прежнему есть свои агенты среди варденов. Он снова и снова внедряет своих шпионов в наши ряды, и тем не менее ты считаешь совершенно нормальным бросать свой эскорт и мчаться галопом через весь лагерь, где полно потенциальных убийц! Ты что, забыла штурм Аберона? Или то, как Двойники убили твоего отца?

– Капитан Гарвен! Ты заходишь слишком далеко!

– Я и дальше зайду, если это будет необходимо, чтобы обеспечить полную твою безопасность, госпожа Насуада!

Эльфы тем временем уже пробежали половину расстояния, отделявшего их от лагеря, и Насуада, видя это, сердилась, чувствуя, что пора прекращать этот неприятный разговор.

– У меня есть и еще кое-какая защита, капитан, – попыталась она успокоить охранника. Метнув быстрый взгляд в сторону Эльвы, Гарвен сказал:

– Мы так и подозревали, госпожа. – Последовала пауза, словно он надеялся, что Насуада сама что-нибудь прибавит, но, поскольку она молчала, он продолжал ковать железо, пока горячо: – Если ты действительно была в полной безопасности, то я ошибся, обвиняя тебя в беспечности, и прошу у тебя прощения. И все же безопасность и видимость безопасности – это очень разные вещи. Чтобы Ночные Ястребы действительно служили тебе незаменимой защитой, они должны быть самыми находчивыми, самыми упорными и неуступчивыми, самыми злыми воинами на свете, и люди действительно должны верить, что это так. Они должны верить, что если кто-то попытается пырнуть тебя ножом, или выстрелить в тебя из тяжелого лука, или использовать против тебя волшебство, мы, Ночные Ястребы, непременно его остановим. Если они будут уверены, что у них не больше возможностей причинить тебе ущерб, чем у мыши – причинить ущерб дракону, то они попросту выбросят из головы даже мысли об этом, и мы, таким образом, предотвратим возможность нападения на тебя, госпожа, не пошевелив при этом и пальцем.

Мы не можем сражаться со всеми твоими врагами, Насуада. Для этого нужна целая армия. Даже Эрагон не смог бы спасти тебя, если бы у всех тех, кто хочет видеть тебя мертвой, хватило храбрости. Если бы они могли пойти на поводу у собственной ненависти, ты, возможно, пережила бы сто покушений на твою жизнь или даже тысячу, но в итоге чья-то попытка все равно удалась бы. Единственный способ воспрепятствовать подобным попыткам – это убедить большую часть твоих врагов, что им никогда не пройти мимо твоих Ночных Ястребов. Наша репутация может защитить тебя столь же надежно, как и наши мечи. И нет ничего хорошего, если люди видят, как ты скачешь куда-то верхом без нашего сопровождения. Не сомневаюсь, мы выглядели, как полные дураки, когда пытались тебя догнать. В конце концов, если ты не уважаешь нас, госпожа моя, то с какой стати нас будут уважать другие? – Гарвен чуть приблизился к ней и понизил голос почти до шепота: – Если будет нужно, мы с радостью умрем за тебя. Единственное, что мы просим взамен – чтобы ты позволила нам исполнять свои обязанности. Это ведь, по-моему, не так уж и много. И может наступить такой день, когда ты скажешь спасибо, что мы оказались рядом. Другая твоя защита – человеческая, а потому подвержена ошибкам и просчетам, сколь бы велики ни были возможности этого человека. Кроме того, она не давала тебе тех клятв на древнем языке, какие давали мы, Ночные Ястребы. Ее симпатии могут перемениться, и тогда тебе придется опасаться за свою жизнь, ибо она может неожиданно пойти против тебя. А Ночные Ястребы тебя никогда не предадут. Мы твои, госпожа Насуада, мы полностью принадлежим тебе. Так что, прошу тебя, позволь нам делать то, что положено. Позволь нам защищать тебя.

Сперва Насуаду совершенно не трогали доводы Гарвена, однако его красноречие и ясные аргументы произвели на нее впечатление. «Отличный человек, – думала она, – жаль, что я не нашла для него более достойного применения».

– Я вижу, Джормундур окружил меня воинами, столь же изощренными в красноречии, сколь и во владении мечом, – с улыбкой сказала она.

– Благодарю, госпожа моя.

– Ты прав. Я не должна была уезжать и оставлять тебя и твоих людей позади. Я прошу у вас прощения. Это был беспечный и неразумный поступок. Я все никак не привыкну, что меня постоянно окружает охрана, и порой забываю, что не могу передвигаться с прежней свободой, как когда-то в Фартхен Дуре. Даю тебе слово чести, капитан Гарвен, что больше этого не повторится. И я, безусловно, нисколько не хотела уронить достоинство Ночных Ястребов или причинить им ущерб.

– Благодарю, госпожа моя.

Насуада отвернулась и снова посмотрела в ту сторону, откуда приближались эльфы; теперь их скрывал из виду лишь берег высохшей речушки, и до лагеря оставалось не более четверти мили.

– А знаешь, Гарвен, – снова обратилась к нему Насуада, – всего несколько минут назад ты, похоже, изобрел девиз Ночных Ястребов.

– Вот как? Но я что-то этого не припомню.

– Да, да! Изобрел! «Самые умные, самые упорные и самые злые», – ты ведь примерно так сказал? Это был бы отличный девиз, хотя, возможно, «и» там не нужно. Если остальные Ястребы его одобряют, тебе нужно попросить Трианну перевести его на древний язык, а потом этот девиз вырежут на ваших щитах и вышьют на ваших знаменах.

– Ты в высшей степени щедра, госпожа моя. Как только вернемся в лагерь, мы непременно обсудим это с Джормундуром и другими капитанами. Вот только...

Он колебался, не решаясь начать, и Насуада, догадавшись, что его тревожит, сказала:

– Но тебя беспокоит, что подобный девиз может показаться слишком заурядным для тех, кто занимает столь высокое положение? Наверное, ты предпочел бы что-нибудь более благородное и заумное, я права?

– Права, госпожа. – На лице Гарвена явственно читалось облегчение.

– Полагаю, над этим стоит подумать. Ночные Ястребы представляют всех варденов, и вам порой приходится иметь дело с весьма знатными представителями различных народов. Было бы жаль, если бы вы производили неправильное впечатление... Ну, хорошо, я предоставлю тебе и твоим подчиненным и друзьям придумать другой, более подходящий девиз. Не сомневаюсь, ты прекрасно с этим справишься.

Как раз в эту минуту из русла пересохшего ручья вынырнули двенадцать эльфов, и Гарвен, пробормотав еще какие-то слова благодарности, отодвинулся от Насуады на подобающее охраннику расстояние. Насуада тоже придала лицу соответствующее моменту важной встречи выражение и махнула рукой Эльве и Анжеле, подзывая их к себе.

Когда эльфы находились еще на расстоянии нескольких сотен футов, тот, что бежал впереди, показался Насуаде не только облаченным с ног до головы в черное, но чернокожим, как она сама. Но вскоре она поняла, что на нем только набедренная повязка и вышитый пояс из ткани, к которому подвешен небольшой кошелек, а все его тело покрыто темно-темно-синей, точно полуночное небо, блестящей шерстью, которая так и переливалась в лучах солнца. Длинной в четверть дюйма эта шерсть напоминала гладкие, мягкие, гибкие доспехи, повторявшие форму тела и каждое движение мускулов; на коленях и локтях шерсть, впрочем, была гораздо длиннее и достигала, по крайней мере, двух дюймов, а между лопатками росла настоящая густая грива в ладонь высотой, спускавшаяся до самого конца позвоночника. Лоб необычного эльфа был закрыт неровными прядями густой челки, а на кончиках заостренных ушей торчали

кисточки, как у рыси; на лице темная шерстка была такой короткой и гладкой, что лишь цвет выдавал ее наличие. Глаза посланника Имиладрис были ярко-желтыми и светились. Оба средних пальца на руках украшали не обычные ногти, а весьма длинные когти. Когда этот эльф, замедлив бег, остановился перед Насуадой, она заметила, что от него исходит и вполне определенный запах: солоноватый, мускусный, напоминающий запах сухого можжевельнового дерева, промасленной кожи и дыма. Запах этот был столь силен и столь явственно говорил о присутствии животного-самца, что у Насуады по спине поползли мурашки. Ее бросало то в жар, то в холод, лицо горело, и она была рада, что у нее, темнокожей, это совершенно не заметно.

Остальные эльфы имели куда более привычный облик: примерно того же роста, что и Арья, светлокожие, одетые в обычные туники тускло-оранжевого и зеленого, как сосновые иглы, цвета. Шестеро из них были мужчинами, шестеро – женщинами. У всех волосы были цвета воронова крыла, за исключением двух женщин с серебристыми, как звездный свет, кудрями. Определить возраст каждого было совершенно невозможно; на их лицах не было морщин, и гладкая кожа казалась совершенно молодой. Это были первые эльфы, если не считать Арьи, с которыми Насуада встретилась лично, и ей, разумеется, очень хотелось убедиться, что Арья – действительно типичная представительница своей древней расы.

Коснувшись двумя пальцами губ, эльф-предводитель поклонился, как и его товарищи, затем, как-то странно изогнув правую руку, приложил ее к груди и промолвил:

– Мои приветствия и поздравления тебе, о Насуада, дочь Аджихада. Атра эстерни онто тхелдуин. – Его акцент заметнее, чем у Арьи, и речь его звучала более напевно и музыкально благодаря растянутым гласным.

– Атра дю эваринья оно варда, – отвечала Насуада, как научила ее Арья.

Эльф улыбнулся, обнажив зубы, несколько более острые, чем у обычного человека.

– Меня зовут Блэдхгарм, сын Илдрид Прекрасной. – Затем он по очереди представил всех остальных эльфов и продолжил: – Мы принесли тебе радостные известия от королевы Имиладрис: прошлой ночью нашим заклинателям удалось разрушить ворота Кевнона. Так что в данную минуту наши войска продвигаются по улицам города к той башне, где забаррикадировался лорд Таррант. Кое-кто еще оказывает нам сопротивление, но в целом город взят и вскоре будет полностью находиться у нас в руках.

Охрана Насуады и те вардены, что собрались у нее за спиной, разразились радостными криками, услышав об этом. Она тоже обрадовалась этой победе, но затем радость сменилась тревогой и дурными предчувствиями: она представила себе, как эльфы – особенно такие сильные и стремительные, как Блэдхгарм, – врываются в дома жителей Кевнона. «Боги, какие же неземные, сверхъестественные силы спустила я с поводка?!» – думала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.